

Volume 15
№ 2 (51) 2019

Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия

Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Амплеева Т.Ю. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук, Россия

Фабрицио Д'Ашенцо – профессор, проректор Римского Университета Сапиенца, Италия

Ван Чэньсин – научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, программный менеджер Всекитайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай

Гаман-Голутвина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор

Гао Ченг – профессор, главный редактор, журнал современных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Китай

Грибанов Д.В. – доктор юридических наук, доцент, проректор по учебной работе Уральского государственного юридического университета, Россия

Проф. доктор Стивен Гуанпенг Донг – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай

Эмилианидис Ахилл – профессор, декан юридического факультета Университета Никосии, Кипр

Енгибарян Р.В. – научный руководитель факультета управления и политики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Ендольцева А.В. – профессор кафедры правовых основ управления, доктор юридических наук, профессор, Россия

Йе Хайлинь – профессор, руководитель исследований Южной Азии, Национальный институт международной стратегии, Китайская академия общественных наук, Китай

Камолов С.Г. – заведующий кафедрой государственного управления МГИМО МИД России, кандидат экономических наук, доцент, Россия

Краснов Ю.К. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия

Хосе А. Моранде Лавин – Директор института международных исследований Университета Чили, Чили

Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия

Мальгин А.В. – проректор по общим вопросам МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия

Доктор Душан Павлович – факультет политических наук Белградского университета, Сербия

Потьер Андре Тимоти – профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Ph.D., Россия

Сардарян Г.Т. – декан факультета управления и политики, кандидат политических наук, Россия

Субочев В.В. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия

Тяги Парул – преподаватель кафедры бизнеса и менеджмента Джайпурского национального университета, Ph.D. (менеджмент), Джайпур, Индия

Доктор Герхард Шнайдер – Королевский колледж Лондона, факультет менеджмента и бизнеса, Ph.D. in Political Science, Великобритания

Энтин М.Л. – заведующий кафедрой европейского права МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.Э. БЕРЕЗКО

корректор – Т.М. Срапян

компьютерная верстка – Д.Е. Волков

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

3 Р.В. Енгибарян

Правовое сотрудничество России и США: исторические корни современных проблем

12 В.Л. Шульц, С.А. Бочкарёв

Управление правовыми процессами: постановка вопроса

21 Ю.К. Краснов

Гендерное неравенство в современном мире
По материалам исследования международных организаций

29 М.Н. Лысенко

Правовые проблемы и перспективы неразмещения оружия в космосе

38 А.А. Щербаков

Правовые последствия эксцесса владельца вещи в гражданском праве России и Германии

45 С.Н. Смирнов

Правовой механизм изменения индивидуального правового статуса представителями привилегированных сословий в Российской империи в 1801 – 1815 гг.

52 К.В. Крымская

Установление зон безопасности вокруг стационарных морских установок на континентальном шельфе (правовые вопросы)

УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

60 А.Н. Митин, П.У. Кузнецов

Международная практика борьбы с коррупцией

72 Е.В. Котов

Управление экономикой непризнанной Донецкой республики: правовые основы, закономерности, перспективы

81 В.Д. Сысоев

Дмитрий Лобанов-Ростовский – автор Тильзитского мира

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution "Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

**CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD,
EDITOR-IN CHIEF – R. YENGIBARYAN**
EDITORIAL BOARD:

Franchesco Adornato – Professor, Rector, University of Macerata, Italy
Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Tatyana Yu. Ampleeva – Professor of the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Russia
Fabrizio D'Ascenzo – Professor, Vice-Rector, Sapienza University of Rome, Italy
Wang Chenxing – Ph.D, Assistant Professor (Research Fellow) of Institute of Russia, East Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences; Program Manager of Chinese Association for Russian, East European and Central Asian Studies, China
Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Gao Cheng – Professor, Executive chief editor, Journal of Contemporary Studies of Asia and Pacific, China
Dmitry V. Gribanov – Doctor of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Ural State Law University, Russia
Prof. Dr. Stephen Guangpeng Dong – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China
Achilles C. Emilianides – Professor, Dean School of Law, University of Nicosia, Cyprus
Robert V. Yengibaryan – Academic Director of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Alla V. Yendoltseva – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, Doctor of Law, Professor, Russia
Ye Hailin – Professor, Editorial chief of South Asia Studies, National Institute of International Strategy, Chinese Academy of Social Sciences, China
Sergei G. Kamolov – Head of the Department of Public Administration, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, PhD in Economics, Associate Professor, Russia
Yu. K. Krasnov – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia
Jose A. Morande Lavin – Director of Institute of International Studies, University of Chile, Chile
Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Artem V. Malgin – Vice-Rector for General Issues, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russia
Dušan Pavlović – Associate Professor, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Serbia
Potier André Timothy – Professor with the Department of International Law, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D., Russia
Henry T. Sardaryan – Dean of the Faculty of Administration and Politics, Candidate of Political Sciences, Russia
Vitaly V. Subochev – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
Anatoly V. Torkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia
Tyagi Parul – Jaipur National University, Lecturer of the Chair "Business and Management", Ph.D. (Management), India
Dr. Gerhard Schnyder – Royal College of London, Faculty of Management and Business, Ph.D. In Political Science, United Kingdom
Mark L. Entin – Head of the Department of European Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
EXECUTIVE SECRETARY – Vladimir E. Berezko
Proofreading – **Tamara M. Shrapyan**
Computer layout – **Dmitry E. Volkov**

CONTENTS

LAW IN THE PRESENT-DAY WORLD

- 3 **R.V. Yengibaryan**
Legal cooperation between Russia and the USA:
historical roots of modern problems
- 12 **V.L. Schulz, S.A. Bochkarev**
Management of Legal Processes:
Statement of the problem
- 21 **Yuri K. Krasnov**
Gender inequality in the modern world
Based on the study of international organizations
- 29 **M.N. Lysenko**
Legal Issues and Prospects for No Placement of
Weapons in Outer Space
- 38 **A.A. Shcherbakov**
Legal consequences of an excess of the property's
owner in the Civil Law in Russia and Germany
- 45 **S.N. Smirnov**
The legal mechanism for changing the individual
legal status of representatives of the privileged
classes in the Russian Empire in 1801-1815
- 52 **K.V. Krymskaya**
Establishing safety zones around fixed structures at
sea on continental shelf (legal issues)

ADMINISTRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

- 60 **A.N. Mitin, P.Uv. Kuznetsov**
International Anti-Corruption Practices
- 72 **E.V. Kotov**
Economic management of the unrecognized Donetsk
Republic: legal framework, patterns, prospects
- 81 **V.D. Sysoev**
Dmitry Lobanov-Rostovsky –
the Treaty of Tilsit author

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С сетевым изданием «Право и управление. XXI век. Электронное издание» можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru
www.pravo.mgimo.ru

The "Law and Administration. The 21st Century" journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.
The Internet edition of the "Law and Administration. The 21st Century" is available at: www.mgimopravo.elpub.ru
www.pravo.mgimo.ru

ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И США: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Роберт Енгибарян*

DOI 10.24833/2073-8420-2019-2-51-3-11

***Введение.** Отношения России и США имеют практически трехвековую историю, более двухсот лет страны связывают официальные дипломатические отношения, которые были прерваны на шестнадцать лет в период с 1917 г. по 1933 г. Пожалуй, самым мирным и плодотворным для наших стран был XIX век, когда интересы Российской Империи и США на мировой арене не противоречили друг другу, зачастую совпадали, исключая тем самым конфронтацию двух государств. XIX век для России и США ознаменован созданием ряда двусторонних договоров, в том числе о выдаче преступников, которые закрепляли их партнерские отношения.*

XX век, напротив, отмечен нестабильностью, цикличностью взаимоотношений двух стран. Неприятие советской власти, длительный период непризнания Советского Союза сменился в 1933 г. этапом взаимного многоаспектного сотрудничества СССР и США, в том числе в правовой сфере, союзническими отношениями в ходе Второй Мировой Войны. Вторая половина XX века была наполнена открытым противоборством двух мировых гигантов, когда кризис отношений СССР и США поставил мир на грань третьей мировой войны. В таких условиях не могло быть речи о совершенствовании договорной базы правового сотрудничества, а заключенное еще в 1935 г. Соглашение о порядке исполнения судебных поручений не находило своего практического применения.

Современная Россия приняла на себя весь груз проблем и противоречий в правовом сотрудничестве с Соединенными Штатами, поиск путей выхода из которых возможен лишь на основе исторического анализа их предпосылок с учетом особенностей современных международных отношений.

***Материалы и методы.** Методологической основой исследования является диалектический метод познания явлений во взаимосвязи и взаимной обусловленности с использованием совокупности обще- и частнонаучных способов познания окружающей действительности. Исторический метод способствовал восстановлению в хронологической последовательности правового сотрудничества России (СССР) и США. Метод актуализации позволил выявить исто-*

* **Енгибарян Роберт Вачаганович**, научный руководитель факультета управления и политики МГИМО МИД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.
e-mail: igu-mgimo@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-2586-7578

рические факторы, определившие особенности развития международного сотрудничества в правовой сфере. Метод диахронизации позволил выделить определенные сменяющие друг друга этапы развития международного правового сотрудничества России (СССР) и США, их сравнить, выявить закономерности развития.

Результаты исследования. В рамках проведенного исследования автором было установлено, что межгосударственное правовое сотрудничество является неотъемлемой частью внешней политики государств. Международно-правовая база сотрудничества России и США по гражданским, семейным и уголовным делам была создана в иную историческую эпоху и не отвечает современным международным отношениям, слабо реализуется органами юстиции двух государств.

Между Россией и США нет основополагающего для защиты прав и законных интересов граждан обоих государств Договора о правовой помощи по гражданским и семейным делам, а в Договоре о правовой помощи по уголовным делам отсутствуют положения об экстрадиции.

Обсуждение и заключение. Исследована международно-правовая база сотрудничества Российской Федерации (а ранее - Советского Союза) и Соединенных Штатов Америки в правовой сфере; проблемы реализации международной правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам. Проанализированы основные положения Договора о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2000 г; многосторонних Конвенций о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г. и о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., а также Соглашения «О порядке исполнения судебных поручений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки» 1935 г. Показаны перспективы развития правового сотрудничества России и США.

Введение

Из советского прошлого нам досталось противоборство двух миров, двух цивилизаций – России и США. На протяжении трех веков отношения этих мировых гигантов развивались циклично, от партнерства и сотрудничества во многих сферах общественно-политической жизни до реальных военных угроз, взаимной высылки дипломатов.

Чтобы понять проблемы правового сотрудничества России и США на современном этапе, необходимо проанализировать историю межгосударственных отношений наших стран, сущность российской и американской цивилизаций, их правовых систем, которые весьма самобытны и имеют целый комплекс отличительных особенностей.

Исследователи проблем международных отношений, политологи часто сравнивают российскую и американскую цивилизации, пытаясь выявить отличия в духовной и религиозной сферах, отноше-

нии к науке и культуре, к труду, деньгам, собственности и т.п., чтобы понять корень наших противоречий и попытаться найти наиболее оптимальные механизмы для сближения двух стран [4, 5].

Автором теории цивилизаций принято считать английского историка и социолога А. Дж. Тойнби. В своем 12-ти томном труде «Постижение истории» Тойнби писал о том, что человечество существует в виде совокупности отдельных цивилизаций (автор называл их локальными цивилизациями), которые аналогичны биологическим видам, обитающим в пределах определенного пространства и в определенное время, в определенных географических условиях. Каждая цивилизация продельвает свой собственный жизненный путь [9].

Среди прочих цивилизаций Тойнби выделял Западную и Православно-христианскую (или Русскую). «Постижение истории» писалось в середине XX века, когда налицо были вся острота и противоречивость советско-американских отношений,

а также примеры тесного сотрудничества двух государств. США принято относить к Западной цивилизации, поскольку саму государственность в этой стране основывали и развивали выходцы из Западной Европы. Вместе с тем американская цивилизация имеет яркую специфику, определяющую образ мышления и жизни граждан этой страны. Как отмечается в литературе, «многие особенности американской цивилизации действительно связаны с освоением континента Северной Америки, с продвижением поселенцев на западные земли... Нельзя не удивляться, как в огромном «плавильном котле» в американцев превращались представители самых разных национальностей и расовых культур. Соседство и взаимодействие культур индейцев, черных африканцев, белых иммигрантов из Европы, а позднее и переселенцев из стран Азии способствовало формированию самобытных черт американской культуры, подчас лежавших за пределами привычных европейских традиций»¹.

Особенности русской цивилизации обусловлены географическим положением на стыке Европы и Азии; многоконфессиональностью с преобладанием православия, терпимостью к другим вероисповеданиям; многонациональностью (отсюда и идея дружбы народов); сильным государством и одновременно миролюбием, самые масштабные войны были оборонительными, освободительными.

Такая совокупность цивилизационных факторов России и США обусловила особенности построения их взаимоотношений не только на внешнеполитической и внешнеэкономической аренах, но в сфере правового сотрудничества, особенности которого будут показаны ниже.

Исследование

Основой межгосударственного сотрудничества в различных сферах, гарантом исполнения принятых на себя международных обязательств является наличие дипломатических отношений между государствами. Как отмечается в литературе, дипломатические отношения призваны

способствовать развитию дружественных отношений между государствами, поддержанию мира и безопасности. Установлению дипломатических отношений обычно предшествует юридическое признание государства со стороны другого государства, сам факт их установления всегда говорит о наличии такого признания. Дипломатические отношения между государствами и государством подобными образованиями в общем случае - это дружеские контакты любого характера между их правительствами, они могут существовать даже при отсутствии посольств. Однако полноценный характер дипломатических отношений приобретают только после открытия дипломатической миссии или, что более предпочтительно, обмена ими.

В частности, в современном международном праве вопросы дипломатических отношений государств регулирует Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г., ст. 2 которой гласит: «Установление дипломатических отношений между государствами и учреждение постоянных дипломатических представительств осуществляются по взаимному согласию»².

Дипломатические отношения России и США имеют давнюю историю. Первый посланник Соединенных Штатов в Россию был назначен еще в 1780 г. Собственно процесс установления дипломатических отношений между США и Россией, как известно, длился практически три года - с 1807 г. по 1810 г. До этого времени на протяжении десятилетий отмечено немало торговых контактов двух стран. Торговля на долгие годы станет основным направлением их сотрудничества.

В течение XIX в. Российская Империя и США заключили ряд договоров, роль и значение некоторых из них до сих пор толкуется неоднозначно.

Так, в 1824 г. в Петербурге подписана Русско-Американская конвенция о дружественных связях, торговле, мореплавании и рыбной ловле, определившая границы русских владений в Северной Америке.

В 1832 г. между Россией и США был заключен Трактат о торговле и морепла-

¹ История США в документах. Американская цивилизация как исторический феномен // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.grinchevskiy.ru/books/amerikanskaya-civilizaciya-kak-istoricheskiy-fenomen/amerikanskaya-civilizaciya.php> (дата обращения: 21 апреля 2019)

² Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 19 апреля 2019)

вании, предоставивший режим наибольшего благоприятствования товарам и гражданам обеих стран. Данный Договор действовал практически 80 лет.

В 1867 г. в Вашингтоне подписан договор о продаже Россией США Аляски - беспрецедентная в мировой истории сделка. В исторической литературе отмечается, что жизненно необходимое Российской Империи золото, вырученное от продажи Аляски, так и не было направлено на государственные нужды (якобы частично растрачено, частично затонуло вместе с перевозившим его фрегатом)³.

Другие же авторы отмечают, что деньги все же были потрачены на закупку оборудования для российских железных дорог [8].

1893 г. связан с заключением между Россией и США первого договора, имевшего целью урегулировать отношения по правовому сотрудничеству - Договора об экстрадиции.

История международного правового сотрудничества России свидетельствует о том, что разработка и подписание двусторонних международных соглашений и договоров в данной сфере всегда связаны с социально-политическими процессами, происходящими в стране на конкретном историческом этапе - войнами, революциями, массовой эмиграцией населения, активной международной интеграцией и т.п. и, как следствие, необходимостью решения с помощью юрисдикционных средств иностранного государства гражданско-правовых и семейно-правовых конфликтов (наследования, опеки над несовершеннолетними детьми и имуществом, усыновления, расторжения брака, взыскания алиментов и др.), в которых присутствует тот или иной иностранный элемент [1. С. 75].

Подписание конвенции о взаимной выдаче преступников 1893 г. также было связано с процессами эмиграции на рубеже 1880-1890-х гг. населения из России в США. Среди традиционных причин эмиграции из Российской Империи (политические преследования; желание найти лучшие, достойные условия для жизни; введенная в России всеобщая воинская повинность) немало было желающих укрыться от уголовного преследования за совершенные преступления [8].

Данная Конвенция разрабатывалась более десяти лет, заинтересованы в ней были оба государства.

Российские авторы отмечают, что «уголовное судопроизводство — отрасль публичного права — не только использовала общие с гражданским судопроизводством формы международной правовой помощи, но и «произвела на свет» ее специфические формы: задержание и экстрадицию, производство обыска и выемки, и т.д. [7. С. 32].

Можно констатировать, что на протяжении XIX в. Россию и Соединенные Штаты сближали общие торговые и промышленные интересы. Между странами сложилось и активно развивалось сотрудничество в политической, гуманитарной, культурной, а также правовой сферах; в целом отношения были дружескими и партнерскими. Их интересы на мировой арене не противоречили друг другу, более того, нередко даже совпадали, что исключало противоборство и открытую конфронтацию государств.

Октябрьская революция 1917 г. ликвидировала не только государственный строй Российской Империи, государственный механизм, но и налаженные за многие десятилетия межгосударственные связи. Международные обязательства, как и установленные Российской Империей дипломатические отношения не имели значения для Советской России. Кроме того, Революция уничтожила частную собственность, а отрицание частноправовых начал исключало необходимость правовой защиты имущественных и семейных прав граждан, в том числе путем сотрудничества с иностранными государствами. Также не было актуальным сотрудничество по уголовным делам, поскольку Советскую Россию после революции и в последующие годы эмигранты могли покидать практически свободно.

Соответственно и с Соединенными Штатами дипломатические, торговые, правовые и иные отношения были прекращены. А в 1918 г. США присоединились к международной интервенции в России.

Вторая половина 1920-х годов - период активного международного признания Советского Союза, когда было заключено свыше сорока двусторонних договоров с иностранными государствами.

³ История России. Продажа Аляски США 18 октября 1867 года. // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://istoriarusi.ru/imper/prodazha-aljaski.html> (дата обращения: 21 апреля 2019)

С Соединенными Штатами отношения были напряженными. США в 1921 г. отклонили предложение ВЦИК РСФСР о восстановлении двусторонних торговых отношений. Лишь отдельные американские компании (например, автомобильная фирма «Форд») поставляли продукцию на советский рынок. На протяжении всего третьего десятилетия прошлого века США активно выступали против признания СССР.

Исследователи истории советско-американских отношений отмечают, что в августе 1931 г. президент США Г. Гувер выражал надежду на разрушение Советского Союза⁴.

Вопрос о признании СССР стал реальным в 1933 г. с приходом к власти нового президента США Франклина Рузвельта, который видел взаимную выгоду в восстановлении дипломатических отношений между странами.

В результате 16 ноября 1933 г. дипломатические отношения между СССР и США были установлены.

Установление дипломатических отношений между странами сделало возможным их сотрудничество по самым различным направлениям, в том числе и в правовой сфере.

В ноябре 1935 г. между СССР и США было заключено эпохальное по своему значению для развития правового сотрудничества Соглашение о порядке исполнения судебных поручений, которое является практически единственным двусторонним договором, регулирующим соответствующие отношения более восьмидесяти лет.

Соглашение совершено путем обмена нотами в соответствии с принятым в ту историческую эпоху подходом – аналогичным образом в середине 1930-х гг. такие соглашения Советский Союз заключил с Францией и Бельгией. Как отмечается в литературе, двусторонние договоры о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам войдут в практику международных отношений лишь на рубеже 1940-50-х годов и по сей день отношения Российской Федерации по международному правовому сотрудничеству закрепляются именно путем заключения

договоров о правовой помощи. А в предвоенное десятилетие СССР делал только пробные шаги, пытаясь ввести в международный оборот специально посвященные правовому сотрудничеству соглашения с отдельными, наиболее дружественными иностранными государствами [2. С. 20].

Советский Союз в своей Ноте определил процедуру исполнения поручений американских судов, а именно: такие поручения направляются посредством посольств, адресуются Верховным Судам союзных республик, переводятся на русский язык, исполняются по правилам советского процессуального законодательства, порядок уплаты США расходов по исполнению поручений. В качестве основания для отказа в исполнении поручений устанавливалось противоречие суверенитету и безопасности СССР⁵.

Нота Соединенных Штатов более объемна по своему содержанию, устанавливала «условия и форму, согласно которым суды Соединенных Штатов могут исполнять судебные поручения» судов СССР. В частности, отмечалось, что поручения исполняются на основании законодательства конкретного Штата, соответственно Правительство США «не имеет возможности указать точно, каковы могут быть в любое данное время требования того или иного суда».

Отмечалась практика «некоторых Штатов» передачи поручений «консульским должностным лицом» (т.е. советским консулом соответствующего консульского округа).

Содержался комплекс рекомендаций советским судам для составления судебных поручений, поскольку Штаты также по-разному регулировали этот вопрос.

Относительно вручения документов советским гражданам на территории США отмечалось, что это не входит в компетенцию американских судов и должностных лиц, однако без ограничений может осуществляться «советскими дипломатическими и консульскими должностными лицами»⁶.

Столь пристальное внимание к содержанию Соглашения обусловлено тем, что,

⁴ История отношений России с США. // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://newsruss.ru/doc/index.php/История_отношений_России_с_США (дата обращения: 21 апреля 2019)

⁵ Нота Народного Комиссара Иностранных Дел на имя Посла Соединенных Штатов Америки в Москве // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://minjust.ru/node/3680> (дата обращения: 20 апреля 2019)

⁶ Нота Посла Соединенных Штатов Америки в Москве на имя Народного Комиссара Иностранных Дел // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://minjust.ru/node/3680> (дата обращения: 20 апреля 2019)

как выше было замечено, оно не было отменено или изменено другим документом, действует и в настоящее время в процессе правового сотрудничества России и США. Кроме того, традиционного для такого рода международного сотрудничества комплексного Договора о правовой помощи между нашими странами не имеется.

Заметим также, что в Соглашении 1935 г. не уточняется поручения по каким делам – уголовным или гражданским – взаимно могут исполняться, какие процессуальные действия может запрашивать суд-инициатор. Это нормальная ситуация, поскольку для того исторического периода практика двусторонних соглашений о правовом сотрудничестве еще только начала формироваться.

По прошествии шестидесяти пяти лет с момента создания рассмотренного выше соглашения Российская Федерация заключила с США Договор о взаимной правовой помощи по уголовным делам, который был ратифицирован 3 ноября 2000 г. и вступил в силу 31 января 2002 г.⁷

Данный договор может быть реализован только по делам о совершении общеуголовных преступлений, на воинские преступления он не распространяется. Объем правовой помощи по уголовным делам, взаимно оказываемой Россией и США, практически не ограничивается, главное условие, чтобы такая помощь не была запрещена «законами запрашиваемой Стороны». Понятно, что сторона-инициатор может запрашивать производство лишь тех процессуальных действий, которые предусмотрены действующим законодательством: для России – УПК РФ, для США – законодательством конкретного Штата.

Для передачи поручений в России определена Генеральная прокуратура РФ «или назначенные Генеральным прокурором Российской Федерации лица», в США – Министр юстиции «или назначенные им лица».

Договор также устанавливает основания для отказа в исполнении поручения, среди которых имевшая место еще в 1935 г.

угроза безопасности и суверенитету запрашиваемого государства; определяются форма и содержание запроса о правовой помощи; а также процедура исполнения отдельных процессуальных действий, в том числе получение показаний, передача лиц, содержащихся под стражей, предоставление официальных материалов и вручение документов, установление местонахождения и идентификация лиц и предметов и др.

Необходимо акцентировать внимание на том, что экстрадиция из России по запросу США и из США по запросу России данным Договором не предусмотрена. Такое действие, как «передача содержащихся под стражей лиц» предусматривает возвращение переданного лица по окончании производства необходимых с его участием процессуальных действий.

Помимо исследованных выше двусторонних соглашений правовое сотрудничество России и США базируется на следующих универсальных международных конвенциях:

1. Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 г.⁸;

2. Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г.⁹

При этом необходимо отметить, что к таким базовым, основополагающим для международного сотрудничества по гражданским и семейным делам документам Гаагской конференции по международному частному праву, как Гаагская конвенция по вопросам гражданского процесса 1954 г. и Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам 1970 г. Соединенные Штаты не присоединились.

Результаты исследования

Итак, международное правовое сотрудничество еще в эпоху классического международного права стало неотъемлемой

⁷ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 3 ноября 2000 г. // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901774976> (дата обращения: 19 апреля 2019)

⁸ Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 г. // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://fssprus.ru/convens_sud_i_vnesud (дата обращения: 19 апреля 2019)

⁹ Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г. // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://base.garant.ru/10164637/> (дата обращения: 19 апреля 2019)

частью внешней политики государств. При этом его состояние на различных исторических этапах было обусловлено целым комплексом факторов, в числе которых: состояние международной обстановки, наличие дипломатических отношений между конкретными государствами и уровень их развития, отношение государства к защите прав и свобод человека и гражданина, наличие соответствующего государственного механизма, призванного реализовывать данное международное сотрудничество [3. С. 18].

Правовое сотрудничество между Россией и США уже сложившийся институт, несмотря на то, что имеет весьма скромную международно-правовую базу, которая включает в себя:

- по уголовным делам - Договор о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2000 г., который не содержит положений об экстрадиции;
- по гражданским и семейным делам - многосторонние Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г. и о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., а также двустороннее соглашение 1935 г. о порядке исполнения судебных поручений.

А. Миронов пишет о том, что Соглашение «О порядке судебных поручений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки» 1935 г., несмотря на столь давний срок заключения и недостатки в практике его исполнения, вызванные скорее политическими, нежели практически-

ми обстоятельствами, не утратило своей силы и значимости. Являясь по сути дела единственным документом, регламентирующим исполнение судебных поручений по гражданским и семейным делам, направляемым российскими судами для исполнения в США и соответственно судами США для исполнения в России, данное Соглашение не реализуется органами юстиции в должной мере, оставаясь забытым и обойденным как в научных трудах, посвященных международным отношениям, так и на практике [5].

Заключение

Имеющаяся международно-правовая база сотрудничества России и США по правовым вопросам далека от совершенства, была создана в иных исторических условиях и не может в полной мере отвечать потребностям двух государств и общемировым стандартам. Относительно «свежий» договор о правовой помощи по уголовным делам не содержит положений об экстрадиции, что способствует безнаказанности криминальных элементов и росту преступности.

Отсутствие двустороннего договора между Россией и США о правовой помощи по гражданским и семейным делам делает практически невозможным взыскание алиментов на несовершеннолетних детей, взыскание долгов по займам, кредитам, причинению вреда, решение вопросов опеки и попечительства, а также разрешение иных гражданско-правовых и семейно-правовых конфликтов.

Литература:

1. Григорьева О.Г. Международная правовая помощь по гражданским делам в советском праве: историко-правовое исследование. М., 2013.
2. Григорьева О.Г. Понятие международной правовой помощи по гражданским делам в юридической науке советского государства // Бизнес в законе. 2013. № 6.
3. Григорьева О.Г. Осуществление и защита гражданских прав механизмами международного правового сотрудничества: исторический опыт, пути совершенствования законодательства // Международное право и международные организации. 2017. № 1.
4. Енгибарян Р.В. Многоликая демократия: время переоценки ценностей // Международная жизнь. 2017. № 9.
5. Engibaryan R. The institution of presidency in the USA // Giornale di Storia Costituzionale. 2017. Т. 33. Р. 175-183.
6. Миронов А. Судебные поручения по гражданским и семейным делам: международно-правовой аспект // <https://cyberpedia.su>.
7. Никульшина О.Г. Залог (некоторые гражданско-правовые и уголовно-процессуальные аспекты) // Нотариус. 2005. № 4.

8. Тихонов Г.С. Русско-американские отношения в XIX веке // <https://rusorel.info>.

9. Тойнби А.Дж. Постигание истории. Сборник. Т. II. Генезис цивилизаций. Вызов-и-Ответ. М., 2001.

LEGAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE USA: HISTORICAL ROOTS OF MODERN PROBLEMS

Introduction. Relations between Russia and the United States have nearly three centuries of history, and for more than two hundred years the countries had diplomatic relations which were interrupted for sixteen years from 1917 to 1933. Perhaps the XIX century was the most peaceful and fruitful for our countries when the interests of the Russian Empire and the United States on the world stage did not contradict each other, often coincided, thus excluding confrontation between the two nation-states. The XIX century for Russia and the United States was marked by the signing of a number of bilateral treaties, including the treaty on the extradition of criminals, which consolidated their partnership.

On the contrary, the XX century is marked by unstable and cyclical relations between the two countries. The rejection of Soviet power, the long period of non-recognition of the Soviet Union was followed in 1933 by mutual multifaceted cooperation between the USSR and the United States, which included the legal sphere, and by the allied relations during the Second World War. The second half of the twentieth century was the time of open confrontation between the two world giants, when the crisis of relations between the USSR and the United States put the world on the brink of world war III. In such conditions, there could be no talk of improving the legal framework of legal cooperation, and the agreement on the procedure for execution of court orders concluded in 1935 did not find its practical application.

Modern Russia has assumed the entire burden of problems and contradictions in legal cooperation with the United States. Searching for ways out of them is possible only on the basis of historical analysis of their prerequisites, taking into account the peculiarities of modern international relations.

Materials and methods. The methodological basis of the study is the dialectical method of cognition of phenomena in the relationship and mutual conditionality using a set of general and particular scientific methods of cognition of reality. The historical method contributed to the restoration of the chronological sequence of legal cooperation between Russia (USSR) and the United States. The method of actualization made it possible to identify the historical factors that determined the peculiarities of

international cooperation in the legal sphere. The method of diachronization made it possible to identify certain successive stages in the development of international legal cooperation between Russia (USSR) and the United States, to compare them, to identify patterns of development.

Results. In the framework of the study, the author found that inter-state legal cooperation is an integral part of the foreign policy of states. The international legal basis of cooperation between Russia and the United States in civil, family and criminal cases was created in a different historical era, does not meet modern international relations, and is poorly implemented by the justice authorities of the two States.

There is no treaty on legal assistance in civil and family matters that is fundamental to the protection of the rights and legitimate interests of citizens of both States, and there are no provisions on extradition in the Treaty on legal assistance in criminal matters.

Discussion and Conclusions. The international legal framework of cooperation between the Russian Federation (and earlier - the Soviet Union) and the United States of America in the legal sphere; the problems of implementation of international legal assistance in civil, family and criminal cases are researched. The main provisions of the Treaty on mutual legal assistance in criminal cases of 2000; multilateral Conventions on the service abroad of judicial and extrajudicial documents in civil or commercial cases of 1965 are analyzed. The 1958 Convention on the recognition and enforcement of foreign arbitral awards, the 1935 Agreement "On the procedure for the execution of court orders between the Union of Soviet Socialist Republics and the United States of America" were explored. The prospects for the development of legal cooperation between Russia and the United States are shown.

Robert V. Yengibaryan,
Doctor of Law, Full Professor, Honored
Scholar of the Russian Federation, Academic
research supervisor of the School of Governance and Politics, MGIMO University under
the MFA of Russia.

Ключевые слова:

Российская Федерация; СССР; США;
международная правовая помощь;
дипломатические отношения;
международные обязательства;
учреждения юстиции; договаривающиеся
государства; международные отношения;
законодательство Штатов; Уголовно-
процессуальный кодекс Российской
Федерации

Keywords:

Russian Federation; USSR; USA; international
legal assistance; diplomatic relations;
international obligations; justice institutions;
Contracting States; international relations; state
legislation; Criminal procedure code of the
Russian Federation

References:

1. Grigorieva O.G., 2013. Mezhdunarodnaya pravovaya pomoshch po grazhdanskim delam v sovetskom prave: istoriko-pravovoe issledovanie [International legal assistance in civil cases in Soviet law: historical and legal research]. Moscow.
2. Grigorieva O.G., 2013. Ponyatie mezhdunarodnoi pravovoi pomoshchi po grazhdanskim delam v yuridicheskoi nauke sovetskogo gosudarstva [The Concept of international legal assistance in civil cases in the legal science of the Soviet state]. *Biznes v zakone [Business in law]*. № 6.
3. Grigorieva O.G., 2017. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav mekhanizmami mezhdunarodnogo pravovogo sotrudnichestva: istoricheskii opyt, puti sovershenstvovaniya zakonodatelstva [Implementation and protection of civil rights by mechanisms of international legal cooperation: historical experience, ways to improve legislation]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii [International law and international organizations]*. № 1.
4. Engibaryan R., 2017. Mnogolikaya demokratiya: vremya pereocenki cennostei [Multifaceted Democracy - It's Time to Re-Evaluate Values]. *Mezhdunarodnaya zhizn [International Affairs]*. № 9.
5. Engibaryan R., 2017. The institution of presidency in the USA. *Giornale di Storia Costituzionale [Journal of constitutional history]*. T. 33. P. 175-183.
6. Mironov A. Sudebnye porucheniya po grazhdanskim i semeinym delam: mezhdunarodno-pravovoi aspekt [Letters rogatory in civil and family cases: international legal aspect]. URL: <https://cyberpedia.su>.
7. Nikulshina O.G., 2005. Zalog (nekotorye grazhdansko-pravovye i ugovno-processualnye aspekty) [Pledge (some civil and criminal procedural aspects)]. *Notarius [Notary]*. № 4.
8. Tikhonov G.S. Russko-amerikanskii otnosheniya v XIX veke [Russian-American relations in the XIX century]. URL: <https://rusorel.info>.
9. Toynbee A.J., 2001. Postizhenie istorii. Sbornik. T. II. Genезis civilizatsii. Vyzov-i-Otvet [A study of history. Collection. Vol. II. Genesis of civilizations. The call-and-Response]. Moscow.

УПРАВЛЕНИЕ ПРАВОВЫМИ ПРОЦЕССАМИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Владимир Шульц*
Сергей Бочкарёв**

DOI 10.24833/2073-8420-2019-2-51-12-20

Введение. С позиции истории, теории и философии в статье рассмотрена категория управления. При этом в качестве социального контекста, в рамках которого исследовались значение и потенциал управления, выбрано право и процессы его реализации в жизни.

Материалы и методы. В статье активно используются разработки как естественно-научной направленности, так и созданные для целей осмысления гуманитарного знания работы. Одним из основных методов научного исследования, примененным в работе, является универсальный метод познаваемости мира. Также в статье использованы логические методы (индукции, дедукции), достижения сравнительного правоведения, метод толкования текстов (преимущественно судебных решений и нормативных актов).

Результаты исследования. В работе осуществлен поиск ответов на вопросы о том, что такое управление в принципе, каковы возможные и допустимые формы его проявления в юриспруденции. При этом на пути к заявленной цели проведено сравнение между значениями, в которых управление используется в естественных и гуманитарных науках, а также разграничение между понятиями «управление правовыми процессами» и «государственное управление».

Процессы правоприменения, как известно, весьма рационализированы, а само право имеет своей высшей целью наведение порядка. Отсутствие в процессуальном законодательстве упоминания об управлении служит косвенным, но верным признаком того, что управления в юриспруденции не существует в том виде, в каком оно представлено в естественных науках.

Обсуждения и заключение. С учетом изложенного сделан вывод о том, что управление в праве проявляется и исполняется своеобразным способом. Оно реализуется в правовых процессах на децентрализованных принципах, т.е. самими участниками на паритетных и консенсуальных основаниях. Роль направляющих играют символические средства – принципы права и охраняемые им ценности. Роль исполняющих выполняют инструментальные средства – органы и учреждения правоприменения. Роль организаторов осуществляют субъекты права (личность, общество и государство), а функцию потребителей реализуют субъекты конкретных правоотношений.

* **Шульц Владимир Леопольдович**, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

e-mail: 9380752@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3952-9318

** **Бочкарёв Сергей Александрович**, кандидат юридических наук, заведующий лабораторией политико-правовых исследований Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия.

e-mail: bo4karvs@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-4516-7499

Введение

Актуальность тема управления в правоведении приобрела только в XX в. Одновременно с развитием естественно-научного направления теории управления и становлением междисциплинарного характера управления.

Становление естественно-научной теории управления оказало значительное влияние на государствоведение. Наука о праве, имеющая отношение к духовной деятельности человека и общества, стала активно перенимать опыт управления механическими системами. При этом в отраслевых источниках, учебниках и монографиях собственные представления об управлении, которые развивались в рамках правовой традиции, не упоминались. Даже накануне обоснования и введения в теорию права таких категорий, как «государственное управление» или «муниципальное управление», это наследие не было востребовано и не анализировалось. Вопросы о том, что такое управление в принципе, каковы возможные и допустимые формы его проявления в юриспруденции, не ставились. Причины, по которым история становления права и государства не дала собственных поводов и оснований для зарождения в ее недрах феномена управления, не выяснялись. Внутренние и внешние факторы, препятствовавшие его объективации, не исследовались.

Таким образом, раскрытие поставленных вопросов позволит диагностировать состояние и жизнеспособность рассматриваемого научного направления в правоведении, даст возможность на примерах из современной практики объяснить, что есть управление в праве и насколько оно тождественно государственному управлению, не произошло ли здесь подмены или необоснованного смешения понятий.

Исследование

Прослеживая эволюцию данной темы со времен античности, мы видим, что еще Аристотель применительно к социальному контексту обозначил четкие ориентиры своего отношения к управлению. В частности, в Никомаховой этике он указал, что «во всех случаях цели управляющих заслуживают предпочтения перед целями подчиненных», поскольку последние преследуют свои цели ради достижения целей первых. При этом само управление философ предлагал признать важнейшей наукой и именовать ее

политикой. «Она ведь устанавливает, – пояснял Аристотель, – какие науки нужны в государстве и какие науки и в каком объеме должен изучать каждый» [1. С. 55].

Средневековье добавило в исследуемую тему представления о том, что исходным и управляющим началом мироздания следует считать Бога. В произведениях Аврелия Августина находим объяснение тому, откуда взялось и для чего понадобилось человечеству государственное управление. В труде «О граде Божием» богослов писал о том, что грех сделал необходимой организованную государственную систему, использующую для наказания и защиты принуждение.

Новое время выступило решительно против религиозных постулатов средневековья. Дж. Локк, к примеру, источником возникновения власти и всего социального устройства предлагал считать естественное состояние, в котором находятся все люди, и тот закон природы, которым они управляют и который обязателен для каждого. Разум, являясь этим законом, учит тому, что все люди свободны, равны и независимы. При этом просветителя особенно интересовал принцип управления гражданским состоянием, который бы принимал людей такими, каковы они в реальности, и такими, какими они могут быть. В итоге искомый принцип и источник права философ нашел в соглашении, которое является основой любой законной власти. Его он назвал тем актом, в силу которого народ становится народом и отличается от толпы, ибо этот акт представляет собой первое и истинное основание общества.

Т. Гоббс также являлся сторонником идеи общественного договора. Мысль Т. Гоббса о юстиции как институте управления социумом развил П. Гольбах. Философ являлся одним из первых и до сих пор немногих мыслителей, кто отнес наказание к средству ограничения и управления свободой.

Противоположный взгляд на природу и происхождение управления находим в сочинении К.А. Гельвеция «О человеке», где он предлагал воспринимать его как часть науки о государственном управлении.

В конечном итоге право стало пониматься как один из видов социальных регуляторов. Считается, что с помощью совокупности легитимированных государством правил обеспечивается управление поведением граждан, а в целом – установление порядка и мира. Без труда прослеживается, что право является не только сферой жизнедеятельности человечества, но и одним из древнейших средств управления общественными

процессами и формациями, способствует справедливой самоорганизации общества, совместному и мирному сожительству его субъектов. В этом плане юристы могут обоснованно указать на отсутствие необходимости во внешнем заимствовании знаний об управлении, содержащихся в теории управления, которая в ее современном виде занимает одно из ведущих мест в технических науках и относится к основной отрасли прикладной математики.

Вместе с тем, следует признать, что, несмотря на продолжительную историю становления правовой мысли, она до сих пор не воспроизвела в своем обширном контексте управление правовыми процессами как юридический принцип или самостоятельное правовое благо, как субъект или средство нормативного воздействия, как институт или механизм регулирования общественных отношений. В науке пока немного сказано об управлении как инструменте по руководству правовыми процессами или явлениями. Правоведение относится к категории «управление» как к элементарному объяснительному средству.

Кстати, с лексической точки зрения необходимо отметить, что в теории государства и права до появления в ней понятия «управление» уже присутствовала категория, которая во многом напоминала и до сих пор воспроизводит (а в чем-то повторяет) значение термина «управление». Речь идет о «регулировании». Эта дефиниция, как и «управление», используется в обширном спектре областей человеческой жизнедеятельности. Регуляторы имеются в экономике, культуре, политике, искусстве, спорте и во всех иных, как отмечал Г.В. Мальцев, сферах общественной жизни [6. С. 15-16].

Тем не менее термин «управление» введен в теорию государства и права. Акцент, правда, смещен в пользу государства, и речь в основном идет о государственном управлении. При этом дискуссия об отмеченном виде управления возникла не в силу накопления правоведением собственной аргументации и достижения определенного терминологического прогресса в его понятийном аппарате. Она появилась на фоне и под давлением широкого признания в XX в. естественно-научной теории управления, активно разрабатываемой и применяемой к технологическим процессам. В этом плане термин «управление» повторил судьбу понятия «система», которое разрабатывалось преимущественно в рамках общей и специальных теорий систем.

Еще одним подтверждением того, что адаптированная в государственном управлении теория управления имеет естественно-научное происхождение, является ряд авторитетных исследований, в которых содержатся рекомендации в качестве источника знаний о государственном управлении обращаться к примерам действия управления в природе. Для адаптации в правоведении специалисты полагают необходимым использовать его в предельно широком смысле и понимать под ним «воздействие субъекта (субъектов) на объект (объекты), изменяющее положение, поведение или свойства объекта (объектов)».

По природоподобному примеру в теории права под государственным управлением предлагается понимать активное, организующее и целенаправленное воздействие людей, созданных ими организаций, органов на объекты, которые поддаются регулированию со стороны человека (коллектива). При этом еще добавляется, что указанное управление подразумевает как прямые и однолинейные связи типа «субъект – объект», так и обратные связи – воздействие объекта на управляющий субъект, в результате которого субъект и объект могут поменяться статусами и местами.

В контексте отмеченных тезисов государственное управление отождествляется правоведом с государством, которое рассматривается ими как управляющая система. Они считают, что система государственного управления – это целостная система управления делами общества путем использования единой по своей природе публичной власти народа. Также отмечается, что государственное и муниципальное управление представляют собой только часть (хотя и важнейшую) регулирующей социальной деятельности в обществе. Органы и должностные лица государства, местного самоуправления регулируют не всякие отношения в обществе, а лишь *общественные отношения* или отношения, приобретающие общественное значение [7. С. 15].

Государственное управление осуществляется особым слоем людей на профессиональных началах. Конкретным субъектом государственного управления является соответствующий орган государства, муниципального образования, должностное лицо. Каждый из них вправе применять лишь свои способы управления. К числу основных правовых форм управления отнесены – законодательная деятельность, администрирование, правосудие и контроль (надзор).

С учетом специфики политико-правового устройства Российской Федерации отмечается, что ключевое положение в системе управления государством занимает глава государства – Президент РФ. Он обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, является гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, суверенитета страны, определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. Затем выделяется законодательная власть, которая от имени народа или непосредственно народом принимает законы, имеющие общеобязательный характер и высшую юридическую силу. Исполнением принятых парламентом законов и указов главы государства, решений судов заняты органы исполнительной власти, которые включают федеральный и региональный уровни.

Особенную роль в системе государственного управления принято отводить правоохранительным органам. Выделяют, в частности, судебную власть, имеющую конкретный характер и реализующуюся в особой процессуальной форме. Считается, что суд участвует в управлении обществом и государством, обладает широкими полномочиями, которых лишена и законодательная, и исполнительная власть. Своими решениями суд поддерживает и укрепляет существующий порядок, легитимность государственного управления, содействуя тем самым его большему контролю над обществом [7. С. 268].

Эти механистические и во многом трафаретные заимствования представлений об управлении явились наиболее общими, легкими для восприятия и незатруднительными для перевода из одной области знания в другую. Специалисты следовали по этому пути, вероятно, из-за желания избежать издержек, которые неминуемо сопровождают любой трансферт знаний, тем более междисциплинарный. Однако подобный подход к возможности управления юридическими процессами приводит к ощутимым методологическим ошибкам.

Главная из них состоит в том, что при заимствовании знаний не была учтена разница, существующая между естественными и социальными системами и, как следствие, между естественными и социальными науками.

Даже в рамках современной дискуссии о появлении нового типа интеграции естественных наук и наук о человеке речь не

идет о возникновении некой единой науки, которой можно было бы оправдать автоматическую рецепцию знаний. Рассмотрение наук в новом свете не позволяет выявить ничего кроме того, что их единство только в научной сущности. Во всем остальном они остаются различными.

Более того, не учтено, что рецепция, в том виде как она произведена, была допустима только на первоначальном этапе становления науки. При этом даже тогда она могла быть оправдана исключительно историческими, а не гносеологическими причинами. Их суть состояла в том, что система социально-гуманитарных наук конституировалась значительно позднее математики и естествознания. Поэтому первые попытки научного исследования человека и социальных отношений были связаны с серией «парадигмальных трансплантаций» либо имитацией методов и идей естествознания. За счет такого эксперимента и трансферта знаний отмеченные науки к XIX в. сформировались в качестве особых научных дисциплин. При этом в них отчетливо оформилось отношение к различным человеческим качествам и к социальным феноменам как к объектам управления и преобразования. Обязательным условием научного способа познания, в том числе социально-гуманитарного, стало отношение к любым исследуемым явлениям и процессам как к объектам.

С тех пор прошло достаточно времени. За этот период различные отрасли науки в доказательство своей состоятельности и самодостаточности провели между собой множество демаркационных линий, обособляя и демонстрируя с их помощью для себя собственные сферы компетенции и уникальные методы их познания. Не все из них, как известно, прошли испытание временем. Подавляющее большинство этих линий признано условными и весьма подвижными в силу относимости как к естественным, так и гуманитарным дисциплинам. Категорическое и непримиримое противопоставление наук о природе наукам о духе, которое имело место в XIX в., по отношению к современной науке во многом утратило основания.

Но к концу XX в. был достигнут важный результат. Наступило понимание того, что мир природный от мира человеческого отличается и отделяет сознание, которое имманентно присуще человеку. Феномен сознания отнесен к числу тех немногих принципов, которые признаны общими и по поводу которых явно или неявно достигнут консенсус. Речь идет о трех фундаментальных

положениях, на которых должны основываться любые представления об обществе и человеке. В них должно учитываться: 1) историческое развитие, 2) целостность социальной жизни и 3) включенность сознания в социальные процессы. Указанные принципы в общественных науках очерчивают границы, в которых существует социальная реальность.

Такая трактовка феномена сознания практически исключила возможность безусловной трансплантации знаний и познавательных практик из области данных о природе в сферу представлений о человеке. Несмотря на это, в государствоведении не были пересмотрены заимствованные представления об управлении. В то же время для их модификации имеются все основания.

Фактор сознания и обусловленная им специфика социальной жизни несут для теории управления значительный преломляющий эффект, который не позволяет команде управления проходить через систему без искажения и усложнения и, как следствие, не позволяет осуществлять автоматический импорт знаний из естественных наук, в которых для нужд управления мир целенаправленно схематизируется и в какой-то степени упраздняется. Фактор сознания предполагает, что в социальной сфере всегда сохраняется вероятность того, что каждый может быть или может стать центром принятия решения и тем более его исполнения.

В этом плане право оперирует не детерминированными, а вероятностными моделями развития общественных отношений. Здесь нет абсолютной необходимости или случайности, а есть события, различаемые по количественной мере возможности своего появления при известных обстоятельствах. Фактор случайности сам по себе, а также в соединении с необходимостью и вероятностью наступления определенных последствий давно и в различных вариантах включен в процессы правового регулирования.

Другая ошибка государствоведения состоит в том, что при репликации знаний об управлении не был учтен не только социальный характер той среды, в которую он погружается, но и присутствие в этой среде правовой скрепы. То есть такого элемента, появление которого всецело обязано эволюции сознания. При этом право является не только продуктом сознательной деятельности человека и одним из ключевых средств его идентификации. В отличие от других социальных регуляторов право поставлено

на службу сознанию и его защите. Система права приспособлена к сознанию, а ее механизмы напрямую зависят от его состояний. В юриспруденции без учета состояния сознания не может быть определена судьба ни одного правонарушителя. Конкретные виды и меры правового воздействия непосредственно связаны с сознанием в конкретный момент времени. За счет достижения человечеством возможности оценивать сознательные процессы правоприменение научилось обеспечивать конкретизацию содержания, персонификацию ответственности и индивидуализацию наказания.

Основной постулат права и его ключевое требование происходят из необходимости уважения друг друга, а не из потребности управления друг другом. Иным словами, право задает прямо противоположный естественно-научному взгляду принцип восприятия человека. Предлагает посмотреть на него и взаимодействовать с ним не через парадигму «субъект – объект», а через призм «субъект – субъект».

В этом смысле идея права онтологически и исторически противопоставила себя взгляду на человека как на объект чьего-либо интереса или предмет чьих-либо манипуляций. Развивая и уточняя от эпохи к эпохе требования права и обосновывая их справедливость, юридическая мысль никогда не оставляла человека и, если можно так выразиться, всегда «вырывала» его из сферы субъектно-объектных отношений, возводя человечность в высшую цель должностования и антропологический принцип всего мироустройства.

Современное международное и национальное законодательство служит подтверждением заявленному статусу человека в мире права. Например, и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, и Конституция РФ гарантируют право каждого на свободу и личную неприкосновенность, уважение его личной и семейной жизни. При этом Конвенция вообще не упоминает категорию управления в каком-либо контексте, а Основной закон предусматривает возможность граждан России участвовать в управлении делами государства. Во многом аналогичным образом статус ключевых субъектов права воспроизводится в основных отраслях права.

Если говорить в целом, то независимость как явный антипод управления в его естественно-научном понимании возведена в праве в статус онтологически необходимой человеку ценности и неотъемлемого усло-

вия жизнедеятельности общества. При этом подобное значение независимость имеет не только для человека, но и для государства. С целью надлежащего исполнения государством возложенных на него обществом функций в XVIII в. была разработана и с тех пор широко внедрена в практику большинства цивилизованных стран мира теория разделения властей.

Ошибка правоведения связана с тем, что при имплементации знаний об управлении акцент в юриспруденции был смещен в сторону государства. Если говорить точнее, то упор сделан на государственный аппарат, его административно-организационную составляющую. Без предваряющего объяснения причин своего выбора специалисты стали вести речь о государственном или муниципальном управлении. При этом о праве громогласно заявлено, что в составе государственного управления оно является основным нормативным регулятором. Многие другие нормы, как убеждают юристы, в конечном итоге восходят к праву и утверждаются им. Даже нормы морали или обычаев с течением времени становятся правовыми. Управляющая сила права в их понимании обеспечивается за счет того, что оно, с одной стороны, выражает общие интересы всего политического сообщества, а с другой – реализуется государственным принуждением. Утверждается, что государство выражает в праве государственную волю и с его помощью воздействует на своих субъектов. При этом право влияет не только на граждан и общество. Оно имеет ориентирующее значение для самого государственного управления.

Причины смещения акцента на государство понятны. Одна из них имеет рациональное происхождение, а другая – иррациональное. Последнее обусловлено тем, что концепт государственного управления прост для восприятия, обоснования и оперирования в теоретико-прикладных решениях. В самом словосочетании дан ответ на вопрос о том, кто управляет – государство, и не менее очевиден ответ на вопрос о том, чем оно управляет – обществом. В свою очередь, первая детерминанта связана с тем, что управление в естественно-научном понимании происходит из теории систем и на практике реализуется преимущественно в системных средах. Государство в этом плане более чем другие правовые явления отвечает признакам системной организованности.

Подобный упрощенный взгляд на право и государство, как известно, соответствует

легистской концепции, в которой под правом имеется в виду продукт государства (его власти, воли, усмотрения, произвола).

Иными словами, построение теории государственного управления на представлениях о праве как о топоре или динамите, которыми можно и исполнить полезную работу, и убить человека, с чем его сравнивал Г.Ф. Шершеневич [8. С. 48], ошибочно, поскольку они, без сомнения, не отвечают его природе. Более того, из философских и исторических источников известно, что право возникло раньше государства и может существовать помимо него, а само государство является лишь определенным правовым образованием (правовым институтом). При добровольном осуществлении правовых норм, которое является наиболее распространенным и нормальным типом поведения его субъектов, значение государства в большинстве случаев минимизируется или вовсе обнуляется. Иными словами, как отмечают специалисты, осуществление норм права не есть прямое следствие регулирующей и надзирающей деятельности государственной власти.

То же самое касается процесса правообразования. Он совершается, несмотря на громадный рост и широкое распространение законодательной деятельности в современных государствах, не в законодательных учреждениях. В них право лишь формулируется, а рождается и созревает оно в недрах общества. Самим обществом при этом охраняются отношения между людьми. В итоге, «право, – как писал Б.А. Кистяковский, – не может быть отнесено только к одной стороне культурной жизни человека, т.е. или к государственной организации, или к общественным отношениям, или к душевным переживаниям, так как оно одинаково связано со всеми ими» [3. С. 367].

Результаты исследования

Проведенный анализ философских, исторических и теоретических источников позволяет считать обоснованными только те определения, в которых под государственным управлением понимается прежде всего и не более чем управление государственным аппаратом, его административно-организационными элементами и процессами. То есть те дефиниции, в которых государство не абсолютизируется, а признается, что государственное управление имеет второплановое и опосредованное, а в функциональном плане – «родовспомогательное отношение»

к управлению правовыми процессами. Последними управляет не только и не столько государство. Большая часть управляющего воздействия в социуме генерируется силами и субъектами самого общества.

Бессмысленно игнорировать и не замечать, что в повседневной практике существует общественное и индивидуальное управление. Они наиболее концентрированно и выразительно реализуются, к примеру, в рамках избирательного процесса, когда и отдельный индивид и общество в целом делают активный или пассивный выбор в пользу одной либо другой политической силы.

Еще один пример проявления персональной воли и силы индивидуального воздействия в демократическом обществе демонстрирует конституционное судопроизводство. Оно предусматривает прямой доступ каждого к Основному закону страны и порядок принуждения самого государства к его соблюдению. По обоснованной инициативе одного гражданина отменяются и пересматриваются не только конкретные процессуальные решения, но и целая практика их принятия либо исполнения институтами правоприменения. Иными словами, оспаривается и дезавуируется управляющая и повелевающая воля государства. Предписанный ею порядок поведения участников общественных отношений утрачивает силу.

Таким образом, с помощью и по правилам конституционного судопроизводства реализуется управляющее противодействие индивида государственному управлению. Законодатель обязывается отменить или изменить прежнее нормативно-управленческое решение, трансформировать свое отношение к цели либо вовсе отказаться от нее.

Также нельзя не принимать во внимание, что цели «государственного управления» и «управления правовыми процессами» имеют не только сходства, но и отличия. Если первое направлено на поддержание такого правопорядка в обществе, который обеспечивает самосохранение государства и прежде всего возглавляющих его элит, то второе, какого бы уровня взаимоотношений оно не касалось, конечным результатом имеет достижение справедливости как своей генеральной цели и онтологической ценности, без которой и вне которой права как таковой не существует. При этом речь идет о справедливости не только в межличностных конфликтах, но и в межсубъектных отношениях, т.е. в формате «личность – общество – государство». Государство в этом деле по тем

или иным корпоративным соображениям может отказывать, усложнять или упрощать достижение справедливости во взаимоотношениях участников социальных процессов.

Следует признать, что естественно-научная концепция управления применима в правоведении с большим числом оговорок и только к тем узким областям правовой системы, которые отличаются относительной замкнутостью и строгой детерминацией во внутренних процессах и связях, к примеру, к государственному аппарату. Уже к системе судопроизводства естественно-научные представления об управлении неприменимы. Судья как главный арбитр любого дела не управляет процессом и участвующими в нем сторонами. Если бы он взялся за управление и приступил к воздействию на субъектов правоотношения с целью изменения их цели, мотива и воли, то его объективность и непредвзятость с ходу были бы поставлены сторонами под сомнение и включились бы механизмы по отводу судьи.

Все это, правда, не говорит о том, что управленческая функция в социально-правовых системах и процессах не присутствует и не реализуется, как будто они по своей природе спонтанны и произвольны, а их детерминанты в своем большинстве не определены и иррациональны. Как будто, выражаясь словами знатоков синергетики, не субъект дает рецепты и управляет нелинейной ситуацией, а сама нелинейная ситуация как-то разрешается, в том числе строит и самого субъекта. Напротив, процессы правоприменения весьма рационализированы, а само право имеет своей высшей целью наведение порядка. Отсутствие в процессуальном законодательстве упоминания об управлении служит лишь косвенным, но верным признаком того, что управление в юриспруденции не существует в том виде, в каком оно представлено в естественных науках.

Заключение

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что управление в праве проявляется и исполняется своеобразным способом. Оно реализуется в правовых процессах на децентрализованных принципах, т.е. самими участниками на паритетных и консенсуальных основаниях. Роль направляющих играют символические средства – принципы права и охраняемые им ценности. Роль исполняющих выполняют инструментальные средства – органы и учреждения правоохрани-

менения. Роль организаторов осуществляют субъекты права (личность, общество и государство), а функцию потребителей реализуют субъекты конкретных правоотношений.

Исследование проведено при поддерж-

ке гранта Российского фонда фундаментальных исследований: 18-29-16151 мк «Разработка методов управления процессами трансформации права в условиях цифровой технологии».

Литература:

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Пер. с древнегреч. / Общ. ред. А.И. Доватура. М., 1983.
2. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М., 1957.
3. Кистяковский Б.А. Избранное: в 2 ч. / Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский. М., 2010. Ч. 1.
4. Лекторский В.А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке // Вопросы философии. 2004. № 3.
5. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / Пер. с англ. и лат.; ред. и сост. А.Л. Субботин. М., 1988.
6. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2013.
7. Чиркин В.Е. Система государственного и муниципального управления: учебник. М., 2005.
8. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Казань, 1901.
9. Brownsword R. Technological management and the rule of law // Law, Innovation and Technology. 2016. 8(1). p. 100-140.
10. Finck M., Moscon V. Copyright Law on Blockchains: Between New Forms of Rights Administration and Digital Rights Management 2.0 // IIC International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2019. 50(1). P. 77-108.
11. Plotnikova L.I., Romanenko M.V. Creative methods of innovation process management as the law of competitiveness // Management Science Letters. 2019. 9(5). P. 737-748.
12. Dronyuk I., Moiseyenko I., Kuck J. Information technologies for providing project-process management in law enforcement structures // 2018 IEEE 13th International Scientific and Technical Conference on Computer Sciences and Information Technologies. CSIT 2018. Proceedings, 1. Статья № 8526763. 2018.
13. Oostinga M.S.D., Giebels E., Taylor P.J. Communication error management in law enforcement interactions: a receiver's perspective // Psychology, Crime and Law. 2018. 24(2). P. 134-155.
14. Weitz L.A., Swieringay K.A. Comparing interval management control laws for steady-state errors and string stability // AIAA Guidance, Navigation, and Control Conference. 2018. (210039).

MANAGEMENT OF LEGAL PROCESSES: STATEMENT OF THE PROBLEM

Introduction. The article considers the category of management from the standpoint of history, theory and philosophy. The law and the processes of its implementation in practice have been chosen as the social context within which the importance and potential of management has been studied.

Materials and methods. The article actively uses both contributions of natural science and papers written for the purpose of understanding the humanitarian knowledge. The methodological basis of the article includes the universal method of cognizability of the world, such logical methods as induction and deduction, the achievements of comparative jurisprudence, the method of text interpretation (mainly judicial decisions and regulations).

The results of the study. The paper tries to answer the questions what management is in principle, what are the possible and acceptable forms

of its manifestation in jurisprudence. The meanings in which management is used in the natural and human sciences are compared. A distinction is made between the concepts of "management of legal processes" and "public administration".

Law enforcement processes are much rationalized, and law has maintenance of order as its highest goal. The absence of reference to management in the procedural legislation serves as an indirect but sure sign that governance in law does not exist in the form in which it is represented in the natural sciences.

Discussions and conclusions. Subject to the above it was concluded that management in law is manifested and realized in a peculiar way. It is implemented in legal processes through decentralized principles, i.e. by the participants themselves on a parity and consensual basis. The role

of guides is played by symbolic means - the principles of law and the values protected by it. The role of doers is played by instrumental means - law enforcement agencies and institutions. The role of organizes is exercised by the subjects of law (individual, society and the state), and the function of consumers is realized by the subjects of specific legal relations.

Vladimir L. Schulz,

Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Sergei A. Bochkarev,
PhD in Law, Head of the Laboratory of Political and Legal Research of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

Ключевые слова:

право, управление, управление правовыми процессами, государственное управление, муниципальное управление

Keywords:

law, management, management of legal processes, public administration, municipal management

References:

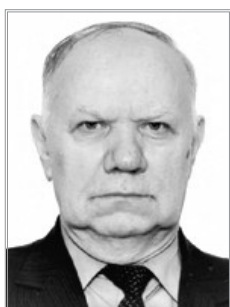
1. Aristotel', 1983. Sochinenija: v 4 t. [Collected works in 4 vol.] / Per. s drevnegrech. Ed. by. Dovatur, A.I. Moscow.
2. Spinoza B., 1957. Izbrannye proizvedenija: v 2 t. [Collected works in 2 vol.]. Moscow.
3. Kistjakovskij B.A., 2010. Izbrannoe: v 2 ch. [Collected works in 2 parts]. Avtor vstup. st. i komment. Medushevskij, A.N. Moscow, Part 1.
4. Lektorskij V.A., 2004. Vozmozhna li integracija estestvennyh nauk i nauk o cheloveke [Is the integration of human sciences possible]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. No. 3.
5. Loka Dzh., 1988. Sochinenija: v 3 t. [Collected works in 3 vol.]. Per. s angl. i lat.; red. i sost., avt. primech. Subbotin, A.L. Moscow.
6. Mal'cev G.V., 2013. Social'nye osnovanija prava [Social bases of law]. Moscow.
7. Chirkin V.E., 2005. Sistema gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija [The system of state and municipal government]. Moscow.
8. SHershenevich G.F., 1901. Kurs grazhdanskogo prava [Civil Law Course]. Kazan.
9. Brownsword, R., 2016. Technological management and the rule of law. *Law, Innovation and Technology*. 8(1). P. 100-140.
10. Finck, M., Moscon, V., 2019. Copyright Law on Blockchains: Between New Forms of Rights Administration and Digital Rights Management 2.0. *IIC International Review of Intellectual Property and Competition Law*. 50(1). P. 77-108.
11. Plotnikova, L.I., Romanenko, M.V., 2019. Creative methods of innovation process management as the law of competitiveness. *Management Science Letters*. 9(5). P. 737-748.
12. Dronyuk, I., Moyseyenko, I., Kuck, J., 2018. Information technologies for providing project-process management in law enforcement structures. *2018 IEEE 13th International Scientific and Technical Conference on Computer Sciences and Information Technologies. CSIT 2018. Proceedings*, 1. Article № 8526763. P. 76-79.
13. Oostinga, M.S.D., Giebels, E., Taylor, P.J., 2018. Communication error management in law enforcement interactions: a receiver's perspective. *Psychology, Crime and Law*. 24(2). P. 134-155.
14. Weitz, L.A., Swieringay, K.A., 2018. Comparing interval management control laws for steady-state errors and string stability. *AIAA Guidance, Navigation, and Control Conference*. 2018. (210039).

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

По материалам исследования международных организаций

Юрий Краснов*

DOI 10.24833/2073-8420-2019-2-51-21-28

Введение. В статье проанализированы результаты двух исследований международных организаций: доклада «Женщины, бизнес и закон 2019: десятилетие реформ», подготовленного экспертами Всемирного банка с привлечением внешних ресурсов, и доклада Неправительственной организации «Всемирный экономический форум» в Давосе, посвященного изучению ситуации с гендерным неравенством в современном мире.

Материалы и методы. Для изучения проблемы обеспечения равенства мужчин и женщин в праве, морали и общественной практике в статье использована совокупность различных методов: исторического, сравнительного и ряда других, а фактическую основу исследования составляют аналитические документы и доклады международных организаций, а также труды отечественных и зарубежных ученых.

Результаты исследования. В докладе Всемирного банка показывается, что за последние десять лет было предпринято в мире с целью уменьшения гендерного неравенства правовыми средствами. По данным Всемирного банка для этого в 131 стране осуществлены 274 реформы законодательства, в ходе которых были расширены права женщин во многих сферах общественной жизни.

В докладе Всемирного экономического форума на эту тему при составлении рейтинга эксперты учитывали изменения положения женщин в 149 странах мира в 2018 году.

Главной проблемой, согласно докладу, остается недостаточное участие женщин в политике.

Обсуждение и заключение. Какие актуальные вопросы рассматриваются в научных исследованиях существующего неравенства мужчин и женщин на современном этапе?

Во-первых, активно обсуждается проблема создания гендера в рамках социально-конструктивистского подхода.

Во-вторых, отмечается воспроизводство гендерных различий во взаимодействиях людей в публичном пространстве.

В-третьих, в научных работах уделяется большое внимание практическим проблемам: гендерному разделению труда, представительству женщин в структурах власти, складывающейся структуре сексуальных и эмоциональных отношений, историческим изменениям структурных моделей поведения.

Стержень этих исследований - поиск способов ликвидации неравенства в положении мужчин и женщин в общественной практике и в семье. Направления такого поиска определяются международно-правовыми документами по правам человека.

* **Краснов Юрий Константинович**, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, Россия.

e-mail: y.krasnov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7679-815X

В международном законодательстве в области гендерного равенства действуют несколько блоков документов. Прежде всего на решение этой проблемы нацелены:

- Конвенции ООН¹
- Конвенции МОТ²

Среди этих документов особую роль играет Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), принятой 18 декабря 1979 года.

Введение

В начале 2019 года сразу две влиятельные международные организации обнародовали доклады о состоянии проблемы гендерного неравенства в современном мире, что вызвало оживленную дискуссию среди экспертов и политиков во многих странах.

Всемирный банк опубликовал доклад «Женщины, бизнес и закон 2019: десятилетие реформ». В нем эксперты Банка проанализировали изменения, которые вносились в законодательство 187 государств за последнее десятилетие. Учитывались восемь показателей: оплата труда, трудоустройство, ведение собственного бизнеса, управление активами, пенсионное обеспечение, свобода передвижения, брак и дети [1].

Всемирный экономический форум также опубликовал ежегодный доклад о гендерном неравенстве Global Gender Gap в 2018 году [2]. В этом году при составлении рейтинга эксперты учитывали положение женщин в 149 странах мира по четырем основным критериям:

- участие в экономике и положение на рынке труда, включая разницу в оплате труда и возможность карьерного роста;
- доступность образования;
- продолжительность жизни и уровень младенческой смертности;
- вовлеченность в политику.

Теоретической основой этих исследований являются господствующие в современ-

ной науке концепции пола и гендера, применение на практике которых определяет многие процессы в современном обществе. Именно научное обоснование категории «гендера» задает границы гендерных стереотипов в рамках определенных гендерных систем и гендерных порядков. На этой основе делаются попытки проанализировать влияние на гендерное равенство трех социальных процессов в современном мире. Речь идет в первую очередь о сексуальной революции, которая существенно изменила отношения в этой сфере между мужчиной и женщиной, что стало основной причиной еще одной революции - семейной. Наконец, введение в общественные отношения категории «гендера» неизбежно повлекло за собой ряд важных изменений в оценке поведения мужчин и женщин и появление новых форм в отношениях между полами. Все эти новации также получили название революции, на этот раз - гендерной.

По проблемам гендерного неравенства дискуссии ведутся не одно десятилетие. Полный обзор разных мнений различных специалистов на этот счет требует специального исследования и не может являться предметом одной статьи. Здесь хочется только отметить, что женские исследования (англ. — *women's studies*), феминистские исследования (англ. — *feminist studies*) и позже гендерные исследования (англ. — *gender studies*) сформировались в последней трети XX в. под влиянием феминизма - политического движения и его интеллектуальных идей в этой

¹ Наиболее важные документы ООН:

Пакт об экономических, социальных и культурных правах

Пакт о гражданских и политических правах + факультативный протокол

Конвенция о политических правах женщин

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин + факультативный протокол

² Конвенция МОТ №100 «О равном вознаграждении мужчин и женщин за равный труд»

Конвенция МОТ № 103 «Об охране материнства»

Конвенция МОТ № 111 относительно дискриминации в области труда и занятий

Конвенция МОТ № 156 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» и др.

области. Становление этих направлений исследований в североамериканских и западноевропейских университетах происходит с 1970-х гг., в России этот процесс начинается в 1990-е гг. Сам термин «гендерные исследования» используется в широкой и узкой трактовке. В узкой трактовке он обозначает социально-конструктивистское понимание гендерных различий (т. к. термин «гендер» был введен в активный научный оборот представителями именно этого теоретического направления). В широком смысле, более распространенном в настоящее время, он является обобщающим для обозначения исследований разной теоретической направленности и включает дисциплинарные отрасли гендерной социологии, психологии, антропологии, истории и пр.

На русском языке опубликовано несколько хрестоматий и переводов важных для освоения гендерной проблематики. Среди них - «Антология гендерной теории» (Гапова, Усманова 2000), «Гендерная коллекция -зарубежная классика» издательства РОССПЭН (2005–2006), хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований» (Воронина 2000). Выпущено два издания «Гендер для “чайников”» (Тартаковская 2006, 2009). Опубликовано несколько учебных пособий по гендерным исследованиям (Айвазова, Хасбулатова 2004; Костикова 2005; Поспелова, Кукаренко, Львова 2007 и многие другие. Особенность этой литературы в том, что она достаточно разнородна. Здесь можно найти работы по философии, истории, психологии, социологии о генезисе и существовании гендерной проблемы. Особый интерес представляют междисциплинарные исследования на базе объединительной парадигмы, которая подчеркивает роль гендерных практик, стратегии и условий достижения гендерного равенства.

Обзор наиболее значительных работ в данной области содержится в курсе лекций по гендерной социологии проф. Петербургского государственного морского технического университета Б.А. Смагина [3], в учебном пособии Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. «12 лекций по гендерной социологии», опубликованных Издательством Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2015 году [4] и ряде других работ [5].

Исследование

Господствующая в гендерной социологии точка зрения исходит из того, что причины интереса к проблеме существования

гендерного неравенства надо искать, изучая генезис и основные направления трех революций в современном обществе: сексуальной, гендерной, семейной.

Начнем это изучение с анализа сути и последствий сексуальной революции, процесса наиболее активно развернувшегося во второй половине XX века. Сам термин сначала появился в юмористической книге Дж. Тербера и Е. Уайта в 1929 году [6], затем его научно обосновал австрийский и американский психолог, один из основоположников американской школы психоанализа В. Райх в книге «Сексуальная революция» в 1936 году [7]. Как всякая революция, сексуальная разворачивается под лозунгами борьбы за социальное равенство. В данном случае речь идет о сексуальном равенстве полов. Такое равенство, по мнению сторонников сексуальной революции, предполагает ликвидацию всех моральных ограничений в сексуальной сфере и свободную реализацию биологических потребностей людей. Мораль при таком подходе - это устаревший пережиток, который направлен на подавление естественной природы человека и, следовательно, должна быть отброшена.

Гендерная революция – это важный шаг на этом же пути. Ее суть: люди не рождаются мужчинами или женщинами. Они сами выбирают пол и равны во всех сферах общественной жизни, конкурируя в широком спектре общественных отношений.

Таким образом, само понятие «гендер» разделяет социальный и биологический пол. Идеологи гендерного подхода утверждают, что «индивид в любой момент социализации сам идентифицирует себя либо как мужчину, либо как женщину. А так как гендер, в отличие от пола, конструируется, то может быть не два (мужской и женский), а намного больше (от пяти до девяти) вариантов гендерных идентификаций: трансвестит, транссексуал и т.д».

Как борьба за такую систему ценностей на практике влияет на правовой и социальный статус мужчин и женщин?

Проф. Б.А.Смагин выделяет несколько главных тенденций развития отношений между полами в современном мире.

С одной стороны, очевидно, что пропаганда новой системы ценностей и ее внедрение в житейскую практику объективно способствует улучшению положения женщин в обществе.

В *трудовой сфере* система гендерного разделения труда, сложившаяся исторически, активно меняется, разница между муж-

скими и женскими профессиями размывается. Женщины осваивают не только новые профессии, но и новые производственные сферы.

В брачно-семейных отношениях на современном этапе можно отметить ряд процессов: во-первых, молодые люди в настоящее время вступают в брак позже и эти браки менее устойчивы, число разводов постоянно растет, в связи с этим увеличивается и число неполных семей; во-вторых, в обществе становится все больше эгалитарных семей (семей равных). Для них характерно более справедливое разделение домашних обязанностей и прав супругов; в-третьих, семья становится в основном нуклеарной, состоящей из супругов и несовершеннолетних детей; в-четвертых, все активнее в нашу жизнь входят различные формы небрачных союзов. Яркой иллюстрацией этого процесса стало юридическое закрепление возможности законного существования в ряде стран однополых браков. Только за первое десятилетие XXI века 15 стран на разных континентах приравнивали однополые браки к традиционным, закрепив это в законодательстве. В Европе таких стран больше всего это - Бельгия, Испания, Исландия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Португалия, Франция, Украина. На других континентах можно назвать такие государства как Аргентина и Мексика, ЮАР, Канада и некоторые другие [8]. В замаскированном виде этот тренд проявляется и в ряде других стран.

Как можно оценить значение всех этих революций для достижения гендерного равенства, особенно в условиях, когда государства законодательно стимулируют этот процесс? А ООН предпринимает значительные усилия для регулярной его оценки. Действующая в ООН специальная «Программа развития Организации Объединённых Наций» (ПРООН) использует для анализа реального состояния с равноправием женщин в различных странах сложный комплексный критерий - «Индекс гендерного равенства» (The Gender Equity Index). Этот индекс оценивает реальное положение женщин в разных странах в трех важнейших областях: «Охрана репродуктивного здоровья. Гражданские права и возможности. Возможности на рынке труда» [9].

Индекс гендерного равенства основывается на трех важных составляющих: прозрачная и обстоятельная методология, надежные статистические принципы и согласованность в основах теории. При его разработке была применена методология, состоящая из

10 шагов, по построению составных показателей равенства, разработанная Центром совместных исследований Европейской Комиссии и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Индекс гендерного равенства состоит из шести элементов, характеризующих равноправие женщин в таких областях, как: «работа, деньги, знания, время, власть и здоровье». К ним для полноты картины реальных возможностей женщин добавляется анализ состояния дел в еще двух вспомогательных областях: «пересекающихся неравенств и насилия» и в 12 подобластях. Индекс измеряется в пунктах в пределах от 50 до 100 [10].

В 2010 году ООН ввела еще один индекс - «Индекс гендерного неравенства» как один из интегральных показателей состояния общества. Этот рейтинг используется в Докладе ООН о человеческом развитии. В нем ноль обозначает полное равенство полов по всем показателям, а единица - полное неравенство по всем показателям.

Существуют и другие исследовательские центры, которые рассчитывают такой индекс. Среди них особое место занимает Неправительственная организация «Всемирный экономический форум» в Давосе.

В центре внимания экспертов ВЭФ анализ динамики Индекса гендерного неравенства (Gender Gap Index).

Первый доклад этой организации с рейтингом большинства стран мира появился в 2006 году. В конце 2018 года был обнародован очередной доклад. Это весьма обстоятельное исследование, которое, во-первых, оценивает «разрыв в положении мужчин и женщин в большинстве сфер общественной жизни» в значительной части государств планеты, во-вторых, что очень важно, показывает, как меняется ситуация во времени. В частности, в исследовании итогов 2018 года отмечается, что, «мир очень медленно продвигается по пути полной реализации потенциала женщин. Согласно расчетам ВЭФ, при нынешних темпах изменения Индекса полное гендерное равенство на глобальном уровне будет достигнуто через 108 лет».

В соответствии с методологией данного исследования, «каждая страна получает определенный балл в рейтинге равноправия полов. Балл отражает в процентах устраненный разрыв в равенстве между мужчинами и женщинами, где 1 или 100% означает полное равенство, а 0 - полное неравенство». Важно подчеркнуть, что «индекс отражает именно разрыв в равенстве между полами, независимо от уровня того или иного показателя.

Например, страна, в которой уровень образования мужчин и женщин одинаково низок, будет иметь высокое значение индекса, поскольку в ней нет гендерных различий в доступе к образованию».

Результаты исследования

В докладе Всемирного экономического форума рейтинг гендерного равенства 149 стран мира составлялся на основе четырех основных критериев:

- участие в экономике и положение на рынке труда, включая разницу в оплате труда и возможность карьерного роста;
- доступность образования;
- продолжительность жизни и уровень младенческой смертности;
- вовлеченность в политику.

По данным этого исследования больше всего возможностей в этих сферах получают женщины в Исландии. Эта страна занимает первое место в рейтинге гендерного равенства с 2009 года. За ней идут Норвегия, Швеция, Финляндия. В десятку также входят Никарагуа, Руанда, Намибия, Филиппины, Новая Зеландия и Ирландия.

Хуже всего положение женщин в исламских странах: Йемене, Пакистане, Ираке и Сирии.

В целом на планете наибольший гендерный разрыв существует в сфере политики - 77,1%. Это означает, что среди, например, министров женщин только 18%, среди депутатов чуть больше - 24%. Также женщин мало на руководящих должностях в экономике и ИТ.

По доступу к медицинским услугам и образованию показатели самые лучшие: здесь гендерный разрыв закрыт на 95,6 и 95,4%.

Россия занимает в рейтинге 75-е место. Согласно этому показателю, положение женщин в России хуже, чем в Таиланде (73-е место), Доминиканской Республике (74-е место) или Гондурасе (68-е место). При этом отмечается, что разницы в доступе к медицине и образованию между женщинами и мужчинами в России фактически нет. Российский рейтинг снижает слабое представительство женщин в политике.

По данным исследования ВЭФ «глобальный Индекс гендерного неравенства в 2018 году составил 68%, то есть гендерный разрыв преодолен на 68% из 100. Наибольшие успехи достигнуты в сфере здоровья и образования - глобальные значения соответствующих промежуточных индексов равны

96% и 95%. В то же время гендерный разрыв в экономической и политической сферах остается значительным - 59% и 22%, соответственно».

По оценке ВЭФ, «ни одна страна не достигла полного равноправия между мужчинами и женщинами. Ближе всех к равенству полов подошли 7 стран, которые сократили гендерный разрыв на 80 и более процентов. Это Исландия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Никарагуа, Руанда и Новая Зеландия. Но даже в этих странах промежуточный индекс гендерного неравенства в политической сфере находится на уровне 50-60%, за исключением Исландии, где он составляет 67%» [11].

Гораздо меньших успехов в преодолении гендерного неравенства достигли страны Азии и Африки. Гендерный разрыв преодолен к 2018 году в Йемене на 49,9%, в Пакистане - 55,0%, в Ираке - 55,1%, в Сирии - 56,8%, в Чаде на 58,0%.

Обращает на себя внимание, что из 144 стран, в которых ВЭФ проводило исследования в 2017 и в 2018 гг., в 89 - ситуация в 2018 г. улучшилась незначительно по сравнению с предыдущим годом, а в 55 странах положение даже ухудшилось.

Как выглядит ситуация с гендерным равенством на постсоветском пространстве? Социологи утверждают, что наибольших успехов в сокращении гендерного неравенства добились Белоруссия, Молдавия, республики Прибалтики. Как уже говорилось, Россия в 2018 г. занимала 75 место из 149. Основные причины отставания России в Индексе две: более низкая оплата труда женщин, чем мужчин за такую же работу, и слабое, по сравнению с рядом других стран, представительство женщин в политической сфере. В этой сфере гендерный разрыв преодолен на 8,5% из 100. Россия по количеству женщин, занятых политикой - на 123 месте в мировом рейтинге.

Ниже рейтинг только в странах Закавказья и Таджикистане, а также в Индии и Китае.

Они, в частности, занимают последнее место в мире в индексе гендерного неравенства в сфере здоровья, из-за нарушенного (в пользу мальчиков) соотношения полов при рождении [12].

С другой стороны, подходят к оценке гендерного неравенства эксперты Всемирного банка. В ее основе лежит анализ законодательного закрепления равных прав мужчин и женщин в таких сферах, как оплата труда, трудоустройство, ведение собственного

бизнеса, управление активами, пенсионное обеспечение, свобода передвижения, брак и дети. Оценивается также их динамика за 10 лет.

В докладе Всемирного банка показывается, что за последние десять лет, «в 131 стране мира были предприняты 274 реформы, целью которых были изменения в законодательстве, задача которых увеличить гендерное равенство». В частности, в 35 странах за этот период, внедрили законы о борьбе с сексуальными домогательствами на рабочем месте, которые защитили почти на два миллиарда больше женщин, чем это было десять лет назад.

Однако, оценивая положение с правами женщин в целом, эксперты Всемирного банка пришли к выводам, что женщины во всем мире имеют лишь три четверти юридических прав, которыми обладают мужчины.

Многие законы и нормативные акты по-прежнему препятствуют доступу женщин к труду или открытию бизнеса. Кроме того, анализ показывает, что достижение гендерного равенства требует не только изменений в законах. Законы должны быть осмысленно реализованы на практике, а это требует настойчивой политической воли, постоянных усилий со стороны женщин и мужчин и изменения укоренившихся культурных норм и взглядов. В конечном счете, законы это только инструменты, которые расширяют возможности женщин, стимулируют правительства разных стран гарантировать полное и равное участие женщин в экономической жизни. Все остальное обеспечивается постоянным участием в этом процессе всего гражданского общества.

Исследователи проанализировали изменения, которые за последнее десятилетие вносились в законодательство 187 государств, говорится в докладе «Женщины, бизнес и закон 2019: десятилетие реформ». Их интересовало, как это повлияло на права женщин на практике. Учитывались восемь показателей: оплата труда, трудоустройство, ведение собственного бизнеса, управление активами, пенсионное обеспечение, свобода передвижения, брак и дети.

По итогам был сформирован рейтинг. Его средний балл составил 74,71 из 100 - против 70,06 баллов десять лет назад. Абсолютный результат показали Бельгия, Дания, Франция, Латвия, Люксембург и Швеция - страны, где мужчины и женщины, по данным ВБ, обладают равными правами в указанных сферах. В целом, лидируют страны Организации экономического сотрудниче-

ства и развития с высоким доходом (93,5), а также Европы и Центральной Азии (84,70), Латинской Америки и Карибского бассейна (79,09). Замыкают список арабские страны Ближнего Востока: у Саудовской Аравии рейтинг - 25,63 балла.

Россия набрала 73,13 балла. Столько же у Бурунди, Марокко и Уганды. Ее опередили большинство постсоветских стран - например, Армения (83,13), Белоруссия и Украина (78,75), Казахстан (75,63). Эксперты ВБ считают, что полное равноправие в РФ достигнуто в вопросах свободы передвижения и владения имуществом. Регулирование супружества и материнства оценивается в 80 баллов, вопросы, связанные с открытием бизнеса и выходом на пенсию - по 75 баллов каждый. Худшие результаты относятся к сферам трудоустройства - 50 баллов, и зарплаты - 25 баллов.

Заключение

В современном мире гендерная проблематика и борьба за равноправие женщин - предмет активного обсуждения не только ученых, но и в обществе в целом. Мотором этого внимания является активная позиция женских движений. Эксперты выделяют в этой области несколько моделей женских движений: модель группы давления: США; модель левого феминизма: Великобритания; модель государственного феминизма: Швеция; движение одной проблемы: Италия; партийно-ориентированная модель женского движения: Франция; смешанная модель женского движения: Германия. В России женские движения тоже набирают силу.

Каждое из этих движений, активно мониторит положение дел с равноправием женщин, сравнивая реальное положение дел с равенством мужчин и женщин с требованиями международно-правовых документов о правах человека. Прежде всего, Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW).

Два обстоятельства делают этот документ очень значимым в борьбе за ликвидацию гендерного неравенства. Во-первых, в Конвенции впервые была дана правовая характеристика понятия дискриминации в отношении женщин. Эта характеристика стала хрестоматийной для всех исследователей этой проблемы. Дискриминация, по Конвенции, - это «любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое ослабляет или сводит на нет признание или осуществление женщинами, независимо от

их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области».

Во-вторых, конвенция содержит фактически план действий для всех государств планеты по ликвидации неравенства мужчин и женщин в различных сферах общественной жизни.

Что, в частности, предлагается в этом документе сделать всем государствам незамедлительно?

Прежде всего Конвенция требует «включить принцип равноправия мужчин и женщин в свои национальные конституции или другое соответствующее законодательство, и обеспечить с помощью закона и других соответствующих средств практическое осуществление этого принципа».

Важнейшей рекомендацией международно-правового акта является требование «законодательно запретить всякую дискриминацию в отношении женщин и самое главное на практике «обеспечить с помощью компетентных национальных судов и

других государственных учреждений эффективную защиту женщин против любого акта дискриминации».

Проблема запрета дискриминации рассматривается и в других пунктах Конвенции. В частности, в документе уточняется, что недопустима дискриминация в отношении женщин не только со стороны государства, но и «со стороны какого-либо лица, организации или предприятия».

Особо в конвенции подчеркивается обязанность государства законодательно отменить «действующие законы, постановления, обычаи и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин», в том числе и «все положения своего уголовного законодательства, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин».

Однако анализ реальной государственной практики и реального положения дел, показывает, что для фактического обеспечения равенства мужчин и женщин предстоит сделать еще очень много практически всем государствам планеты.

Литература:

1. Women, business and the law 2019: a decade of reform // <https://openknowledge.worldbank.org>.
2. The World Economic Forum. The Global Gender Gap Report 2018 // <https://www.weforum.org>.
3. Смагин Б.А. Лекции по дисциплине «Гендерная социология». Санкт-петербургский государственный морской технический университет, 2013-2014.
4. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб., 2015.
5. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2000.
6. Thurber James, Valtat Jean-Christophe, White E.B. Is Sex Necessary?: or Why You Feel The Way You Do. New York, 2004.
7. Райх В. Сексуальная революция. СПб-М., 1997 // <https://www.psychol-ok.ru>.
8. 15 стран, где легализованы однополые браки // topsweet.ru/15-stran-gde-legalizovany-odnopolye-braki/
9. Индекс гендерного равенства по версии ПРООН // Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий. 2006–2019 // <https://gtmarket.ru/ratings>.
10. Рабочий доклад «Индекс гендерного равенства в Европейском союзе: надежный инструмент для формирования политики».
11. Гендерное равенство наступит через 108 лет // <http://www.demoscope.ru>.
12. World Economic Forum // <http://reports.weforum.org>.

GENDER INEQUALITY IN THE MODERN WORLD

Based on the study of international organizations

Introduction. The article analyzes the results of two studies of international organizations "Women, business and law 2019: decade of reforms" conducted by experts of the World Bank with the involvement

of external resources and the non-Governmental organization "World Economic Forum" in Davos, devoted to the study of the situation of gender inequality in the modern world.

Materials and methods. The article provides theoretical and empirical analysis of the issues which concern ensuring equality of men and women in law, morality and social practice on the basis of analytical documents and research of international organizations, works of domestic and foreign scientists.

The results of the study. The World Bank report shows that over the past decade, 274 reforms have been undertaken in 131 countries around the world to bring about changes in legislation that aim to increase gender equality.

In the report of the World Economic Forum on this issue, experts took into account the situation of women in 149 countries.

Women's participation in politics remains the main issue according to the report.

Discussion and conclusion. Research into the existing inequalities between men and women in public life highlights several facets of the problem.

Firstly, the problem of creating gender within the framework of the socio-constructivist approach is actively discussed.

Secondly, there is a production of gender differ-

ences in interactions in the public space.

Thirdly, in scientific works much attention is paid to practical problems: gender division of labor, representation of women in the structures of power, the emerging structure of sexual and emotional relations, historical changes in structural patterns of behavior.

The core of these studies is the search for ways to eliminate inequality in the status of men and women in public life on the basis of the basic UN human rights documents.

The guidelines for this search are set by the UN Convention on the elimination of all forms of discrimination against women (CEDAW), adopted on December 18, 1979 by the UN.

Yuri K. Krasnov,

Doctor of Sciences (Law, History), Professor with the Department of Legal Basics of Governance, MGIMO (University) under the MFA of Russia.

Ключевые слова:

пол, гендер, гендерные роли, гендерные отношения, гендерная стратификация, гендерный порядок, гендерный режим, гендерная социализация, гендерная социология

Keywords:

gender, gender roles, gender relations, gender stratification, gender order, gender regime, gender socialization, gender sociology

References:

1. Women, business and the law: a decade of reform. 2019. URL: <https://openknowledge.worldbank.org>.
2. The World Economic Forum. The Global Gender Gap Report. 2018. URL: <https://www.weforum.org>.
3. Smagin B.A., 2014. Lekcii po discipline «Gendernaya sociologiya» [Lectures on the discipline «Gender sociology»]. St. Petersburg.
4. Zdravomyslova E.A., Tyomkina A.A., 2015. 12 lekcij po gendernoj sociologii [12 lectures on gender sociology]. St. Petersburg.
5. Hrestomatiya feministikh tekstov [Reader of feminist texts]. St. Petersburg, 2000.
6. Thurber James, Valtat Jean-Christophe, White E.B., 2004. Is Sex Necessary?: or Why You Feel The Way You Do. New York.
7. Rajh V., 1997. Seksual'naya revolyuciya [Sexual revolution]. St. Petersburg.
8. 15 stran, gde legalizovany odnopolye braki. 2006-2019 [15 countries where same-sex marriage is legalized]. URL: topsweet.ru/15-stran-gde-legalizovany-odnopolye-braki.
9. Indeks gendernogo ravenstva po versii PROON. 2019 [The gender equality index according to the UNDP]. Gumanitarnaya enciklopediya. Centr humanitarnykh tekhnologij [Humanitarian encyclopedia. Center for humanitarian technologies]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings>.
10. Rabochij doklad «Indeks gendernogo ravenstva v Evropejskom soyuze: nadezhnyj instrument dlya formirovaniya politiki» [Working paper «Gender equality Index in the European Union: a reliable policy-making tool»].
11. Gendernoe ravenstvo nastupit cherez 108 let [Gender equality will come in 108 years]. URL: <http://www.demoscope.ru>.
12. World Economic Forum. 2018. URL: <http://reports.weforum.org>.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НЕРАЗМЕЩЕНИЯ ОРУЖИЯ В КОСМОСЕ

Михаил Лысенко*

DOI 10.24833/2073-8420-2019-2-51-29-37

Введение. В статье анализируется современная ситуация с использованием космического пространства, для которой характерны расширение масштабов мирной космической деятельности, усиление конкуренции и опасная тенденция вероятного размещения оружия в космосе. Рассмотрев действующую базу международного космического права, автор выявляет правовые пробелы, которые необходимо устранить в целях предотвращения появления космического оружия. Особый акцент сделан на оценке эффективности международно-правовых усилий российской дипломатии по решению этой неотложной задачи.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания: анализ, синтез, индукция/дедукция, аналогия, и специальные методы: сравнительно-правовой; формально-юридический; статистический.

Результаты исследования. Выявлено, что международное космическое право с самого начала развивалось в логике ограничений военного использования космоса. Однако они носят селективный характер и позволяют развертывание в космосе ударных систем в неядерном оснащении. Угроза появления космического оружия, к чему, не скрывая, ведут дело в США, реальна. Для ее устранения международно-правовыми средствами есть надлежащие переговорные форумы: наша страна ведет активную дипломатическую работу в ООН, на Конференции по разоружению и других площадках. По оценке автора, поддержка российских инициатив растет, однако им упорно противодействуют США и их союзники.

Обсуждение и заключение. По результатам анализа, в том числе мнений экспертов, в статье предложены конкретные меры в развитие дипломатических и информационных усилий России по недопущению конфронтации в космосе. Рекомендуется расширить число стран, взявших на себя обязательство по неразмещению первыми оружия в космосе; включить эту тему в итоговые документы БРИКС; провести в Москве в 2021 году вторую конференцию по мирному космосу, приуроченную к 60-летию полета Гагарина в космос.

Введение

За 60 с лишним лет освоения космоса четко проявились две магистральные тенденции.

Первая тенденция – расширяющееся использование космоса в мирных целях. Как писали отечественные эксперты еще в 1960 году, «космическое пространство, недавно казавшееся недостижимым, становится те-

* Лысенко Михаил Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО МИД России.
e-mail: mikelys@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1358-833

перь одной из «обычных» сфер человеческой деятельности» [2. С. 130]. С момента создания в ООН в 1961 году Реестра объектов, запускаемых в космос, было зарегистрировано свыше 7300 функциональных космических объектов (спутников, зондов и пр.), данные о которых предоставили 55 государств и межправительственных организаций¹. Космические технологии открывают беспрецедентные возможности для развития экономики, науки, образования, бизнеса, социальной сферы. «Юристы-международники, специализирующиеся в области международного космического права, уже в течение ряда лет говорят о формировании международного космического частного права» [6. С. 371].

Сегодня мирное освоение космоса осуществляется без заметных конфликтов. Успешным примером многостороннего сотрудничества стала Международная космическая станция с участием России, США, Канады, Японии и Европейского космического агентства. Ширится двустороннее сотрудничество (на сайте Госкорпорации Роскосмос приведено более 20 международных проектов с ее участием²). На случай споров упредительно созданы международные механизмы их разрешения. В Постоянной палате третейского суда приняты Факультативные правила арбитражного урегулирования споров, связанных с космической деятельностью³. Действует Конвенция 1972 года о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами. Каких-либо резонансных споров по поводу космической деятельности, вынесенных на высокий международный уровень, не отмечалось. Согласимся с мнением М.Р. Юзбашян: «факт того, что до сих пор предметных международных споров в судебном порядке рассмотрено не было...свидетельствует в пользу того, что на данном этапе развития космической деятельности государства достаточно успешно справляются с задачей «управления рисками» международной ответственности» [8. С. 52].

Вместе с тем, по мере активизации международной космической деятельности растут конкуренция и потенциал конфликтных интересов сторон. Так, вызывают беспокойство идущие вразрез с международным космическим правом попытки ряда государств легализовать «приватизацию» природных ресурсов на космических телах. В 2015 году в США был принят закон «О конкурентоспособности в области коммерческих космических запусков США», в котором «поощряются коммерческая разработка и коммерческая добыча космических ресурсов гражданами США»⁴. Как справедливо пишет О.А. Волынская, «подобная односторонняя инициатива посягнула на до сих пор незыблемый принцип международного космического права – принцип национального неприсвоения космического пространства» [1. С. 91]. Аналогичный закон в 2017 году был принят в Люксембурге.

На этом фоне всё более тревожит вторая тенденция – вероятного появления оружия в космосе и неизбежной при этом глобальной конфронтации.

Сразу оговоримся: сегодня в космосе и на небесных телах никакого оружия нет. В космосе размещены военные, но не оружейные системы. Это спутники военного назначения, не являющиеся оружием, а выполняющие информационные задачи. Более того, военные спутники частично «способствуют поддержанию стабильности в международных отношениях» [5. С. 223], поскольку отслеживают выполнение международных обязательств в области ядерного разоружения и нераспространения. Практикуется двойное применение военных космических систем в интересах гражданских нужд (мониторинг техногенных и природных бедствий и т.п.). (В этом смысле можно сказать, что милитаризация космоса имеет место, но без оружейного компонента.)

Однако шансы появления собственно оружия, боевых ударных систем в космосе реальны, несмотря на все предпринятые до

¹ Координация космической деятельности в системе ООН: направления деятельности и ожидаемые результаты на период 2018–2019 годов. Доклад Генерального секретаря. Комитет по использованию космического пространства в мирных целях. 61-я сессия Вена, 20–29 июня 2018 года. (Пункт 18). A/AC.105/1179. Официальный сайт ООН. URL: <http://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/un-space/documents.html> (дата обращения: 15.03.2019).

² Международные проекты Роскосмоса. Официальный сайт госкорпорации «Роскосмос». URL: <https://www.roscosmos.ru/219/> (дата обращения: 15.03.2019).

³ Permanent Court of Arbitration. Optional Rules for Arbitration of Disputes Relating to Outer Space Activities. 2011. URL: http://www.pca-cpa.org/showpage.asp?pag_id=188 (дата обращения: 15.03.2019).

⁴ H.R.2262 - U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act. 114th Congress (2015-2016). URL: <https://www.congress.gov/bills/114th-congress/house-bill/2262> (дата обращения: 15.03.2019).

сих пор международно-правовые и политические усилия по недопущению этого.

Исследование

Напомним, что международное космическое право с самого начала развивалось в логике расширяющихся ограничений на военное использование космоса.

В 1963 году был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, впервые установивший запрет на конкретную военную деятельность в космосе. Договор запрещал любые испытательные взрывы ядерного оружия, в частности, «в атмосфере, за ее пределами, включая космическое пространство»⁵.

В 1967 году был подписан Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. По оценке Беркмана П., Вылегжанина А.Н. и др., «Договор по космосу, являясь основой для дальнейшего прогрессивного развития международного космического права и *inter alia* для упорядоченного развития коммерческой космической деятельности»,... «заложил международно-правовые основы для обеспечения освоения и использования космоса в интересах поддержания международного мира и безопасности» [10. С. 19, 31]. В Договоре зафиксированы конкретные запреты на военную деятельность (Статья IV): «не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом». Тем самым впервые были прописаны обязательства о неразмещении в космосе и на небесных телах данных видов оружия. Применительно к небесным телам в Договоре были установлены еще более радикальные запреты, а именно на «создание

на небесных телах военных баз, сооружений и укреплений, испытание любых типов оружия и проведение военных маневров»⁶. Как видим, столь жесткий, универсальный запретительный режим применим только к небесным телам. Однако он не распространяется на открытое космическое пространство, включая орбиты планет, и не налагает ограничений на развертывание там космического оружия в неядерном оснащении. Ю.М. Колосов и С.Г. Сташевский в этой связи констатировали, что «подавляющее большинство юристов при толковании статьи IV Договора по космосу исходят из того, что в отношении Луны и других небесных тел установлен режим полной демилитаризации, а в отношении собственно космического пространства – режим частичной демилитаризации» [3. С. 46-47].

В Соглашении 1979 года о деятельности государств на Луне и других небесных телах было зафиксировано очередное обязательство – «не выводить на орбиту вокруг Луны или на другую траекторию полета к Луне или вокруг нее объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения». В Договоре по космосу, как отмечалось выше, говорилось лишь о запрете выводить такие объекты на орбиту вокруг Земли. В Соглашении впервые был введен запрет применения на Луне «угрозы силой или применения силы или любых других враждебных действий или угрозы совершения враждебных действий»⁷.

Конвенция 1977 года о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду закрепила обязательство государств-участников не использовать такое воздействие на космическое пространство⁸.

Как видим, упомянутые договоры, при всей их значимости, установили лишь селективные ограничения на военное использование космоса. Остается много правовых «белых пятен» и «серых зон» (отсутствие определений, ограниченность запретов и сферы

⁵ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 года. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv1960.shtml (дата обращения: 15.03.2019).

⁶ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 года. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 15.03.2019).

⁷ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 года. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 15.03.2019).

⁸ Конвенция о запрещении военного или иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 года. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения: 15.03.2019).

их охвата и др.). Разумеется, эти документы в годы их принятия не могли охватить весь спектр современной космической деятельности и тем более предвосхитить появление перспективных космических систем военного назначения⁹.

Таким образом, действующая международно-правовая база сама по себе недостаточна для пресечения выхода оружия в космос и недопущения там вооруженного противоборства. «Космос продолжает превращаться в крайне военизированную, спорную и крайне небезопасную сферу, в которой многие государства с большим подозрением относятся к действиям друг друга и стремятся противостоять растущим осознанным угрозам», - постулирует Дж. Бёрд [9. С. 338].

Дело усугубляется тем, что США всё настойчивее демонстрируют пренебрежение взятыми на себя международно-договорными обязательствами и открыто провозглашают курс на выход с оружием в космос и доминирование в космосе.

В 2002 году США вышли из бессрочного Договора 1972 года об ограничении систем противоракетной обороны, который, в частности, налагал запрет на создание систем ПРО космического базирования.

США подписали, но отказываются ратифицировать Договор 1996 года о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, который устанавливает абсолютный запрет на любые ядерные испытания в любой среде, включая космос. Ведется подготовка американского ядерного полигона к возобновлению ядерных испытаний.

В феврале 2019 года США начали процедуру выхода из бессрочного Договора 1987 года о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Остается неясной судьба Договора 2010 года о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, срок действия которого истекает в 2021 году. США отступили от правил засчета вооружений по Договору.

В 2018 году президент США Д. Трамп отдал распоряжение приступить к формиро-

ванию военно-космических сил США с целью «доминирования Америки в космосе»¹⁰. Палата представителей Конгресса США одобрила законопроект «О предельных расходах на национальную оборону в 2019 финансовом году», предусматривающий финансирование средств космического базирования для перехвата баллистических ракет. В документе даже определен конкретный срок, когда такое оружие будет выведено в космос - 2030 год¹¹.

Очевидно, что появление космического оружия у США вызовет ответную реакцию других стран, превратит околоземное пространство в потенциальный «театр военных действий». Попытки внести военно-силовой хаос в космическую деятельность, насильственно «урвать» свою «долю» на космические ресурсы, намерения противоправно, силой решать космические споры неизбежно обернулись бы коллапсом мирной деятельности в космосе. К такому выводу однозначно приходят дипломаты, политики, ученые.

По оценке дипломата А.Ю. Малова, «ударные космические системы следовало бы отнести к новому виду стратегического оружия в силу их характеристик... В отличие от ОМУ оно стало бы не инструментом сдерживания, а оружием реального применения» [4. С. 26]. «Любое применение силы в хрупком космическом пространстве вероятнее всего приведет к длительным разрушительным последствиям», - подчеркивает Генеральный секретарь ООН А. Гуттериш [11. С. 29]. «Крайне важно начать под эгидой единого форума международный диалог по использованию космического пространства в военных целях для рассмотрения правовых неопределенностей, препятствующих использованию космического пространства в мирных целях», - восклицает Феррейра-Снимен [12. С. 520]. «Сегодняшний мир балансирует над краем угрожающей новой гонки вооружений в космическом пространстве, это опасное и дорогостоящее явление, но и вполне предотвратимое», - заключает Д. Коплоу [13. С. 332].

⁹ См. подробнее: Лысенко М.Н. Правовые проблемы и перспективы запрещения оружия в космосе: дис. канд. юрид. наук. МГИМО МИД России. М., 2006.

¹⁰ Трамп распорядился создать военно-космические силы США. Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/world/617475> (дата обращения: 15.03.2019).

¹¹ Заявление МИД России в связи с одобрением Палатой представителей Конгресса США проекта оборонного бюджета на 2019 г. Официальный сайт МИД России. 27 июля 2018 года. URL: http://www.mid.ru/web/guest/predotvrasenie-gonki-vooruzenij-v-kosmose/-/asset_publisher/wD2rNsftQhho/content/id/3304414 (дата обращения: 15.03.2019).

Так реально и посильно ли не допустить такого сценария с помощью международного права и дипломатии? Рассмотрим данный вопрос подробнее.

В настоящий момент дипломатическая и правовая борьба за полный запрет на оружие в космосе ведется по следующим направлениям.

Первое направление – это работа в ООН по ежегодному принятию на сессиях Генеральной ассамблеи трех следующих резолюций.

Резолюция «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве». Ранее она принималась единогласно. Однако в 2018 году две страны – США и Израиль проголосовали против. Документ призывает все государства «активно содействовать достижению цели мирного использования космического пространства и предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве»¹².

Резолюция «Неразмещение первыми оружия в космосе». В 2018 году голосовали: за – 128 (в 2017 году – 131), против – 12 (4), воздержались – 40 (48). В резолюции содержится призыв ко всем государствам рассмотреть возможность «выразить соответствующим образом приверженность политическому обязательству о неразмещении первыми оружия в космосе» (НПОК)¹³. Резолюция родилась в результате инициативы России. Развивая свое ранее выдвинутое предложение о введении моратория на размещение в космосе боевых средств, Россия в 2004 году заявила на 59-й сессии Генассамблеи ООН о том, что не будет первой размещать в космосе оружие любого вида в качестве временной меры до принятия юридически обязывающего договора о неразмещении оружия в космосе. В 2005 г.

такое обязательство приняли все государства Организации Договора по коллективной безопасности (ОДКБ). В 2019 году участники ОДКБ актуализировали и подтвердили это обязательство¹⁴. К 2019 году уже 20 стран (в 2017 году – 16) добровольно взяли на себя такие односторонние обязательства. По оценке российского дипломата В.И. Ермакова, это «на сегодняшний день единственная действенная мера в области предотвращения гонки вооружений в космосе»¹⁵.

Резолюция «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности» принималась единогласно. В 2018 году консенсус опять же сломали проголосовавшие против США и Израиль. В документе предлагается включить в повестку дня Комиссии по разоружению пункт о практической реализации мер по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности в целях предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве. Ранее, в 2006 году Евросоюз представил проект международного кодекса поведения в космической деятельности, однако с 2015 года под давлением США ЕС перестал продвигать этот документ¹⁶.

Понятно, что все упомянутые резолюции носят рекомендательный характер. Вместе с тем, они создают «тягу» в пользу дальнейших усилий по недопущению конфронтации и появления оружия в космосе.

Второе и главное направление – это инициирование договора о предотвращении размещения оружия в космосе (ДПРОК). Эта работа ведется на Конференции по разоружению (КР) в Женеве. В 2008 году Россия и Китай представили там проект такого договора, а в 2014 году внесли его обновленную

¹² Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 5 декабря 2018 года A/RES/73/30 «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве». Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/ga/first/73/first_res.shtml (дата обращения: 15.03.2019).

¹³ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 5 декабря 2018 года A/RES/73/31 «Неразмещение первыми оружия в космосе». Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/ga/first/73/first_res.shtml (дата обращения: 15.03.2019).

¹⁴ Заявление постоянных представителей государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности при ООН «О поддержке многосторонней инициативы о неразмещении первыми оружия в космическом пространстве». Официальный сайт МИД России. 14.03.2019. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3570650 (дата обращения: 15.03.2019).

¹⁵ Ермаков В.И. Выступление представителя Российской Федерации в Первом Комитете 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разделу «Космическое пространство (разоруженческие аспекты)». Нью-Йорк, 17 октября 2017. Официальный сайт Постоянного Представительства Российской Федерации при ООН. URL: http://russia.un.org/ru/news/fc_wos. (дата обращения: 15.03.2019).

¹⁶ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 5 декабря 2018 года A/RES/73/72 «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности». Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/ga/first/73/first_res.shtml (дата обращения: 15.03.2019).

версию с учетом замечаний по итогам обсуждения¹⁷.

При разработке договора его авторы работали на упреждение. Они исходили из того, что гораздо проще и эффективнее предотвратить появление оружия в космосе, чем вести переговоры в условиях уже начавшейся там гонки вооружений.

В проекте договора устранены правовые пробелы Договора по космосу 1967 года:

- Дано развернутое определение термина «оружие в космическом пространстве». Авторы грамотно ушли от перечисления видов и типов возможного оружия. Опыт убеждает в невозможности дать юридически емкое и, главное, универсальное их определение, поскольку с развитием технологий могут появляться всё новые системы, не охваченные таким перечнем. Основным критерием «оружия» определена его способность уничтожать, повреждать или нарушать нормальное функционирование объектов¹⁸.

- Сформулирован термин «применение силы» или «угроза силой» - это преднамеренные действия, направленные на причинение ущерба космическому объекту¹⁹.

- Прописаны обязательства государств-участников: не размещать в космосе любое оружие и не прибегать к применению силы или угрозе силой в отношении космических объектов.

Обсуждение проекта ДПРОК ведется на общепризнанном правовом поле - на Конференции по разоружению (КР) в Женеве. Однако оно идет без переговорного мандата и в условиях противодействия со стороны США и их союзников. Кроме того, вся переговорная работа на КР с 1998 года за-

блокирована из-за разногласий в подходах государств-участников КР к рассмотрению в «пакете» четырех ключевых вопросов: ядерное разоружение, запрещение производства оружейного расщепляющегося материала, предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве, «негативные» гарантии безопасности.

В этих условиях Россия и ее единомышленники пытаются максимально использовать также иные дискуссионные площадки. Так, России и Китаю удалось инициировать в 2017 году резолюцию Генассамблеи ООН «Дальнейшие практические меры по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве» (A/RES/72/250). Документ поддержали 108 государств при 47 воздержавшихся и 5 проголосовавших «против» (США, Великобритания, Франция, Израиль и Украина). В резолюции содержится призыв к Генеральному секретарю ООН учредить группу правительственных экспертов (ГПЭ) ООН «для рассмотрения и представления рекомендаций относительно субстантивных элементов международного имеющего обязательную юридическую силу документа о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве, включая, в частности, предотвращение размещения оружия в космическом пространстве»²⁰. В 2018 и 2019 годах ГПЭ провела в Женеве две сессии, их итогом станет доклад к 74-й сессии ГА ООН.

Результаты исследования

Итак, если брать правовую и дипломатическую сторону дела, то для недопущения оружия в космосе есть всё необходимое: про-

¹⁷ Здесь и далее ссылки на проект договора: Письмо постоянного представителя Российской Федерации и постоянного представителя Китая при Конференции по разоружению от 10 июня 2014 года на имя исполняющего обязанности Генерального секретаря Конференции, препровождающее обновленные русский и китайский тексты проекта договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ДПРОК), внесенного Российской Федерацией и Китаем. Конференция по разоружению, CD/1985, Женева, 12 июня 2014 года. Официальный сайт отделения ООН в Женеве. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G14/050/68/PDF/G1405068.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2019).

¹⁸ Согласно проекту ДПРОК, «термин «оружие в космическом пространстве» означает любой космический объект или его составную часть, созданные или переоборудованные для уничтожения, повреждения или нарушения нормального функционирования объектов в космическом пространстве, на поверхности Земли или в ее воздушном пространстве, а также для уничтожения человека, компонентов биосферы, важных для существования человека, или для причинения им ущерба, и чье действие основано на любых физических принципах».

¹⁹ «Термин «применение силы» или «угроза силой» означает соответственно любое преднамеренное действие, направленное на причинение ущерба космическому объекту, находящемуся под юрисдикцией и/или контролем иных государств».

²⁰ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 4 декабря 2017 года A/RES/72/250 «Дальнейшие практические меры по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве». Официальный сайт ООН. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/72/250> (дата обращения: 15.03.2019).

ект договора, резолюции ООН, переговорные площадки.

Однако нет главного – политической воли со стороны США. Как показывают практика и вышеприведенные итоги голосований в ООН, Вашингтон при поддержке своих союзников блокирует любые возможности приступить к официальным переговорам по ДПРОК, а параллельно разрабатывает космическое оружие и претендует на доминирование в космосе. Ситуация на обозримую перспективу, похоже, может осложниться. Россия к этому в военно-техническом плане готовится²¹.

Тем не менее, параллельно с работой по обеспечению военно-стратегической устойчивости России, представляется важным не снижать дипломатическую и информационную динамику. Требуется, как справедливо пишет Штодина И.Ю., «сохранить все положительное, что заложено в нынешней системе правоотношений в космосе» [7. С. 80]. Тем более, что на заседании Коллегии МИД России 1 марта 2019 года «в качестве одного из приоритетов обозначено оздоровление деятельности Конференции по разоружению в Женеве, в т.ч. путём реализации российских инициатив по разработке юридически обязывающего инструмента в целях предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве»²².

Заключение

По скромному мнению автора данной статьи, было бы полезным в развитие работы МИД России, акцентировать внимание на следующем.

Во-первых, это расширение числа сторонников резолюции ГА ООН «Неразмеще-

ние первыми оружия в космосе» (НПОК), особенно соавторов резолюции: в 2017 году их было 45, в 2018 году – 50.

Во-вторых, это расширение числа стран, взявших на себя индивидуальные обязательства по НПОК. Сегодня их уже 20. Среди них – все участники ОДКБ, ряд стран Латинской Америки и Азии²³. Но обращает на себя внимание, что в этом списке нет Китая, являющегося вместе с Россией соавтором проекта ДПРОК и соавтором резолюции НПОК. Нет в списке еще двух наших партнеров по БРИКС – Индии и ЮАР, они даже не вошли в число соавторов резолюции по НПОК. В списке нет ни одного африканского государства. Не было упоминания о НПОК в Йоханнесбургской декларации десятого саммита БРИКС от 26 июля 2018 года²⁴. Было бы важно обеспечить поддержку НПОК всеми членами БРИКС и отразить это в декларации следующего саммита БРИКС в 2019 году.

В-третьих, несмотря на то, что на Конференции по разоружению официальные переговоры по ДПРОК заблокированы, ничто не мешает создавать информационную «критическую массу» в пользу будущего договора на иных площадках. Напомним, к примеру, что по инициативе Президента России, в 2001 году в Москве при участии ООН была проведена международная конференция «Космос без оружия – арена мирного сотрудничества в XXI веке», приуроченная в 40-летию первого полета человека в космос. На конференции были обсуждены базовые элементы многосторонней договоренности по запрету космического оружия, которые потом легли в основу проекта ДПРОК²⁵. Не стоило бы подумать о том, чтобы совместно с ООН созвать вторую аналогичную конфе-

²¹ В ходе рабочей встречи с министрами иностранных дел и обороны в феврале 2019 года Президент России заявил: «мы знаем о планах некоторых стран разместить оружие в космосе. Я хочу услышать о том, как будет купирована и эта возможная угроза». См.: Владимир Путин провёл рабочую встречу с Министром иностранных дел Сергеем Лавровым и Министром обороны Сергеем Шойгу. 2019-02-02. Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/59763> (дата обращения: 15.03.2019).

²² О заседании Коллегии МИД России. Сообщение для СМИ. 447-01-03-2019. Официальный сайт МИД России. URL: http://www.mid.ru/web/guest/obychnye-vooruzenia/-/asset_publisher/MIJdOT56NKIk/content/id/3550779 (дата обращения: 15.03.2019).

²³ Обязательства по НПОК зафиксированы в совместных межгосударственных заявлениях России с Бразилией (декабрь 2012 г.), Индонезией (июль 2013 г.), Шри-Ланкой (сентябрь 2013 г.), Аргентиной (май 2014 г.), Кубой (июль 2014 г.), Венесуэлой (сентябрь 2015 г.), Боливией (апрель 2016 г.), Никарагуа (сентябрь 2016 г.), Эквадором (ноябрь 2016 г.), Уругваем (февраль 2017 г.), Вьетнамом (июнь 2017 г.), Суринамом (октябрь 2017 г.), Гватемалой (сентябрь 2018 г.), Узбекистаном (октябрь 2018 г.), а также в совместных документах участников ОДКБ. См.: Предотвращение размещения оружия в космосе. Официальный сайт МИД России. 25.01.2019. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/-/asset_publisher/rp0fiUBmANaH/content/id/1127371 (дата обращения: 15.03.2019).

²⁴ Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС 26 июля 2018 года. Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5323> (дата обращения: 15.03.2019).

²⁵ Космос без оружия – арена мирного сотрудничества в XXI веке. Материалы Международной конференции по предотвращению милитаризации космического пространства. Москва, 11-14 апреля 2001 года. М., 2001.

ренцию в апреле 2021 года, приуроченную к 60-летию полета Ю.А.Гагарина в космос? На таком мероприятии можно было провести «мозговой штурм» по итогам проделанной за 20 лет работы на треках ПРОК и мирного космоса и определиться с последующей тактикой и стратегией.

Удастся ли сберечь космос мирным или же он станет ареной силовых состязаний, покажет время.

Очевидно, что если наши мирные усилия не дадут результата, придется пойти по прагматичному пути обеспечения своих оборонных интересов в космосе. Но это отнюдь не отменяет необходимости и далее работать на опережение, без устали наращивая дипломатические, информационные и международно-правовые усилия по недопущению военной конфронтации в космосе.

Литература:

1. Волинская О.А. Юбилей Договора по космосу 1967 года // Московский журнал международного права. 2017. № 4 (108).
2. Ковалев Ф.Н., Чепров И.И. О разработке правовых проблем космического пространства // Советское государство и право. 1960. № 7.
3. Колосов Ю.М., Сташевский Г.Г. Борьба за мирный космос. М., Международные отношения. 1984.
4. Малов А.Ю. Что стоит на пути к договору о предотвращении размещения оружия в космосе // Индекс безопасности. 2015. № 4 (115).
5. Международное космическое право: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. Г.П. Жукова, А.Х. Абашидзе. М., 2018.
6. Международное право: учебник для академического бакалавриата / Под ред. А.Н. Вылегжанина. В 2-х томах. Том 2. М., 2018.
7. Штодина И.Ю. Некоторые актуальные вопросы правового обеспечения исследования и использования космоса // Московский журнал международного права. 2018. № 2 (109).
8. Юзбашян М.Р. Актуальные международно-правовые вопросы разрешения споров в области космической деятельности // Право и управление. XXI век. 2018. № 2 (47).
9. Beard Jack M. Soft Law's Failure on the Horizon: the International Code of Conduct for Outer Space Activities // University of Pennsylvania Journal of International Law. 2017. Vol. 38, No. 2.
10. Berkman P.A., Vylegzhaniin A.N., Yuzbashyan M.R., Mauduit J. Outer Space Law: Russia – United States Common Challenges and Perspectives // Moscow Journal of International Law. 2018. Vol. 1 (109).
11. Ferreira-Snyman A. Selected Legal Challenges Relating to the Military Use of Outer Space, with Specific Reference to Article IV of the Outer Space Treaty // Potchefstroom Electronic Law Journal. 2015. Vol. 18 (3).
12. Guterres António. United Nations Secretary General. Securing Our Common Future. Agenda for Disarmament. 2018. Office for Disarmament Affairs, New York.
13. Koplow David A. The Fault Is Not in Our Stars: Avoiding an Arms Race in Outer Space // Harvard International Law Journal. Summer 2018. Vol. 59. Number 2.

LEGAL ISSUES AND PROSPECTS FOR NO PLACEMENT OF WEAPONS IN OUTER SPACE

Introduction. The article analyzes the current situation in the use of outer space, which is characterized by the expansion of outer space activities, increased competition and a dangerous trend of the possible placement of weapons in outer space. After examining the existing international outer space law, the author identifies gaps in international treaties that must be addressed in order to prevent the deployment of weapons in outer space. Particular emphasis is placed on the study on the assessment of effectiveness of international legal efforts of

the Russian diplomacy in dealing with this urgent task.

Materials and methods. The methodological basis of the study comprises general scientific methods of knowledge: analysis, synthesis, induction/deduction, analogy, as well as special scientific methods: comparative legal, formal legal and statistical methods.

Results of the study. It was revealed that international outer space law has been developing from the beginning in the logic of limitations on the

military use of outer space. However, they are selective and permit the deployment in outer space of non-nuclear weapon systems. There is a real threat of weapons being deployed in outer space especially because the USA is not even hiding such an intention. A number of negotiating bodies exist to eliminate this threat by international legal means. Russia continues an active diplomatic work in the UN, at the Conference on Disarmament and other locations. The author demonstrates that support for Russian initiatives is growing, but they are persistently confronted by the United States and their allies.

Discussion and conclusion. Based on the results of the analysis and expert opinions the author advances specific proposals in support of Rus-

sia's diplomatic efforts to prevent confrontation in outer space. It is recommended that the number of countries which pledged not to be the first to place weapons in outer space should be expanded; that this subject should be included in the BRICS documents; that the second conference on peaceful use of outer space dedicated to the 60th anniversary of the Yuri Gagarin space flight should be to be held in Moscow in 2021.

Mikhail N. Lysenko,
Candidate of Science (Law), Associate Professor, International Law Department, MGIMO (University) under the MFA of Russia.

Ключевые слова:

размещение оружия в космосе;
международное космическое право; гонка
вооружений в космосе; договор по космосу;
конференция по разоружению.

Keywords:

placement of weapons in outer space;
international outer space law; arms race in
outer space; Outer Space Treaty; Conference
on Disarmament.

References:

1. Volyinskaya, O.A., 2017. Yubiley Dogovora po kosmosu 1967 goda [Anniversary of the 1967 Outer Space Treaty]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. No. 4 (108).
2. Kovalev, F.N., Cheprov I.I., 1960. O razrabotke pravovykh problem kosmicheskogo prostranstva [On the Elaboration of Legal Problems of the Outer Space]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law]*. No. 7.
3. Kolosov, Yu.M., Stashevskiy, G.G., 1984. Borba za mirnyy kosmos [Fight for a Peaceful Outer Space]. Moscow.
4. Malov, A.Yu., 2015. Chto stoit na puti k dogovoru o predotvraschenii razmescheniya oruzhiya v kosmose [What Confronts the Treaty on the Non Deployment of Weapons in Outer Space]. *Indeks bezopasnosti [Security Index]*. No. 4 (115).
5. Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. Pod red. G.P. Zhukova, A.H. Abashidze. 2018. [International Space Law: Textbook for Bachelor and Master Studies. Edited by Zhukov, G.P., Abashidze, A.Kh.]. Moscow.
6. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata pod red. A.N. Vyilegzhanina. V 2-h tomah. 2018 [International Law: Textbook for Academic Bachelor Studies, ed. by Vyilegzhanin, A.N., in two volumes]. Moscow.
7. Shtodina, I.Yu., 2018. Nekotorye aktualnye voprosy pravovogo obespecheniya issledovaniya i ispolzovaniya kosmosa [Some Actual Issues of the Legal Enforcement of the Exploration and Use of Outer Space]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. No. 2 (109).
8. Yuzbashyan, M.R., 2018. Aktualnye mezhdunarodno-pravovyye voprosy razresheniya sporov v oblasti kosmicheskoy deyatel'nosti [Ugent International Legal Issues of Settling Disputes in the Field of Space Activities]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. No. 2 (47).
9. Beard, Jack. M., 2017. Soft Law's Failure on the Horizon: the International Code of Conduct for Outer Space Activities. *University of Pennsylvania Journal of International Law*. Vol. 38, No. 2.
10. Berkman, P.A., Vyilegzhanin, A.N., Yuzbashyan, M.R., Mauduit, J., 2018. Outer Space Law: Russia – United States Common Challenges and Perspectives. *Moscow Journal of International Law*. Vol. 1 (109).
11. Guterres, António. United Nations Secretary General. Securing Our Common Future. Agenda for Disarmament, 2018. Office for Disarmament Affairs, New York.
12. Ferreira-Snyman, A., 2015. Selected Legal Challenges Relating to the Military Use of Outer Space, with Specific Reference to Article IV of the Outer Space Treaty. *Potchefstroom Electronic Law Journal*. Vol. 18 (3).
13. Koplow, David. A., 2018. The Fault Is Not in Our Stars: Avoiding an Arms Race in Outer Space. *Harvard International Law Journal*. Vol. 59. Number 2.

Article

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКСЦЕССА ВЛАДЕЛЬЦА ВЕЩИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Александр Щербаков*

DOI 10.24833/2073-8420-2019-2-51-38-44

Введение. В статье на основе методов системного анализа и сравнительного правоведения изучаются правовые последствия невозможности для владельца вернуть истребуемую собственником вещь в результате утраты последней. Дается понятие «эксцесса» в гражданском праве Германии. Разрешается вопрос конкуренции исков при истребовании вещи из чужого незаконного владения собственником. Рассматривается правовое положение добросовестного и недобросовестного владельца в случае его «эксцесса» в России и Германии.

Материалы и методы. В качестве основных методов исследования выступают системный анализ законодательства, анализ научной литературы, а также сравнительно-правовой метод исследования.

Результаты исследования. Главный вывод – отсутствие системного и справедливого регулирования положения добросовестного владельца в России, не имеющего возможность вернуть вещь собственнику в натуре. Следствием этого является нарушение баланса интересов собственника и владельца вещи. Практическим результатом исследования является ряд предложений для внесения изменений в Гражданский кодекс РФ в институт виндикации и кондикции.

Обсуждение и заключение. Регулирование вещных отношений нуждается в обязательном соблюдении баланса прав не только участников отношений, но также общества и государства. Нарушение баланса может привести к неоправданному ущемлению прав участников правоотношений.

Введение

На практике во взаимоотношениях с добросовестным владельцем возможности собственника по истребованию вещи исключаются либо ограничиваются в части размера взыскиваемых с владельца доходов от пользования вещью.

Однако при невозможности истребовать вещь у владельца по причине ее утраты последним возникнет вопрос о способах защиты прав собственника. Наиболее очевидным

способом защиты будет деликтная ответственность владельца, поэтому необходимо выяснить наличие обязанности либо ее отсутствие у владельца по отношению к собственнику компенсировать ему стоимость вещи, возврат которой невозможен.

Исследование

Предметом изучения настоящей статьи является ситуация, когда невозможность возврата вещи собственнику вызвана ее унич-

* Щербаков Александр Александрович, преподаватель кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева МГИМО МИД России.
e-mail: alex.man90@mail.ru.
ORCID ID: 0000-0003-4782-7630

тожением владельцем, а не дальнейшим отчуждением. Гражданское право России и Германии в значительной степени отличаются подходами к разрешению проблемы ответственности добросовестного владельца.

В немецкой правовой доктрине указанные правоотношения стали, по аналогии с уголовным правом, называться эксцессом. Под эксцессом владельца вещи в гражданском праве Германии понимается ситуация, в которой владелец вещи выходит за допустимые правовые рамки воздействия на вещь. Границы воздействия носят оценочный характер и определяются обычным поведением владельца вещи: он, считая ее своей, повредил, уничтожил либо иным образом нанес ей вред. Однако проблема заключается в последствиях, когда выясняется отсутствие правового основания владеть этой вещью и к владельцу предъявляется виндикационное либо кондикционное требование. Вопрос о его ответственности, разрешается путем дифференциации владельцев по критерию добросовестности.

Если владелец недобросовестен, то ситуация разрешается просто, и ответственность наступает согласно ч. 1 § 990 Германского Гражданского уложения (далее – ГГУ)¹: «Если владелец при приобретении владения действовал недобросовестно, он отвечает перед собственником с момента приобретения в соответствии с § 987, 989 ГГУ». В свою очередь, § 989 ГГУ предусматривает, что с момента возбуждения судебного производства владелец отвечает перед собственником за убытки, которые возникли вследствие того, что по его вине вещь ухудшилась, погибла либо не может быть выдана по иной причине. При толковании названных параграфов можно прийти к выводу о том, что недобросовестный владелец вещи отвечает за любое ее ухудшение с момента приобретения.

Противоположная ситуация складывается для добросовестного владельца, в отношении которого, на первый взгляд, отсутствуют очевидные основания для возникновения обязанности по возмещению ущерба собственнику вещи.

Вывод подтверждается толкованием положений ГГУ о разграничении правомочий собственника и владельца (§ 985 ГГУ и последующие), которые не содержат норм об ответственности добросовестного владельца до момента предъявления иска.

В то же время более общая норма ГГУ - § 823 («Обязанность возместить вред») содержит в себе обязанность возместить вред при любом посягательстве (как умышленном, так и по неосторожности) на собственность. С точки зрения практики, такая обязанность влечет излишние затруднения для рыночного оборота, потенциально порождая опасность конкуренции требований.

Для разрешения вопроса, связанного с конкуренцией исков, следует системно сравнить эти требования: нормы о разграничении правомочий собственника и владельца (§ 985 ГГУ и последующие) дают основания освободить последнего от ответственности за ухудшение, уничтожение вещи. Если применять нормы о деликтной ответственности (§ 823 ГГУ и последующие), то при определенных условиях на добросовестного владельца может быть возложена ответственность.

В пользу владельца вещи можно привести весомый аргумент. Для владельца вещи действует презумпция добросовестности, т.е. в момент приобретения вещи ее предыдущий владелец считается собственником либо управомоченным на отчуждение лицом [11. С. 177].

Субъективный элемент в виде отсутствия вины в поведении добросовестного владельца вещи до момента утраты добросовестности (путем предъявления к нему иска либо появления у него информации об отсутствии добросовестности другим путем) не позволяет применить по отношению к его действиям нормы о деликтах. Добросовестный владелец вещи, повреждая ее, не знал о ее принадлежности другому лицу, т.е. он пользовался предоставленным ему законом правомочием распоряжения. Максимум, чем может быть представлена субъективная сторона состава гражданского правонарушения - это неосторожность, когда добросовестный владелец должен был знать, что находящаяся у него вещь не принадлежит ему.

Судебная практика разделяет обозначенную позицию и придерживается мнения об отсутствии оснований для деликтной ответственности добросовестного владельца². В практике применения норм о разграничении правомочий собственника и владельца сложилась позиция, что согласно § 993 ГГУ («Ответственность добросовестного владельца») добросовестный владелец до момента

¹ Гражданский кодекс ФРГ // Сайт Министерства юстиции ФРГ // <http://www.gesetze-im-internet.de>. Дата обращения 01.04.2019.

² Рейхссуд Германии [RGZ] 163, 348; Верховный суд Германии [BGH NJW] 1970, 241.

утраты добросовестности «... не обязан ни уплачивать полученные выгоды, ни возмещать убытки». Подобный подход воплощает и дублирует в себе принцип римского права об ответственности добросовестного владельца «*quasi rem suam neglexit*», а также о вытеснении общей нормы (деликтная ответственность) специальной (нормы о разграничении правомочий собственника и владельца).

Таким образом, можно сделать вывод, что повреждение либо уничтожение добросовестным приобретателем вещи в Германии не влечет для него обязательств по возмещению вреда.

В России, в отличие от Германии, вопрос об ответственности владельца за ущерб, причиненный истребуемой вещи, разрешается неоднозначно. На первый взгляд, к таким отношениям между собственником и владельцем применимы нормы о виндикации, причинении вреда и о требованиях из неосновательного обогащения. Поскольку глава 20 ГК РФ не содержит норм, регулирующих вопросы ответственности владельца за причинение вреда истребуемой вещи, и не позволяет получить результат путем толкования, поэтому для рассмотрения остаются нормы о причинении вреда и о кондикции³.

Постановление Пленума ВАС РФ «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды»⁴ упоминает лишь о приоритете виндикации перед кондикцией по вопросу взаиморасчетов сторон. Применительно к нашему вопросу позиция не вносит ясности, т.к. стоит задача выяснить последовательность применения деликтных положений и положений о возврате неосновательного обогащения. ВАС РФ также применял нормы о кондикции и возмещении вреда совместно⁵, когда убытки, возникшие в результате невозможности вернуть истребуемую вещь в натуре возмещались на осно-

вании ст. 1064, 1082 ГК РФ, а стоимость вещи, возврат которой невозможен, возмещается на основании ст. 1105 ГК РФ.

В практике нижестоящих судов складывается более простая последовательность применения, согласно которой в первоочередном порядке следует руководствоваться нормами о возмещении вреда, виндикации, реституции и обязательствами, вытекающими из договора, а уже затем - нормами о неосновательном обогащении⁶.

Учитывая положения п. 32 Постановления Пленума ВС РФ, ставящего в качестве неотъемлемого условия для предъявления виндикационного требования фактическое наличие у ответчика истребуемого имущества⁷, можно сделать вывод о том, что виндикационный иск при таких условиях не используется. Взамен него могут применяться требования из главы 60 ГК РФ против лица как к приобретателю, который уже не владеет ею, т.к. произвел ее отчуждение либо уничтожил ее. Данное лицо не может называться владельцем, поэтому используется более широкий термин - «приобретатель»: этот термин включает в себя как лицо, владеющее вещью, так и ранее владевшее ею.

При невозможности вернуть вещь в результате ее уничтожения либо повреждения обозначенная выше судебная практика и доктрина позволяют по отношению к недобросовестному владельцу применить деликтную ответственность, т.к. налицо состав генерального деликта. Альтернативой деликтному требованию можно было бы назвать нормы ст. 1104 и 1105 ГК РФ о повреждении и уничтожении имущества, подлежащего возврату по кондикционному иску. Преимуществом последнего требования является упрощенный порядок доказывания (отсутствие правовых оснований и факт владения вещью ответчиком), недостатком - невозможность полного возмещения ущерба (только полная величина реального ущерба

³ Гражданский кодекс РФ. Часть 1. Часть 2 // Собрание законодательства РФ. - 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 N 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Сайт системы федеральных арбитражных судов РФ // http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/81907.html. Дата обращения 02.04.2019.

⁵ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 N 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении» // Сайт системы федеральных арбитражных судов РФ // http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/3003.html. Дата обращения 31.03.2019.

⁶ Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа «Обобщение практики рассмотрения споров, связанных с неосновательным обогащением» // Сайт СПС Гарант // <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/23418069/>. Дата обращения 30.03.2019.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Сайт системы федеральных арбитражных судов РФ // http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/28318.html. Дата обращения 30.03.2019.

и усредненный неполученный доход). С помощью требований о возмещении вреда есть потенциал для компенсации в большем размере, однако для этого нужно будет доказать состав генерального деликта. В Германии благодаря наличию комплексного института о разграничении правомочий собственника и владельца достаточно предъявить виндикационный иск, при необходимости включающий в себя элементы деликтной ответственности.

Возвращаясь к вопросу о взаимоотношениях добросовестного владельца и собственника, стоит отметить, что в Германии добросовестный, пусть даже незаконный, владелец до момента утраты добросовестности не отвечает перед собственником за утрату вещи.

Подобным правовым регулированием интересы собственника, на первый взгляд, ущемляются, освобождая владельца от ответственности. Однако это не так по следующим основаниям. Во-первых, со стороны добросовестного владельца вина не имеет места быть, следовательно, отсутствует субъективная сторона в уничтожении вещи. Он не имел ни умысла уничтожить чужую вещь, ни иного субъективного элемента в виде неосторожности либо небрежности, добросовестно полагая ее принадлежность себе.

Во-вторых, фигура добросовестного владельца будет чаще всего иметь место в отношениях с участием третьего лица. Третье лицо, не имея правомочий на отчуждение и передачу вещи, передает вещь владельцу, который не знает и не должен об этом знать. Будет справедливо, если ответчиком перед собственником станет лицо, совершившее противоправное деяние, а не добросовестный владелец.

Способ правовой защиты интересов собственника будет один (виндикация), но последствия – разными, в зависимости от ответчика. Для добросовестного – нормы о виндикации дополняются кондикцией, а для недобросовестного – требованиями о возмещении вреда. Таким образом, логично и справедливо поступил немецкий законодатель, полностью освободив добросовестного владельца от ответственности перед собственником за невозможность вернуть вещь в натуре, не ухудшая правовое положение последнего.

В отечественном гражданском праве отсутствует полноценная и сбалансированная

система взаимоотношений собственника и владельца. Одно из последствий подобного недостатка – это слабая правовая позиция добросовестного владельца и нарушение его прав.

Добросовестный владелец при невозможности вернуть вещь возмещает собственнику полную ее стоимость. Тезис находит отражение в ГК РФ, в практике высших судебных инстанций⁸, а также в доктрине, т.е. практически единогласно признается обязанность по выплате добросовестным владельцем полной стоимости утраченной вещи.

В основе обязанности добросовестного владельца возместить вред лежит ст. 1105 ГК РФ, которая не разграничивает добросовестного и недобросовестного владельца и возлагает обязанность возместить стоимость вещи в любом случае. Позиция законодателя выглядит еще менее логично при сопоставлении ст. 1104 и 1105 ГК РФ. Ст. 1104 ГК РФ в случае повреждения вещи различает как добросовестность (владелец, будучи добросовестным не отвечает за повреждение вещи до момента ее утраты), так и степень вины владельца вещи, повредившего ее (добросовестный владелец будет отвечать при умысле и грубой неосторожности, имевших место при повреждении вещи).

Важно понимать, что ст. 1103 ГК РФ не позволяет применять нормы о кондикции в дополнение к виндикации в той ситуации, когда вещь уже не существует в натуре. Ст. 1103 ГК РФ указывает на субсидиарный характер норм о неосновательном обогащении к нормам истребования имущества из чужого неосновательного обогащения, т.е. нормы о кондикции не заменяют, а только дополняют нормы об истребовании имущества. Самостоятельное применение норм о неосновательном обогащении к виндикации при отсутствии оснований для истребования вещи будет неверным. Действительно, кондикция при субсидиарном применении не может противоречить существу соответствующих правоотношений. Ст. 1105 ГК РФ не может дополнить иск об истребовании вещи из чужого незаконного владения, т.к. отсутствие вещи в натуре будет непреодолимым препятствием для предъявления виндикационного требования, что было подчеркнуто в совместном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров,

⁸ Определение ВАС РФ от 30.04.2008 № 3605/08 по делу N A41-K1-6318/07 // Сайт системы федеральных арбитражных судов РФ // <http://www.arbitr.ru/vas/presidium/nadzor/21619.html>. Дата обращения 25.03.2019.

связанных с защитой права собственности и других вещных прав⁹. Аналогичную позицию высказал А.Л. Маковский [12. С. 277], допустив защиту интересов собственника требованиями из причинения вреда или из неосновательного обогащения. Поэтому при защите интересов собственника очень важно выбрать правильный способ защиты нарушенного права в условиях конкуренции требований.

Сущность и назначение кондикции – это восстановление правового положения собственника путем передачи ему имущества неосновательно обогатившимся лицом. Передаваемое обратно собственнику имущество определяется размером приобретенного либо сбереженного без правовых оснований. Отсутствие обогащения у ответчика, в том числе по причине утраты имущества, не должно подменять собой более специальные деликтные отношения, в рамках которых будет выясняться добросовестность приобретателя либо ее отсутствие. Выводы, полученные в итоге, должны быть положены в основу обязательства приобретателя вещи возместить вред собственнику либо освободить его от таковой обязанности.

Результаты исследования

В российском гражданском праве наблюдается явное ущемление интересов добросовестного владельца путем возложения на него безусловной обязанности выплатить стоимость имущества, возврат которого в натуре невозможен. Для решения данной проблемы можно предложить два пути: заимствовать немецкий опыт либо исключить из действующей главы 60 ГК РФ все нормы, связанные с возмещением стоимости имущества либо компенсации причиненного этому имуществу вреда (ст. 1104 и 1105 ГК РФ).

Последнее решение позволит положениям о кондикции сосредоточиться только на возврате неосновательного обогащения в натуре, для случаев причинения имущественного вреда будут применяться нормы об обязательствах вследствие причинения вреда из главы 59 ГК РФ. Нормы из главы 59 ГК РФ для возложения ответственности на приобретателя потребуют наличие с его стороны вины, что максимально сбалансирует

отношения собственника и добросовестного приобретателя, освободив последнего от необоснованной ответственности. Такое решение будет наиболее простым и действенным.

Второй вариант решения проблемы – это заимствование немецкого опыта в регулировании отношений в связке владелец-собственник. Можно, по примеру ГГУ, освободить добросовестного приобретателя от обязанности выплатить стоимость вещи, возврат которой в натуре невозможен. Для этого нужно изменить ст. 1105 ГК РФ, ограничив ее применением только в отношении недобросовестного приобретателя и изложив ее в следующей редакции: «В случае невозможности возратить в натуре неосновательно полученное или сбереженное имущество приобретатель должен возместить потерпевшему действительную стоимость этого имущества на момент возмещения стоимости имущества, если в момент приобретения вещи он знал или должен был знать об отсутствии оснований для ее приобретения». В качестве альтернативы в рамках данного варианта также возможно изменить ст. 1109 ГК РФ, добавив п. 5: «Не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения: ... п. 5: стоимость имущества, возврат, в натуре которого невозможен, если приобретатель в момент приобретения вещи и владения ею действовал добросовестно».

Заключение

Подводя итог сравнительному анализу состояния действующего регулирования взаимоотношений собственника и владельца – приобретателя при невозможности возврата вещи в натуре, стоит отметить более сбалансированный немецкий подход. Добросовестный владелец, имеющий достаточные основания полагать принадлежность вещи себе, должен быть освобожден от ответственности перед собственником за ее уничтожение по причине отсутствия в своих действиях субъективной стороны. Современное регулирование этих отношений в России несет в себе недостатки, несправедливо нарушающие интересы добросовестного владельца, и нуждается в реформировании. Результат может быть достигнут двумя путями: заменить применение норм

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Сайт системы федеральных арбитражных судов РФ // http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/28318.html. Дата обращения 01.04.2019.

о неосновательном обогащении к отношениям при истребовании вещи из чужого незаконного владения на нормы о деликтной

ответственности либо исключить из области применения норм о неосновательном обогащении добросовестного владельца.

Литература:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 2001.
2. Венедиктов А.В. Проблема защиты фактического владения в советском праве // Советское государство и право. 1941. № 4.
3. Вольф Э. Комментарий к Германскому гражданскому уложению. Мюнхен, 2007.
4. Емелькина И.А. Понятие и признаки вещного права в российской и зарубежной цивилистике // Нотариус. 2010. № 6.
5. Замалдинов Ш.Ш. Организационные формы владения в римском праве // Вестник Самарского государственного экономического университета. Спец. выпуск. «Актуальные проблемы правоведения». 2006. № 8.
6. Коновалов А.В. Владение и владельческая защита в гражданском праве. СПб., 2008.
7. Маковский А.Л. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая) / Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М., 1996.
8. Толстой Ю.К. О Концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1.
9. Pool E. Lateinische Syntax und juristische Begriffsbildung: In bonis "alicuius" esse und bonitarisches Eigentum im klassischen römischen Recht // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanistische Abteilung. 1985. 102 (1).
10. Schermaier M.J. Die willenstheoretische Begründung des Eigentums und das römische Recht // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanistische Abteilung. 2017. 134(1).
11. Steinvorh U. Natural proprietary rights, public property and intellectual property // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 2004. 52 (5).
12. Tessmann K.H. Eigentumsverhältnisse und Eigentümerverhalten // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1977. 25 (3).

LEGAL CONSEQUENCES OF AN EXCESS OF THE PROPERTY'S OWNER IN THE CIVIL LAW IN RUSSIA AND GERMANY

Introduction. The article based on the methods of systems analysis and comparative law studies the legal consequences of the impossibility for the proprietor to return the thing requested by the owner as a result of the loss of the latter. The concept of "excess" in the civil law of Germany is discussed. The issue of competition of claims in the recovery by the owner of property from someone else's illegal possession is resolved. The legal status of a bona fide and unfair proprietor in the event of "excess" in Russia and Germany is considered.

Materials and Methods. The main methods of this study are the system analysis of legislation, the analysis of scientific literature, and the comparative legal method of research.

Results of the Study. The main conclusion is the absence of a systemic and fair regulation of the position of a bona fide proprietor in Russia who is

not able to return the thing to the owner in kind. The consequence of this is a violation of the balance of interests of the owner and the proprietor of the thing. The practical result of the study is a series of proposals for amending the institutions of vindication and unjust enrichment in the Civil Code of the Russian Federation

Discussion and Conclusion. Regulation of property relations requires the obligatory observance of the balance of rights not only of the participants of relations, but also of society and the state. Imbalance can lead to unjustified infringement of the rights of participants in legal relations.

Aleksandr A. Shcherbakov,
Lecturer, Department of International Private and Civil Law named after S.N. Lebedev, MGIMO(University) under the MFA of Russia.

Ключевые слова:

владение, собственность, виндикация, кондикция, неосновательное обогащение, гражданское право Германии, реформа вещного права в России, защита владения, конкуренция исков, добросовестное владение, недобросовестное владение.

Keywords:

Possession, property, vindication, unjust enrichment claim, unjust enrichment, civil law in Germany, property law reform in Russia, defense of possession, competition of claims, bona fide possession, unfair possession.

References:

1. Braginskii M.I., Vitryanskii V.V., 2001. Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya [Contract law. General provisions]. Moscow.
2. Venediktov A.B., 1941. Problema zashchity fakticheskogo vladeniya v sovetskom prave [The problem of protection of actual ownership in Soviet law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law]*. № 4.
3. Vol'f E., 2007. Kommentarii k Germanskomu grazhdanskomu ulozheniyu. [Commentary on the German Civil Code]. Munich.
4. Emel'kina I.A., 2010. Ponyatie i priznaki veshchnogo prava v rossiiskoi i zarubezhnoi tsivilistike [The concept and signs of real law in Russian and foreign civil law]. *Notatus. [Notary]*. № 6.
5. Zamaldinov Sh.Sh., 2006. Organizatsionnye formy vladeniya v rimskom prave [Organizational forms of ownership in Roman law]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. Spets. vypusk. «Aktual'nye problemy pravovedeniya» [Bulletin of the Samara State University of Economics. Special release. «Actual problems of jurisprudence»]*. № 8.
6. Konovalov A.V., 2008. Vladenie i vladel'cheskaya zashchita v grazhdanskom prave [Ownership and ownership protection in civil law]. Saint-Petersburg.
7. Makovskii A.L., 1996. Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya) [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (Part Two)]. *Pod red. O.M. Kozyr', A.L. Makovskogo, S.A. Khokhlova*. Moscow.
8. Tolstoi Yu.K., 2010. O Kontseptsii razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva [Concepts of the development of civil law]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Russian Law Journal]*. № 1.
9. Pool, E., 1985. Lateinische Syntax und juristische Begriffsbildung: In bonis "alicuius" esse und bonitarisches Eigentum im klassischen römischen Recht [Latin syntax and legal terminology: In bonis "alicuius" eat and bonitarian property in classical Roman law]. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanistische Abteilung [Journal of the Savigny Foundation for Legal History, Romance Department]*. 102 (1).
10. Schermaier, M.J., 2017. Die willenstheoretische Begründung des Eigentums und das römische Recht [The will-theoretic foundation of property and Roman law]. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanistische Abteilung [Journal of the Savigny Foundation for Legal History, Romance Department]*. 134(1).
11. Steinvorth, U., 2004. Natural proprietary rights, public property and intellectual property. *Deutsche Zeitschrift für Philosophie [German Journal of Philosophy]*. 52(5).
12. Tessmann, K.H., 1977. Eigentumsverhältnisse und Eigentümerverhalten [Ownership and ownership behavior]. *Deutsche Zeitschrift für Philosophie [German Journal of Philosophy]*. 25(3).

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ИЗМЕНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СОСЛОВИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1801 – 1815 гг.

Сергей Смирнов*

DOI 10.24833/2073-8420-2019-2-51-45-51

Введение. В статье рассматриваются вопросы нормативно-правового обеспечения индивидуальной социальной мобильности и приводятся примеры продвижения в состав политической элиты представителей дворянского и духовного сословий Российской империи в начале XIX в., включая принявших российское подданство иностранцев; отмечается роль неинституциональных факторов при работе социального лифта.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили диалектический, исторический, формально-юридический, критико-правовой методы в рамках цивилизационного подхода.

Результаты исследования. В начале XIX в. в Российской империи была модернизирована система вертикальной социальной мобильности, прежде всего в отношении представителей привилегированных сословий. Правовую основу механизма изменения индивидуального правового статуса составляли нормативно-правовые акты и сложившиеся за предшествующее столетие традиции вступления в службу дворянских детей. Указанные традиции можно рассматривать в качестве неинституционализированных практик продвижения по социальной лестнице. Двумя основными каналами социального лифта в России того времени для представителей привилегированных сословий являлись армия и государственная гражданская служба; придворная служба в рассматриваемый период утратила роль в качестве канала социального лифта.

С помощью указанного механизма в состав политической элиты страны продвигались представители дворянского сословия, а также отдельные представители духовного сословия. Этот механизм был рассчитан на применение в отношении как «природных» российских подданных, так и иностранцев, избравших служение России в качестве своего основного профессионального маршрута.

Дворяне Финляндии после 1809 г. получили институционально оформленные возможности для профессионального роста в рамках общероссийской системы государственной службы. Успешная карьера на государственной службе была возможна также для представителя иностранного государства, получившего российское подданство, но только при условии наличия хорошего образования и знаний в сфере профессиональной деятельности.

* **Смирнов Сергей Николаевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права Тверского государственного университета, директор Института непрерывного образования Тверского государственного университета, Россия.

e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

ORCID ID: 0000-0003-0758-7521

Обсуждение и заключение. Обоснована важная роль не только законодательных положений, но и действовавших факторов «неюридического» характера в процессе изменения индивидуального правового статуса, а также роль образования, которое уже к началу рассматриваемого периода превратилось в обязательное условие вхождения в состав политической элиты страны.

Введение

Проблематику социальной мобильности изучали и изучают многие исследователи. Наиболее активно это делают представители социологической науки.

Одним из наиболее актуальных аспектов вопроса социальной мобильности является аспект управления государством процессами социальной мобильности. Этот аспект нуждается в дальнейшей научной проработке не только в рамках социологии, менеджмента, но и в рамках правовой науки. Тем более, что проблематика социальной мобильности соприкасается с феноменом правового статуса личности и общественных групп, а данный феномен является предметом исследования прежде всего юридической науки.

В рамках историко-правовой науки можно проанализировать подход отечественного законодателя к юридическому оформлению механизма изменения представителями привилегированных сословий своего индивидуального правового статуса. Отдельные аспекты заявленной темы рассматриваются в научных трудах и учебных пособиях видных представителей отечественной историко-правовой науки И.А. Исаева, М.А. Исаева, В.М. Клеандровой, Н.В. Михайловой, Р.С. Мулукаева, Т.Е. Новицкой, Ю.П. Титова, В.А. Томсинова, О.И. Чистякова и др.

Факты, относящиеся к служебной карьере в России представителей финляндского общества, приводят в своих работах финляндские авторы М. Клинге, Ю. Невакиви, С. Хентия, О. Юссила и некоторые другие.

Исследование

Настоящее исследование опирается на достижения в общей теории права, философии права, теории конституционного (государственного) права, теории управления. Эти достижения представлены трудами С.А. Авакьяна, С.С. Алексеева, С.И. Архипова, М.В. Баглая, Н.В. Витрука, С.Г. Кисе-

лева, Б.А. Кистяковского, А.И. Коваленко, Е.И. Козловой, В.М. Корельского, Н.М. Коркунова, С.П. Кострикова, О.Е. Кутафина, А.А. Малиновского, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, В.С. Нерсисянца, В.Д. Перевалова, Р.А. Ромашова, В.В. Таболина, Е.Н. Трубецкого, Б.Н. Чичерина и других отечественных правоведов, а также трудами зарубежных исследователей.

Метод исследования в настоящей работе базируется на цивилизационном подходе и включает в свой состав диалектический, исторический, формально-юридический, критико-правовой и некоторые другие методы.

Настоящее исследование проведено автором в рамках научной работы над проблематикой законодательного оформления правового статуса человека и социальных групп в России.

В фокусе нашего внимания в настоящей работе находится, говоря языком юридической науки, организационно-правовой механизм мобильности, или, как выразились бы социологи, «институциональный субстрат мобильности» [9]. Соответственно, материалами исследования являлись, в первую очередь, нормативно-правовые акты. Рамками предмета исследования охватываются также некоторые обстоятельства «неюридического», неинституционального характера, к которым мы относим некоторые традиции, личные связи, проявленные в ходе служебной деятельности личные качества и т.д.

Мы рассматриваем как нормативно-правовые основы механизма изменения индивидуального правового статуса, так и результаты его работы – факты биографии российских деятелей начала девятнадцатого столетия. Такой подход объясняется тем, что конкретизацией каналов и механизма социальной мобильности является (по выражению С.А. Просольченко) совокупность неинституционализированных и институционализированных социальных практик изменения социального положения [5]. В связи с вышесказанным представляется естественным первоочередное внимание таким

социальным институтам мобильности, как армия и государственная гражданская служба. Появились, по нашему мнению, предпосылки становления в данном качестве системы образования [1, 4]. В качестве последних мы отмечаем развитие системы учебных заведений и введение по инициативе М.М. Сперанского обязательных экзаменов для государственных служащих¹.

При этом мы ограничим понятие «элиты» и будем рассматривать только ее, если можно так выразиться, «административно-политический» и «военно-командный» компоненты. Таким образом, продвижение в состав, например, культурной или церковной элиты страны не является предметом настоящего исследования. Применительно к настоящей работе мы будем обозначать интересующие нас компоненты российской элиты термином «политическая элита». Продвижение в состав элиты осуществлялось в ходе процесса, именуемого в социологии «вертикальной социальной мобильностью» [3] и который на языке правовой науки можно обозначить как изменение правового статуса индивида.

Политическая элита России в рассматриваемое время была сплошь дворянской по своему сословному статусу. Немногие известные факты, когда в силу стечения обстоятельств, заметную роль в государственном механизме играли лица, не обладающие дворянским званием, только подтверждают указанное выше правило. Факты-исключения были весьма немногочисленны, а период их действия – кратким. Самый известный пример – М.М. Сперанский, который по поручению министра В.П. Кочубея играл значительную роль в министерстве внутренних дел и делал личные доклады императору.

Нормативной основой изменения индивидуального правового статуса являлось, в частности, признаваемое законодателем и закрепленное традицией пожалование дворянского достоинства императором. При этом еще с времен императора Петра I был отработан механизм получения потомственного дворянства личными дворянами по

мере продвижения их по ступеням военной, гражданской или придворной службы. Нормативной основой этого механизма являлась Табель о рангах 1722 г.² Другими словами, звание потомственного дворянина было следствием успешной служебной карьеры личного дворянина, результатом достижения им определенных служебных рангов или получения определенных государственных наград.

Результаты исследования

Роль государственной службы была приоритетной и применительно к мобильности внутри категории потомственного дворянства. Лишь достижение высших рангов на службе позволяло потомственному дворянину войти в состав политической элиты.

Прежде всего отметим такое обстоятельство, как резкое сокращение в первые годы XIX в. роли придворной службы в качестве канала индивидуальной социальной мобильности.

Наиболее быстрым вариантом социального лифта являлась военная служба. При этом дворяне пользовались не только законодательно зафиксированными возможностями служебного роста (получение воинских званий, военных наград, командных должностей), но и возможностями «неинституционализированных практик». К этим практикам мы относим традиции записи малолетних дворянских сыновей в военные части (без реального прохождения военной службы) и даже случаи зачисления в военные учебные заведения без реального обучения в них.

Император Александр I уже в первые месяцы своего правления сократил штат придворных и упразднил придворную канцелярию³. Обратим внимание на жесткую формулировку указа об упразднении канцелярии: «яко излишнюю и вовсе не нужную». В дальнейшем император изменил правовой статус нескольких придворных чинов, превратив их из самостоятельных служебных

¹ Именной указ, данный Сенату «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники» от 6 августа 1809 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXX. СПб., 1830. № 23771.

² Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако же воинские выше прочих, хотя бы и старше кто в том классе пожалован был // Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1830. № 3890.

³ Именной указ, данный Придворной конторе «О штате по придворному ведомству» от 18 декабря 1801 г. // Полное собрание законов Российской империи Т. XXVI. СПб., 1830. № 20079.

рангов в знаки отличия и внимания⁴. В итоге серии реорганизаций придворная служба фактически утратила свою роль как самостоятельного канала социальной мобильности.

Правовые основы прохождения военной службы были заложены в предшествующий период, однако в начале XIX в. были изданы некоторые нормативно-правовые акты, регламентировавшие отдельные стороны военной службы Российской империи. Прежде всего необходимо отметить принятое в 1812 г. «Учреждение для управления Большой действующей армии»⁵.

Самый яркий пример действия данного вида социального лифта, с нашей точки зрения – биография М.Б. Барклая-де-Толли. Сын поручика, дворянин всего во втором поколении, за 32 года прошел служебный путь от корнета до военного министра, за 36 лет – от корнета до фельдмаршала.

У сына потомственного дворянина, адмирала В.Я. Чичагова – П.В. Чичагова – путь от начала военной службы до должности министра морских сил занял 23 года; от звания сержанта до звания адмирала – 28 лет.

Павел Пестель, сын сенатора, тайного советника, будущего генерал-губернатора Сибири И.Б. Пестеля, был в 1803 г. заочно записан в Пажеский корпус, но лишь в 1810 г., после возвращения в Россию, приступил к реальному обучению в корпусе. При этом попасть на занятия в это престижное учебное заведение ему удалось только благодаря влиянию отца, обратившегося к самому императору Александру I [2. С. 36-38]. В дальнейшем П. Пестель был определен на военную службу, проявил способности и храбрость, получил несколько наград, в т.ч. иностранных, и повышение в воинском чине. Таким образом, налицо вновь пример использования правового механизма продвижения по служебной лестнице в сочетании с факторами «неюридического» порядка в виде личных способностей и личной отваги.

Как мы видим, потомственным дворянам с хорошими личными связями в придворных кругах и военной элите удавалась более результативная военная карьера, нежели потомственным или личным дворянам без

таковых связей. При этом мы должны понимать, что во многих дворянских семьях в формате домашнего воспитания обеспечивалась необходимая подготовка к военной службе. Сама же военная служба от отпрысков видных дворянских фамилий требовала командных способностей и личной храбрости.

Еще один предусмотренный законодательством и отработанный вековой практикой вариант индивидуальной социальной мобильности – государственная гражданская служба. На гражданскую службу потомственных и личных дворян и их детей принимали без каких-либо ограничений. Представителей духовного сословия принимали, скажем так, в виде исключения. Законодатель предусмотрел такую возможность, но – по решению Правительствующего сената.

Стремительной была карьера крупнейшего российского администратора начала XIX в. М.М. Сперанского. Через 13 лет государственной службы он занял второй после императора пост в государственном механизме – должность государственного секретаря. Как мы знаем, Сперанский по происхождению был сыном сельского церковнослужителя. Кстати говоря, Сперанский, чтобы напоминать самому себе о своем происхождении и бедном детстве, раз в год ночевал в чулане на лавке, покрытой овчинным тулупом [8. С. 31]. Но мы также должны помнить, о влиятельных людях, принявших личное участие в его судьбе. Пример Сперанского говорит о важности роли неюридических и неорганизационных факторов в работе социального лифта.

В биографии еще одного выходца из семьи священнослужителей – сына священника из восточнославянских земель в составе Австрийской империи М.А. Балугьянского – неюридический фактор в виде персонального приглашения в 1803 г. на работу в Россию сыграл также немаловажную роль. Ну а далее основную роль в его продвижении сыграли его личные способности и, что не стоит недоучитывать, сама обстановка модернизации и развития, которая была в России и которую инициировал император Александр I. Балугьянского, как пишет

⁴ Именной указ, данный Сенату «О неприсвоении званиям камергеров и камер-юнкеров никакого чина ни военного ни гражданского, и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжать оную по установленному порядку с первоначальных чинов» // Полное собрание законов Российской империи Т. XXX. СПб., 1830. № 23559.

⁵ «Учреждение для управления Большой действующей армии» от 27 января 1812 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXII. СПб., 1830. № 24975.

Б.К. Тебиев, «ждала блестящая карьера ученого-экономиста, разработчика реформаторских программ» [7]. Правда, в состав политической элиты М.А. Балугьянский вошел уже за пределами хронологических рамок настоящей работы, в годы правления императора Николая I.

Е.Ф. Канкрин, прибывший из Германии на русскую гражданскую службу в 1797 г. (вслед за отцом), за 15 лет проделал служебный путь до чина генерал-майора, за 26 лет – до министра финансов. К моменту начала русской службы у молодого Канкринна было хорошее европейское образование – в университетах Гисена и Марбурга и определенная фамильная известность, заработанная отцом [6. С. 38].

Возможна была карьера на государственной службе, но не в органах управления, а, говоря современным языком, в учреждениях социальной сферы. Иллюстрацией являются биографии Е.И. Паррота, представителей династии Анжу и др. [11].

Примеры Барклая-де-Толли, Сперанского, Канкринна, Балугьянского и других деятелей свидетельствуют не столько о равных возможностях всех российских подданных в реализации своих способностей, сколько об отсутствии предубеждения у российских монархов по отношению к людям, вышедшим не из кругов знатного дворянства.

После присоединения в 1809 г. к Российской империи Финляндии в статусе великого княжества был запущен механизм служебного роста финляндских дворян в общероссийском масштабе. Конкретные факты

и цифры приводит, например, О. Юссила [10. С. 152-156]. В рассматриваемый период целый ряд представителей финляндского общества финской и шведской этнической принадлежности сделали выбор в пользу службы в масштабах всей Российской империи⁶.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что в период с 1801 г. по 1815 г. в Российской империи использовались различные каналы индивидуальной социальной мобильности.

Функционировал организационно-правовой механизм изменения индивидуального правового статуса, с помощью которого в состав политической элиты страны продвигались представители привилегированного дворянского сословия, а также отдельные представители духовного сословия.

Правовую основу указанного механизма составляли нормативно-правовые акты и сложившиеся за предшествующее столетие традиции вступления в службу дворянских детей. Эти неинституционализированные практики продвижения по социальной лестнице давали преимущество выходцам из влиятельных дворянских фамилий.

Одной из особенностей рассматриваемого периода является юридически закрепленная и повышающаяся роль образования и профессиональной подготовки. Хорошее образование являлось обязательным условием для лица, претендующего на вхождение в состав политической элиты.

Литература:

1. Андреев А.Ю. История научной аттестации в высших школах Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1.
2. Киянская О.И. Пестель. М., 2005.
3. Николенко Н.А. Социальная мобильность в научном дискурсе общественных наук // Logos et Praxis. 2014. № 4 // <https://cyberleninka.ru>.
4. Посохов С.И. Университеты Российской империи в советской историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 4.
5. Просольченко С.А. Социальная мобильность как объект социального управления. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пятигорск, 2010.
6. Смирнов С.Н. Общество. Право. Война. История государственно-правового развития и социальной стратификации Российской империи и западноевропейских стран в контексте военно-политических конфликтов 1806 – 1815 годов. Монография. М., 2019.

⁶ Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / Под ред Т. Вихавайнена [пер. с финского]. Хельсинки, 2004.

7. Тебиев Б.К. Михаил Андреевич Балугьянский (1769 – 1847) // Экономический журнал. 2014. № 2 (34) // <https://cyberleninka.ru>.
8. Томсинов В.А. Сперанский. М., 2006.
9. Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2005.
10. Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809-1917. Хельсинки, 2009.
11. Tohvri E. Georges Frederic Parrot and his friendship with two great men—the French scientist Georges Cuvier and Emperor Alexander I of Russia // Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum. 2018. Volume 6 (2).

THE LEGAL MECHANISM FOR CHANGING THE INDIVIDUAL LEGAL STATUS OF REPRESENTATIVES OF THE PRIVILEGED CLASSES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN 1801-1815.

Introduction. The article deals with the issues of policy environment for individual social mobility. It provides the examples of promotion of representatives of the noble and spiritual estates (including foreigners who took Russian citizenship) of the Russian Empire in the early 19th century; the role of non-institutional factors in upward mobility is noted.

Materials and methodology. The methodological basis of the study includes the dialectical, historical, formal-legal, critical-legal methods in the framework of the civilizational approach.

Results of the research. At the beginning of the XIX century the system of vertical social mobility was modernized in the Russian Empire, primarily in relation to the representatives of the privileged classes. The legal basis of the mechanism of changing the individual legal status included the normative legal acts and the traditions of joining the service by children from nobility that had developed over the previous century. These traditions can be considered as non-institutionalized practices of advancement on the social ladder. The two main channels of social lift in Russia at that time for representatives of the privileged classes were the army and the state civil service; court service in that period lost its role as a channel of social lift.

With the help of this mechanism, representatives of the noble class, as well as individual represen-

tatives of the spiritual class, were promoted to the political elite of the country. This mechanism was designed to be applied to both “natural” Russian nationals and foreigners who chose to serve Russia as their main professional career. After 1809 the nobles of Finland received institutional opportunities for professional growth within the Russian system of public service. A successful career in the civil service was also possible for a representative of a foreign state who received Russian citizenship, but only if they had a good education and knowledge in the field of professional activity.

Discussion and conclusions. The author substantiates the importance of not only the legislative provisions, but also of the existing factors of “non-legal” nature in the process of changing the individual legal status, as well as the role of education, which by the beginning of the considered period had become a prerequisite for joining the political elite of the country.

Sergey N. Smirnov,
Candidate of Sciences (Law), Associate
Professor with the Department of Legal Theory
of Tver State University, Director of the In-
stitute of Continuous Education of Tver State
University, Russia.

Ключевые слова:

Россия, правовой статус, элита, дворянское сословие, социальная мобильность, социальный лифт, государственная служба, образование.

Keywords:

Russia, legal status, elite, nobility, social mobility, upward mobility, public service, education.

References:

1. Andreev A.Yu., 2019. Istorija nauchnoj attestacii v vysshih shkolah Rossijskoj imperii [The history of awarding Academic degrees in Higher Education institutions in the Russian Empire]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istorija [Herald of Saint-Petersburg University. History]*. Volume 64. Issue 1.
2. Kijanskaja O.I., 2005. Pestel' [Pestel']. Moscow.

3. Nikolenko N.A., 2014. Social'naja mobil'nost' v nauchnom diskurse obshhestvennyh nauk [Social mobility in the scientific discourse of social Sciences]. *Logos et Praxis*. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru>.
4. Posokhov S.I., 2018. Universitety Rossijskoj imperii v sovetskoj istoriografii [The universities of the Russian empire in the Soviet historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istoriya Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istoriya [Herald of Saint-Petersburg University. History]*. Volume 63. Issue 4.
5. Prosol'chenko S.A., 2010. Social'naja mobil'nost' kak obekt social'nogo upravlenija [Social mobility as an object of social control]. Avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Pjatigorsk.
6. Smirnov S.N., 2019. Obshhestvo. Pravo. Vojna. Istoriya gosudarstvenno-pravovogo razvitija i social'noj stratifikacii Rossijskoj imperii i zapadnoevropejskih stran v kontekste voenno-politicheskikh konfliktov 1806 – 1815 godov [Society. Right. War. History of state-legal development and social stratification of the Russian Empire and Western European countries in the context of military-political conflicts of 1806 – 1815]. Monograph. Moscow.
7. Tebiev B.K., 2014. Mihail Andreevich Balug'janskij (1769 – 1847) [Mihail Andreevich Balugyanskiy (1769 – 1847)]. *Jekonomicheskij zhurnal [Economic magazine]*. № 2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru>.
8. Tomsinov V.A., 2006. Speranskij [Speransky]. Moscow.
9. Chernysh M.F., 2005. Social'nye instituty i mobil'nost' v transformirujushhemsja obshhestve [Social institutions and mobility in the transforming society]. Avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk. Moscow.
10. Jussila O., 2009. Velikoe knjazhestvo Finljandskoe 1809 – 1917 [Grand Duchy of Finland 1809 – 1917]. Hel'sinki.
11. Tohvri E., 2018. Georges Frederic Parrot and his friendship with two great men—the French scientist Georges Cuvier and Emperor Alexander I of Russia. *Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum [History Acta Baltica and philosophy]*. Volume 6 (2).

УСТАНОВЛЕНИЕ ЗОН БЕЗОПАСНОСТИ ВОКРУГ СТАЦИОНАРНЫХ МОРСКИХ УСТАНОВОК НА КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ (ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ)

Ксения Крымская*

DOI 10.24833/2073-8420-2019-2-51-52-59

Введение. В течение последних десяти лет государства все чаще стали выступать с инициативой о пересмотре той протяженности зоны безопасности вокруг искусственных морских сооружений, которая установлена Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. В первую очередь речь идет о зонах безопасности вокруг установок и сооружений, используемых на континентальном шельфе для разведки и разработки нефтегазовых ресурсов, в целях охраны таких установок, в частности от столкновения с другими судами, и в целях предотвращения аварий. Причиной таких инициатив служит растущее с каждым годом число аварий на морских нефтяных платформах.

Материалы и методы. В статье исследуются, прежде всего, международные договоры, в которых закреплён действующий режим зон безопасности в море. Материалом к исследованию послужили иные документы международного правового характера, такие как резолюции Международной морской организации, в которых ключевыми являются вопросы, связанные с установлением зон безопасности вокруг морских установок. Также автором исследуются материалы конференций ООН по морскому праву, Комиссии международного права, Подкомитета по безопасности мореплавания Международной морской организации. Методологическую основу статьи составили традиционные методы исследования – общенаучные и специальные.

Результаты исследования. Так как установление зон является основным средством обеспечения безопасности стационарной морской конструкции, в ходе исследования доказана необходимость более точного международно-правового урегулирования режима зон безопасности ввиду крайне неоднозначной практики прибрежных государств, связанной с разными подходами к определению протяженности зон безопасности.

Обсуждение и заключение. Проанализирован действующий международно-правовой режим зон безопасности; выявлены его недостатки; исследовано национальное законодательство ряда прибрежных государств; проанализированы основные преимущества и недостатки подходов зарубежных законодателей; раскрыты положения отличные от норм, установленных современным международным правом.

* **Крымская Ксения Владимировна**, аспирант кафедры международного права МГИМО МИД России.
e-mail: kseniakrymskaya@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-6254-9539

В российской науке международного права большое внимание уделяется актуальным вопросам статуса пространств Мирового океана [1. С. 192-219; 4. С. 448], а также уточнению правового режима морских природных ресурсов, в том числе нефтегазовых ресурсов континентального шельфа [2. С. 166-220]. Вопрос о ширине зон безопасности, устанавливаемых вокруг искусственных островов, установок и сооружений, стационарно закрепленных на морском дне (далее – стационарных морских конструкций) [5. С. 42-57], с каждым годом приобретает всю большую актуальность, ввиду учащения случаев столкновения с такими стационарными конструкциями судов, особенно рыбопромысловых.

По данным Всемирного банка данных об авариях на морских нефтегазовых установках с 1975 года было зафиксировано 6451 авария на 3795 объектах¹. Последнее обновление базы данных было произведено в 2014 году, добавив более 300 аварий с момента предыдущего обновления базы вплоть до аварии на платформе Hercules 265 в Мексиканском заливе 13 июля 2013 года². В период с 1980 г. по 2011 г. было зафиксировано 4139 атак на нефтегазовые сооружения [9. С. 520]. Помимо этого стационарные морские конструкции, в частности нефтяные платформы, могут стать объектом нападения в вооруженных конфликтах.

В юридической науке уже показано (хотя это и не предусмотрено в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.; далее – Конвенция 1982 г.), что только прибрежное государство имеет право разрешать создание и использование искусственных островов, установок и сооружений в пределах своего территориального моря, в силу своего суверенитета над ним [5. С. 45]. Но более дискуссионным вопросом остается правовой режим зон безопасности, устанавливаемых вокруг таких стационарных конструкций, особенно тех, которые расположены на континентальном шельфе, то есть за пределами морской территории прибрежного государства.

Исследование

Современное международное право предусматривает определенные нормы и

правила для защиты стационарных морских конструкций и для предотвращения столкновения с ними других объектов. Так, ст. 60(4) Конвенции 1982 г. наделяет прибрежное государство правом устанавливать вокруг морских конструкций разумные зоны безопасности, в пределах которых такое государство вправе принимать надлежащие меры для обеспечения безопасности как судоходства, так и самих объектов, вокруг которых такие зоны устанавливаются. Также важную роль играет Международная морская организация (далее – ИМО), принявшая ряд правил в целях обеспечения безопасности морских установок и предотвращения нарушения зон безопасности.

Установление зон безопасности вокруг стационарных морских конструкций является наиболее эффективным способом их защиты от столкновения с другими объектами и от других угроз.

Впервые в международном праве вопрос об установлении зон безопасности вокруг такого рода конструкций в море был поднят Комиссией международного права (далее – КМП) в 1951 г., которая отметила, что сооружения и установки, находящиеся в открытом море и занимающиеся разработкой ресурсов его дна и недр, обладают не территориальным морем, а лишь зоной безопасности (англ. *zone of security*) [17. С. 105]. Согласно ст. 71(2) доклада КМП 1956 г., «прибрежному государству принадлежит право возводить и поддерживать на материковом выступе сооружения, необходимые для разведки и разработки его естественных богатств, а также устанавливать зоны безопасности на разумном расстоянии вокруг этих сооружений и принимать в этих зонах меры, необходимые для их охраны»³.

В 1958 г. в ходе проведения Первой конференции ООН по морскому праву был поднят вопрос о морских установках и зонах вокруг них в контексте континентального шельфа. Принятая по итогам этой конференции Конвенция о континентальном шельфе 1958 г. (далее – Конвенция о шельфе 1958 г.) наделяет прибрежное государство правом «возводить, содержать или эксплуатировать на континентальном шельфе сооружения и иные установки, а также создавать зоны

¹ World offshore accident database. URL: <https://www.dnvgl.com/services/world-offshore-accident-database-woad-1747> (date of access: 14.06.2018)

² Whitepaper: Worldwide Offshore Accident Databank (WOAD). URL: <https://www.dnvgl.com/software/campaigns-2015/safeti-woad-whitepaper.html> (date of access: 14.06.2018)

³ Доклад Комиссии международного права о работе ее восьмой сессии 23 апреля – 4 июля 1956 г. Нью-Йорк, 1956. С. 52.

безопасности вокруг этих сооружений и установок».⁴ Согласно ст. 5 (3) Конвенции о шельфе 1958 г., «зоны безопасности могут простираются на расстояние 500 метров вокруг таких установок, считая от каждой точки их наружного края».

Сегодня правовой режим установления зон безопасности регулируется соответствующими положениями Конвенции 1982 г., иными международными договорами, а также резолюциями ИМО. Действуют и соответствующие нормы национального законодательства прибрежных государств. Режим, установленный ст. 60 Конвенции 1982 г., схож с режимом, установленным ст. 5 Конвенции о шельфе 1958 г.

В данном контексте следует обратить внимание на самое важное различие в положениях обеих конвенций в том, что касается протяженности зоны безопасности. Так, согласно ст. 5 (3) Конвенции о шельфе 1958 г., зона безопасности может простирается только до 500 метров вокруг искусственных установок, в то время как ст. 60 (5) Конвенции 1982 г. было установлено, что протяженность зоны безопасности может превышать 500 метров, если это разрешено общепринятыми международными стандартами или рекомендовано компетентной международной организацией.

Формулировка «общепринятые международные стандарты» может означать отсылку к обычному международному праву, а «компетентной международной организацией» было бы разумно считать ИМО, ввиду отсутствия иной международной организации или международного органа, в чью компетенцию входили бы данные вопросы. Хотя международно-правовая норма, закрепляющая за ИМО такое право, отсутствует, подтверждением этому служат 1) предложение,

направленное Бразилией⁵ в ИМО по изменению протяженности зоны безопасности, а также 2) предложение США⁶ о необходимости разработки руководства, на основании которого ИМО принимала бы решения об изменении ширины конкретной зоны безопасности свыше 500 метров. Подкомитет по безопасности мореплавания также указал, что под «компетентной международной организацией» в смысле статьи 60 (5) Конвенции 1982 г. понимается ИМО⁷. На данный момент не зафиксировано случаев, когда по решению ИМО была установлена зона безопасности шириной более 500 метров.

Государства-члены ИМО часто поднимают вопрос о том достаточно ли 500-метровой зоны безопасности для охраны особо важных морских объектов. В 2007 г. Бразилия выдвинула предложение об одобрении ИМО изменения максимально допустимого предела зоны безопасности вокруг морских нефтегазовых объектов. Согласно п. 30.2 предложения Бразилии, ИМО предлагается увеличить ширину зоны безопасности 1) до 1 морской мили вокруг стационарных платформ и морских терминалов и 2) до 2 морских миль вокруг плавучих установок для добычи, хранения и отгрузки⁸. В целом, предложение Бразилии получило поддержку⁹, однако делегации некоторых государств выразили свою озабоченность ввиду отсутствия в ИМО регламента, который бы определял процедуру одобрения изменения границ зоны безопасности за пределами 500 метров. Американская делегация заявила о необходимости разработать единые правила процедуры и руководство, на основании которых должны будут рассматриваться поданные заявки, касающиеся протяженности зон безопасности¹⁰. Иначе Подкомитет будет *ad hoc* рассматривать такие заявки и прини-

⁴ Статья 5 (2) Конвенции о континентальном шельфе 1958 г.

⁵ Routing of ships, ship reporting and related matters. Proposal for the establishment of an Area to be Avoided and modifications to the breadth of the Safety Zones around Oil Rigs located off the Brazilian Coast – Campos Basin (Submitted by Brazil). Sub-committee on safety of navigation, 53rd session, agenda item 3 (NAV 53/3). 26 February 2007.

⁶ Пункт 3.16. Report to the maritime safety committee. Sub-committee on safety of navigation, 53rd session, agenda item 22 (NAV 53/22). P. 10-11.

⁷ Пункт 3.53. Report to the maritime safety committee. Sub-committee on safety of navigation, 53rd session, agenda item 22 (NAV 53/22). P. 17.

⁸ Routing of ships, ship reporting and related matters. Proposal for the establishment of an Area to be Avoided and modifications to the breadth of the Safety Zones around Oil Rigs located off the Brazilian Coast – Campos Basin (Submitted by Brazil). Sub-committee on safety of navigation, 53rd session, agenda item 3 (NAV 53/3). 26 February 2007.

⁹ Пункт 3.15. Report to the maritime safety committee. Sub-committee on safety of navigation, 53rd session, agenda item 22 (NAV 53/22). P. 10.

¹⁰ Пункт 3.16. Report to the maritime safety committee. Sub-committee on safety of navigation, 53rd session, agenda item 22 (NAV 53/22). P. 10-11.

мать по ним решение в отсутствие руководства, стандартов и объективных критериев, что привело бы к отсутствию единообразного подхода при принятии таких решений¹¹.

Позже – на следующей сессии Комитета по безопасности на море – США и Бразилия подали совместное предложение¹² по добавлению нового вопроса в повестку рабочей программы Комитета – «разработка Руководства по рассмотрению заявок на установление границ зон безопасности за пределами 500 метров». Комитет согласился включить в рабочую программу вопрос, касающийся «Руководства по рассмотрению заявок по установлению границ зон безопасности за пределами 500 метров вокруг искусственных островов, установок и сооружений в исключительной экономической зоне». Однако в 2010 г. Подкомитет по безопасности мореплавания заключил, что не была продемонстрирована необходимость в установлении зон безопасности шире 500 метров и навряд ли в ближайшем будущем ИМО разрешит установление зоны безопасности за пределами 500 метров для целей охраны морских нефтегазовых установок¹³.

Тем не менее такие попытки были приняты Австралией, Индией и Китаем, полагающими, что было бы разумно изменить протяженность зоны безопасности до 5 миль.

Особый интерес представляет австралийский подход. Проведенное в 2012 г. исследование, по мнению австралийского законодателя, доказывает недостаточность 500-метровой зоны безопасности для охраны стационарных морских конструкций. Согласно исследованию, оператору платформы недостаточно такой ширины зоны безопасности для того, чтобы в случае ее нарушения или аварии привести в действие план по эвакуации¹⁴. Как правило, стационарной добывающей платформе необходимо минимум 30 минут для эвакуации, в то время как судно, перемещающееся со скоростью 20 узлов, пройдет за это время расстояние в 10 морских миль¹⁵. В Исследовании 2012 г., предложено ввести трехступенчатый подход к уста-

новлению зон вокруг всех морских объектов в морских пространствах Австралии:

1. зона ограниченного доступа (англ. *cautionary zone*) (15 морских миль);
2. 5-мильная зона, которую следует избегать (англ. *area to be avoided*);
3. зона закрытого режима (англ. *exclusion zone*) протяженностью 1–2,5 морских миль внутри зоны, которую следует избегать¹⁶.

Следует отметить, что установление таких охранных зон не соответствует конвенционным положениям и ограничивает свободу судоходства. Суды обязаны соблюдать только установленную 500-метровую зону безопасности и, находясь в ее пределах, нарушают такую зону безопасности и больше не вправе ссылаться на свободу судоходства [7. С. 4; 15. С. 204]. Предложенные охранные зоны несовместимы с действующими международно-правовыми нормами; соответственно, иностранные суда не обязаны были бы их соблюдать [10. С. 4].

Еще в 1952 г. Мутон отметил, что препятствием судоходства может быть установленная вокруг установки зона безопасности [12. С. 229]. Если такие установки находятся на близком расстоянии друг от друга, их зоны безопасности могут «пересекаться» (англ. *overlap*), в результате чего довольно обширный участок морского пространства закрыт для судоходства [12. С. 229].

Похожую позицию выразили США – «сооружая морские установки вблизи друг от друга и «соединяя» тем самым зоны безопасности между собой, прибрежное государство могло бы воспрепятствовать таким образом свободе судоходства, аргументируя возведение такого рода «стены» необходимостью охраны установки и защиты окружающей среды» [11. С. 79].

Для охраны свободы судоходства в США действует Программа США по свободе судоходства. Согласно «Политике США в Мировом океане 1983 г.», США будут «заявлять о своих правах, свободах и пользовании морскими пространствами так, чтобы возмож-

¹¹ Там же.

¹² Development of Guidelines for consideration of requests for safety zones larger than 500 meters around artificial islands, installations and structures in the Exclusive Economic Zone. Submitted by the United States and Brazil. Maritime Safety Committee, 84th session, agenda item 22 (MSC 84/22/4). 4 February 2008.

¹³ Пункты 4.1-4.11. Report to the maritime safety committee. Sub-committee on safety of navigation, 56th session, agenda item 20 (NAV 56/20). 31 August 2010. P. 14-17.

¹⁴ Offshore Oil and Gas Resources Sector Security Inquiry, p.4. Office of the Inspector of Transport Security, Department of Infrastructure and Transport, Australia Government. 2012. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/transport-security/files/offshore-oil-gas-resources-sector-security-inquiry.pdf> (date of access: 17.06.2018).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

но было сохранить баланс с интересами, находящими свое отражение в Конвенции 1982 г.»¹⁷. Как отмечает в своей статье П.А. Гудев, «под этим подразумевается не просто реализация права, закрепленного в Конвенции ООН 1982 г. и применимого как к открытому морю, так и к 200-мильной ИЭЗ прибрежных стран, а гораздо более широкий круг аспектов» [6. С. 107]. Среди таких аспектов наибольший интерес представляет «борьба с претензиями прибрежных государств в акваториях за пределами территориального моря, которые ведут к ограничению свобод открытого моря в пределах 200-мильной ИЭЗ» [6. С. 107]. Так, каждый год Министерство обороны США направляет Конгрессу доклад о свободе мореплавания, где представлена таблица прибрежных государств и их необоснованных, по мнению США, притязаний на морские пространства. В последнем опубликованном докладе Министерства обороны США за 2017 г.¹⁸ в качестве «нарушителя» свободы судоходства указан Китай по причине действий и заявлений, представляющих собой установление территориального моря вокруг искусственных островов Спратли, которым, согласно международному праву, искусственный остров, установка и сооружение обладать не может.

Резолюции ИМО. ИМО, признанная в смысле Конвенции 1982 г. «компетентной организацией», приняла ряд резолюций, которые касаются безопасности морских установок и их охраны, в частности зон безопасности.

Главным документом в рассматриваемом контексте является резолюция A.671 (16) «Зоны безопасности и безопасность мореплавания вокруг морских установок и сооружений» 1989 г. (далее – Резолюция 1989 г.). В качестве приложения к документу принимаются «Рекомендации о зонах безопасности и безопасности мореплавания вокруг морских установок и сооружений», которые практически целиком и полностью повторяют положения отмененной резолюции A.621 (15) «Меры по предотвращению нарушения зон безопасности вокруг морских установок и сооружений».

Главное отличие Резолюции 1989 г. от резолюции A.621 (15) состоит в расширенной

сфере правового регулирования. П. 1 (b)(iii) резолюции A.621 (15) содержал рекомендацию каждому прибрежному государству требовать от операторов морских установок и сооружений принятия необходимых мер для предотвращения нарушений зон безопасности. При этом данный пункт не раскрывал, о каких именно морских установках и сооружениях идет речь. Однако п. 1.3 «Рекомендаций о зонах безопасности и безопасности мореплавания вокруг морских установок и сооружений» более детально описывает, о какого рода сооружениях идет речь. Согласно приложению к Резолюции 1989 г. имеются в виду именно стационарно закрепленные морские установки и сооружения, включая те, которые способны к передвижению в море, но которые находятся на месте бурения, независимо от того, поставлены ли они на якорь или установлены на морском дне и не осуществляют операции по бурению.

Приложением к Резолюции 1989 г. установлено требование надлежащего уведомления о наличии стационарной морской конструкции и зоны безопасности вокруг нее. Резолютивные положения напоминают о том, что прибрежное государство ответственно [13. С. 785] за распространение информации касательно местоположения стационарной конструкции, а также протяженности зоны безопасности.

Особый интерес представляет установление зоны безопасности вокруг установок и сооружений, которые не используются в целях, указанных в ст. 56 и 60 Конвенции 1982 г. Ст. 60 (4) Конвенции 1982 г. закрепляет за прибрежным государством право «устанавливать вокруг таких установок и сооружений разумные зоны безопасности». В контексте конвенционных положений «такими» установками и сооружениями являются сооруженные «в целях разведки, разработки и сохранения природных ресурсов» (ст. 56 (1) и «для других экономических целей» (ст. 60 (1)). Юридическое различие между правами прибрежного государства в отношении создания «искусственных островов – для любых целей и создания установок и сооружений – в ограниченных целях – значимо» [5. С. 49]. Следовательно, возникает вопрос о правомерности установления зоны безопасности

¹⁷ Department of Defense, Freedom of Navigation Fact Sheet. March 2015. URL: [https://policy.defense.gov/Portals/11/Documents/gsa/cwmd/DoD%20FON%20Program%20--%20Fact%20Sheet%20\(March%202015\).pdf](https://policy.defense.gov/Portals/11/Documents/gsa/cwmd/DoD%20FON%20Program%20--%20Fact%20Sheet%20(March%202015).pdf) (date of access: 20.06.2018).

¹⁸ Department of Defense Report to Congress "Annual Freedom of Navigation Report". URL: <https://policy.defense.gov/Portals/11/FY17%20DOD%20FON%20Report.pdf?ver=2018-01-19-163418-053> (date of access: 20.06.2018).

вокруг установок и конструкций в море, сооружений, например, в военных целях.

Можно заключить, что так как искусственные острова создаются в любых целях, то и в смысле ст. 60 (1) вокруг таких искусственных островов могут устанавливаться зоны безопасности. Иная же ситуация складывается применительно к установкам и сооружениям, эксплуатируемым в целях, не указанных в Конвенции 1982 г. А. Сунс отметил, что «хотя современное международное право прямо не предписывает устанавливать вокруг искусственных островов и установок (за исключением эксплуатируемых в целях разведки и разработки ресурсов континентального шельфа) зон безопасности, нет оснований полагать, что это не может быть допущено» [16. С. 19]. Данное предположение является противоречивым, так как сам автор отмечает, что в международном праве отсутствует договорно предусмотренная норма, которая бы позволяла устанавливать зоны безопасности вокруг установок и сооружений, используемых не в экономических целях.

Результаты исследования

Как верно отметил специалист по морскому праву и бывший судья Международного суда ООН С. Ода, правовой статус морских зон безопасности не совсем ясен [14. С. 277]. Во-первых, ст. 60 Конвенции 1982 г. полно-

стью не решает все правовые вопросы, связанные с установлением зон безопасности вокруг стационарных морских установок. Во-вторых, недостаточно урегулированные Конвенцией 1982 г. вопросы породили неоднозначную практику прибрежных государств по установлению различных видов зон безопасности за пределами 500 метров. В-третьих, хотя действующая резолюция ИМО в довольно полной мере раскрывает неохваченные Конвенцией 1982 г. вопросы, эта резолюция не является договорно-правовым источником; более того она до сих пор не нашла свое отражение в национальном законодательстве.

Не подлежит сомнению право прибрежных государств по установлению определенных правил в пределах своей ИЭЗ и своего континентального шельфа. Тем не менее необходимо проводить четкое различие между видами охранных зон и зонами безопасности в смысле статей Конвенции о шельфе 1958 г. и Конвенции 1982 г. Проведенный анализ позволил заключить, что именно ИМО наделена Конвенцией 1982 г. правом установления зон безопасности протяженностью шире 500 метров. Соответственно, действует обязанность соблюдения зон безопасности, установленных в соответствии с положениями международного права, что, однако, не предусматривает обязанность судов строго соблюдать иные охранные зоны, установленные национальным законодательством.

Литература:

1. Вылегжанин А.Н., Саваськов П.В. Международное морское право // Международное право. М., 2016.
2. Вылегжанин А.Н. Морские природные ресурсы (международно-правовой режим). М., 2001.
3. Вылегжанин А.Н. Международно-правовые основы недропользования. М., 2007.
4. Вылегжанин А.Н., Гуреев С.А., Иванов Г.Г. Международное морское право. М., 2003.
5. Вылегжанин А.Н., Крымская К.В. Международно-правовой режим искусственных островов и иных стационарных конструкций в море // Московский журнал международного права. № 2. 2018.
6. Гудев П.А. Политика США в Мировом океане // Международные процессы. № 1 (44). 2016.
7. Elferink A.O. The Arctic Sunrise Incident and the International Law of the Sea. 2014. URL: <http://site.uit.no/jclos/2014/02/28/hello-world/>
8. Hassel M., Utne I.B., Vinnem, J.E. Allision risk analysis of offshore petroleum installations on the Norwegian Continental Shelf—an empirical study of vessel traffic patterns // WMU Journal of Maritime Affairs. Volume 16. Issue 2. 2017.
9. Kashubsky M. Offshore Oil and Gas Installations Security. New York, 2015.
10. Kashubsky M., Morrison A. Security of offshore oil and gas facilities: exclusion zones and ships' routing // Australian Journal of Maritime and Ocean Affairs. Volume 5. Issue 1. 2013.
11. Kraska J., Pedrozo R. International Maritime Security Law. Leiden, 2013.
12. Mouton M.W. The continental shelf. Hague, 1952.
13. Nordquist M., Nadan S., Kraska J. UNCLOS 1982 Commentary: Supplementary Documents. Leiden, 2012.
14. Oda S. Fifty Years of the Law of the Sea. Hague, 2003.

15. Papastavridis E.D. Protecting Offshore Energy Installations under International Law of the Sea – Natural Resources and the Law of the Sea: Exploration, Allocation, Exploitation of Natural Resources in Areas under National Jurisdiction and Beyond. New York, 2017.
16. Soons A. Artificial Islands and Installations in International Law // Occasional Paper Series (Occasional Paper No. 22). 1974.
17. Symmons C.R. The Maritime Zones of Islands in International Law. Hague, 1979.
18. Vylegzhanin A.N., Young O.R., Berkman P.A. Governing the Barents Sea Region: Current Status, Emerging Issues, and Future Options // Ocean Development & International Law. Volume 49. Issue 1. 2018.

ESTABLISHING SAFETY ZONES AROUND FIXED STRUCTURES AT SEA ON CONTINENTAL SHELF (LEGAL ISSUES)

Introduction. Although there have been multiple studies done by both Russian and foreign specialist, one of the most poorly studied international law problems deals with interpretation and application of rules on safety of artificial islands, installations and structures. These measures encompass the coastal state's right to enact legislation ensuring safety and security of these structures at sea.

For the past ten years states have been outlining the need for review of the breadth of the safety zones around offshore installations, first and foremost, around installations and structures used for exploration and exploitation of hydrocarbon resources on the continental shelf. It's of great importance to protect these structures, in particular from collision with ships, and to prevent accidents. The main reason behind this initiative is the increasing number of accidents on offshore oil rigs.

Materials and methods. The basis for this research comprises the international treaties which set forth the regime of safety zones at sea. The materials for this paper are also commentaries of the UN Convention on the Law of the Sea 1982, as well as relevant instruments adopted by IMO, related papers from all three UN conferences on the Law of

the Sea, documents issued by the International Law Commission, and the IMO Sub-committee on safety of navigation. The methodological basis of present research consists of such traditional methods as general scientific and specific methods.

The results of the study. The author of this paper proves the need for elaboration of more thorough international legal regime of safety zones at sea, since it is one the most principal means to ensure safety and security of offshore structures. Among the reasons is the ambiguous practice of coastal states, based on various approaches taken on the issue of safety zone's breadth.

Discussion and conclusion. The article contains thorough analysis of the international legal regime of safety zones, outlining its flaws. Conducted research emphasizes both positive and negative aspects of applicable national legislation, as well as unravels legal norms different from those enshrined in modern international law.

Ksenia V. Krymskaya,
Research Student with the Department of
International Law, MGIMO under the Ministry
for Foreign Affairs of Russia

Ключевые слова:

Женевская конвенция о континентальном шельфе 1958 г.; зона безопасности; исключительная экономическая зона; искусственные острова; Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.; континентальный шельф; Международная морская организация; свобода судоходства; стационарные конструкции в море; установки и сооружения.

Keywords:

Key words: artificial islands; continental shelf; exclusive economic zone; fixed structures at sea; freedom of navigation; Geneva Convention on the Continental Shelf 1958; installations and structures; International Maritime Organization; safety zones; UN Convention on the Law of the Sea 1982.

References:

1. Vylegzhanin A.N., Savaskov P.V., 2016. Mezhdunarodnoe morskoe pravo [International Law of the Sea]. Mezhdunarodnoe parvo [International Law], Moscow.
2. Vylegzhanin A.N., 2001. Morskie prirodnye resursy: mezhdunarodno-pravovoi rezhim [Marine Natural Resources: International Legal Regime]. Moscow.

3. Vylegzhanin A.N., 2007. Mezhdunarodno-pravovye osnovy nedropolzovaniya [International Legal Regime of the use of subsoil]. Moscow.
4. Vylegzhanin A.N., Gureev S.A., Ivanov G.G., 2003. Mezhdunarodnoe morskoe pravo [International Law of the Sea]. Moscow.
5. Vylegzhanin A.N., Krymskaya K.V., 2018. Mezhdunarodno-pravovoi rezhim iskusstvennykh ostrovov i inyykh statsionarnyykh konstruktssii v more [Legal Regime of Artificial Islands and Other Permanent Structures at Sea]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. Volume 2. Moscow.
6. Gudev P.A., 2016. Politika SShA v Mirovom okeane [The US Policy in World Ocean]. *Mezhdunarodnye protsessy [International Process]*. Volume 1. Moscow.
7. Elferink A.O. The Arctic Sunrise Incident and the International Law of the Sea. 2014. URL: <http://site.uit.no/jclos/2014/02/28/hello-world/>.
8. Hassel M., Utne I.B., Vinnem, J.E., 2017. Allision risk analysis of offshore petroleum installations on the Norwegian Continental Shelf—an empirical study of vessel traffic patterns. *WMU Journal of Maritime Affairs*. Volume 16. Issue 2.
9. Kashubsky M., 2015. Offshore Oil and Gas Installations Security.
10. Kashubsky M., Morrison A., 2013. Security of offshore oil and gas facilities: exclusion zones and ships' routeing. *Australian Journal of Maritime and Ocean Affairs*. Volume 5. Issue 1.
11. Kraska J., Pedrozo R., 2013. International Maritime Security Law.
12. Mouton M.W., 1952. The continental shelf.
13. Nordquist M., Nadan S., Kraska J., 2012. UNCLOS 1982 Commentary: Supplementary Documents.
14. Oda S., 2003. Fifty Years of the Law of the Sea.
15. Papastavridis E.D., 2017. Protecting Offshore Energy Installations under International Law of the Sea – Natural Resources and the Law of the Sea: Exploration, Allocation, Exploitation of Natural Resources in Areas under National Jurisdiction and Beyond.
16. Soons A., 1974. Artificial Islands and Installations in International Law. *Occasional Paper Series*. No. 22.
17. Symmons C.R., 1979. The Maritime Zones of Islands in International Law.
18. Vylegzhanin A.N., Young O.R., Berkman P.A., 2018. Governing the Barents Sea Region: Current Status, Emerging Issues, and Future Options. *Ocean Development & International Law*. Volume 49. Issue 1.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Александр Митин*

Петр Кузнецов**

DOI 10.24833/2073-8420-2019-2-51-60-71

Введение. Статья посвящена исследованию проблем коррупции в зарубежных странах. Коррупция рассматривается как неэффективность государственного управления, связанная с нарушением в отношениях принципала и агента: первый – получает услуги, второй – их предоставляет.

Отмечается, что коррупция – это злоупотребление государственной и муниципальной властью ради частной выгоды. Резкий всплеск коррупции был отмечен исследователями в XIX веке. Одновременно появились и первые попытки противодействия ей на законодательном уровне. В конце XX века (17 декабря 1979 г.) Генеральная ассамблея ООН принимает Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Правовой основой определения коррупции послужило принятие в 2003 г. Конвенции ООН против коррупции, а тремя годами ранее – Конвенции против транснациональной организованной преступности. Впервые был озвучен тезис, что противодействие коррупции – это обязанность государств, а для ее эффективности необходим комплексный междисциплинарный подход. В этой связи исследователями принято отмечать множественность причин коррупции, выделяя правовые, экономические, институциональные и социально-культурные факторы, а также подразделяя коррупцию на белую, серую и черную. По географической классификации и при утверждении, что не бывает некоррупционных стран, выделяют несколько моделей коррупции: азиатскую, африканскую, латиноамериканскую, европейскую.

Исследователи сходятся во мнении, что уровень коррупции во всех странах зависит от институциональной среды и социальных условий, она остается важным политическим феноменом.

Материалы и методы. Методическую основу исследования составил комплекс общенаучных методов, специальные методы познания международной практики, явлений и процессов (аналитическое обследование, обобщение, си-

* **Митин Александр Николаевич**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики управления Уральского государственного юридического университета, Россия.

e-mail: idom@usla.ru

ORCID: 0000-0003-1788-6736

** **Кузнецов Петр Уварович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета.

e-mail: IPT@usla.ru

ORCID: 0000-0001-8451-0283

стемно-ориентированный и функционально-аналитический подходы, толкования и характеристики правовых норм, сравнительно-правовой анализ).

Результаты. В процессе аналитического исследования охарактеризованы ресурсы, вовлекаемые в орбиту коррупции, термины и определения этого опасного явления, правовая основа таких определений, предложенная международным сообществом. Рассмотрены международные документы рекомендательного характера, касающиеся борьбы с коррупцией, государственные антикоррупционные программы отдельных стран, сформированы некоторые рекомендации антикоррупционного характера.

Обсуждение и заключение. Обосновано применение комплексного междисциплинарного подхода к формированию и реализации системных мероприятий, в которых демократизация общественной жизни, прозрачность деятельности всех органов власти очевидны и необходимы.

Исследование

Отрицательные последствия коррупции сложно переоценить. Она всегда имеет более глубокие последствия, отложенный негативный эффект, когда игнорируются нормы антикоррупционного законодательства, подрывается экономика, от коррупционных механизмов становится зависимым все население, нарушаются международные связи в экономической, политической сферах. Вместе с тем, усиливается коррупционная преступность.

История свидетельствует, что не бывает некоррупционных стран. В елизаветинской Англии (XVI-XVII века) министр был гораздо более коррумпирован, чем сегодняшние высокопоставленные чиновники развивающихся государств. Чтобы понять, что творилось тогда в Англии, достаточно почитать Свифта... Или взять Америку XIX века.

Частая смена должностных лиц в США порождала чудовищную коррупцию. Каждый чиновник, зная, что его скоро переизберут или уволят, занимался только тем, что опустошал казну своего штата.

В середине XIX века вся казна города Нью-Йорка была похищена мэром, который сбежал вместе с деньгами. Тогда это считалось в порядке вещей. И сегодня в США присутствует коррупция, особенно в высших эшелонах власти. Получается, что коррупция – это неэффективность государственного управления, связанная с нарушением в отношениях принципала и агента. Принципал – это тот, кто получает услуги, агент – тот, кто их предоставляет. В этих терминах (теория принципал-агентских отношений в рамках институциональной экономики) государство является принципалом для чиновников,

а они – его агентами. При этом не следует забывать: в идеальной модели принципалом государства, в свою очередь, является общество. В исследовании приводится сравнение, что попустительство коррупции превращает государство в «территорию» [1. С. 69-75].

Как известно, государство обладает определенными ресурсами, которыми чиновники должны управлять в его интересах. Такое распределение ролей – это гарантия стабильности системы государственного управления, главная цель которой – достижение общественного блага и качества жизни населения.

Однако, когда в силу различных причин коррупция, словно раковая опухоль, выросла в систему государственного управления, агенты используют ресурсы принципала не для удовлетворения его потребностей, а в собственных интересах, отличных от интересов принципала. Это ресурс государственной или муниципальной должности, ресурс административного давления (злоупотребление правом государства на легитимное насилие); финансовый ресурс (реализующийся в перераспределении финансовых потоков и через механизм «отката»); нормативный правовой ресурс (отсутствие нормативного правового регулирования всех процессов, связанных с продвижением интересов бизнес-субъектов и лоббистской деятельностью); информационный ресурс (утаивание или продажа конфиденциальной информации, вторжение в семейную, личную тайну); шантажный ресурс («посадить на взятку» по аналогии с более известными выражениями наркодельцов и алкоголиков «посадить на иглу», «посадить на стакан»); посреднический ресурс (действия подкупающей и подкупаемой стороны через пособ-

ников); ментальный ресурс (коррупция как стиль жизни и смазочный материал для экономики).

При описании разновидностей коррупции исследователи часто прибегают к построению ее отдельных типов, хотя на практике они могут иметь и другие формы¹.

По географической классификации и при утверждении, что не бывает некоррупционных стран, выстраивают несколько моделей коррупции.

Западно-европейская модель, для которой характерен низкий уровень коррупции, высокая доля гражданской культуры и скрытые от общества коррупционные связи в форме теневых услуг.

Азиатская модель, где коррупция – привычное и общественно-приемлемое культурное и экономическое явление. Ее обозначают как коррупцию социальную, поскольку коррупционные отношения крепко переплетены с семейными, земляческими, этническими и другими отношениями.

Африканская модель позволяет экономическим кланам купить власть «на корню», а демократические процедуры ее приобретения представить в закамouflированном виде. Результаты действий такой модели – примитивная экономика и послушные политики.

При Латиноамериканской модели попустительство коррупции позволяет теневым и криминализированным секторам экономики достичь могущества, соизмеримого с государственным. Экономическое благополучие населения и страны остается недостижимым.

Не менее интересна классификация по агентам, вступающим в коррупционные сделки. Их различение осуществляется на основании управленческого уровня должностных лиц, принимающих управленческие решения, их масштабов. Высокие должностные лица, распоряжающиеся государственными, муниципальными ресурсами находятся на уровне верхушечной коррупции. Другие же, занимающие менее значимые государственные и муниципальные должности, находят «места кормления» в сфере государственных и муниципальных услуг: здравоохранение, социальное обеспечение, деятельность в правоохранительных органах и др. Все они, вместе с деловой коррупцией, формируют коррупционный рынок с девизом «ты мне – я тебе», а заодно реализуют несколько социальных функций: сокра-

щение бюрократических и административных барьеров, ускорение принятия управленческих решений, внедрение регулярных или долговременных социальных практик «воспитания коррупционного поведения». По существу, коррупция высвечивает неэффективность государственного управления, неэффективную экономическую и социальную политику государства, разложение власти и недоверие к ней. В обществе постепенно складывается убеждение, что невозможно реализовать никакой проект, не взяв «в долло» чиновника, не оплатив покровительство власть имущих.

Здесь следует заметить, что в любом государстве формируется бюрократический аппарат. Администрирование необходимо для эффективной реализации управленческих решений, принятых политическими лидерами. Это наиболее рациональный институт, в котором профессиональные работники в соответствии с определенными правилами (принципами) решают управленческие задачи.

Вместе с тем, бюрократический аппарат имеет и негативный потенциал, который при соответствующих условиях проявляет стремление противоправно получить административную ренту, использовать ресурсы государства для удовлетворения своих потребностей в собственных интересах. В этом случае смыслом служебной деятельности становится борьба за контроль над источниками ренты, т.е. за коррупционные источники дохода. Австрийский экономист Людвиг фон Мизес отмечал, что «бюрократическая система по сути своей является антилиберальной, недемократичной...она проникнута фанатичной враждебностью к свободному предпринимательству и частной собственности; она парализует бизнес и снижает производительность труда» [2. С. 10-11].

Известный в науке психолог Эрих Фромм оценил: «Хотя бюрократы вызывают не меньший ужас, чем садисты, они на самом деле страшнее, потому что они даже не ощущают противоречия между совестью и долгом: совесть приказывает им выполнять свой долг, а человек как объект сострадания и доброты для них вообще не существует» [3. С. 283].

Действительно, законы в этом случае – вторичное явление.

Термин коррупция трактуется многозначно. Изначально (в пер. с латинского) коррупцию трактовали как «подкуп», «со-

¹ Социологический анализ коррупции //Электронный ресурс: www.indem.ru/corrupt/Uc2004/Glava2.pdf

вращение», «разложение» [4. С. 34, С. 30], «порчу» [5. С. 5], и даже как злоупотребление служебным положением в корыстных целях [6. С. 1]. Разложение заключается в корыстном использовании должностным лицом служебного положения и полномочий для незаконного личного обогащения [7. С. 2], что формирует в системах государственного и муниципального управления коррупционную преступность.

Как здесь не обратиться к известному латинскому изречению «*corruptio optimi pessima*», которое в переводе на русский язык звучит как «совращение доброго – наибольший грех». Таким образом, основным признаком коррупции выдвигается подкуп – продажность, что существенно отличает коррупционные преступления от многих должностных преступлений.

Исследователи предложили в связи с этим определение коррупционной преступности. «Это антисоциальное, общественно опасное явление, составляющее целостную совокупность преступлений, совершенных должностными лицами с использованием ими своего служебного положения, имеющихся у них должностных полномочий, а также иными лицами, вопреки законным интересам граждан, общества, государства, государственной, муниципальной службы, коммерческих и иных организаций, для личного обогащения или в иных личных, узкогрупповых и корпоративных целях, либо выразившихся в предоставлении им возможностей и средств для достижения указанных целей, а также совокупность таких лиц» [8. С. 28].

Правовой основой такого определения послужила принятая в 2003 г. Конвенция ООН против коррупции, хотя в ней и не дается термина «коррупция»² в той ее части, в которой говорится не только о Кодексах поведения публичных должностных лиц (ст. 8), но и о публичных закупках и о управлении публичными финансами (ст. 9), публичной отчетности (ст. 10), не только о подкупе публичных должностных лиц (ст. 15, 6), но и о хищении, неправомерном присвоении или ином нецелевом использовании имущества публичным должностным лицом (ст. 17), злоупотреблении влиянием в корыстных целях (ст. 18), злоупотреблении служебным положением (ст. 19), незаконном обогащении (ст. 20).

ООН считает, что противодействие кор-

рупции – это обязанность государств, и для ее эффективности необходим комплексный междисциплинарный подход: борьба с коррупцией не может сводиться только к мерам уголовного преследования, хотя в ст. 14, 24, 25 вышеназванной Конвенции эти меры предусмотрены.

Регулированию отношений государств-участников при сотрудничестве в борьбе с коррупцией в процессе международных контактов посвящены гл. 4–6, ст. 43–62 Конвенции ООН. Они содержат призывы оказания технической помощи в расследовании фактов коррупции и возвращении финансовых средств, полученных в результате коррупционных операций, в страны, которым они принадлежат.

Ранее, в 2000 г., ООН приняла Конвенцию против транснациональной организованной преступности³. Акт требует от стран-участниц признать коррупцию преступлением (ст. 8) и принимать меры для ее предотвращения (ст. 9).

Коррупция для организованных преступных сообществ – это средство реализации не только личного, но и политического интереса: обеспечить свои высокие доходы и влияние на представителей власти через «откаты» и систему высокоорганизованных преступных формирований. Поэтому коррупция прямо оценивается как явление, угрожающее безопасности государства, национальной безопасности, а вышеназванная Конвенция требует признать коррупцию преступлением (ст. 8) и принимать меры для предотвращения и борьбы с ней (ст. 9).

Это касается, в частности, криминализации не только дачи и получения взятки, но и «обещания и предложения» (the promise and offering) дать взятку, а также настойчивых требований дать взятку в виде любого «незаконного блага» (any undue advantage).

Актом коррупции так же, как в документе ООН, считается не только дача и получение взятки, но и предложение или обещание ее в Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по борьбе с подкупом иностранных публичных должностных лиц в международных коммерческих отношениях⁴. В отличие от уголовного законодательства Российской Федерации (ст. 204, 290, 291 УК РФ) в этом документе к взятке относится не только материальная ценность, но любая выгода

² Электронный ресурс: A/rec/58/4 // <http://www.un.org/russian/document/convents/corruption.pdf>.

³ Электронный ресурс: GA/res/55/25, приложение от 15 ноября 2000.

⁴ Электронный ресурс: DAFFE/IME/BR(97) 20 <http://www1.oecd.org/daf/nocorruption/instruments.htm>

должностного лица. Легализация денежных средств, полученных от коррупции, должна рассматриваться как преступление, которое в обиходе называется «отмыванием денежных средств» (money laundering).

Конвенция сегодня активно поддерживается. Модельный Закон СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике» содержит нормативное определение понятия «коррупция», под которым понимается «подкуп... любое незаконное использование лицом своего публичного статуса, сопряженное с получением выгоды (имущества, услуг или льгот и/или преимуществ, в том числе неимущественного характера) как для себя, так и для своих близких вопреки законным интересам общества и государства, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу».⁵

Особое внимание проблемам противодействия коррупции уделит Европейский союз.

В 1995 г. он принимает «Конвенцию по защите своих финансовых интересов» и к ней два протокола (1996 и 1997 гг.) [Документы Европейского Союза 495A1127(03), с. 49-57, Официальный журнал С316, 27/11/1995 (Конвенция), 496A1023(01), с. 2-10, Официальный журнал С313, 23/10/1996, 497A0719(02), с. 12-22 Официальный журнал С 221, 19/07/1997], в которой уголовно наказуемым признается и пассивный подкуп, т. е. получение взятки, ее вымогательство или даже предложение ее дать.

В развитие второго протокола Конвенции, касающегося ответственности за отмывание денег, полученных в результате коррупции, Европейский союз в 1997 г. принимает Конвенцию по борьбе с коррупцией, в которую вовлекаются должностные лица европейских сообществ и государств-членов этих сообществ⁶.

22 декабря 1998 г. Совет Европейского союза принимает документ, призванный защитить свободу конкуренции внутри самого Европейского союза. Он получает название «Совместные действия против коррупции в частном секторе»⁷, а чуть позднее

принимается текст «Уголовно-правовой конвенции о коррупции», а затем уже, в 1999 г., «Гражданско-правовая конвенция против коррупции»⁸.

Важным международным документом остается Межамериканская Конвенция против коррупции, принятая Организацией американских государств в 1996 году⁹. В нее включены многие элементы противоправной коррупции, не сводящейся только к подкупу: неправильное использование государственного имущества должностными лицами; злоупотребление конфиденциальной информацией; попытки добиваться от публичной власти любых решений для незаконной цели; неправильное распоряжение государственными деньгами или мерами безопасности.

Роль международных документов, не имеющих обязательной юридической силы, в противодействии коррупции играют декларации и резолюции, которые содержат политические заявления, призывы и рекомендации. К ним относится «Декларация ООН против коррупции и подкупа в международных коммерческих трансоотношениях»¹⁰, призывающая все страны мира криминализировать подкуп иностранных должностных лиц.

В документе, имеющем название «Двадцать руководящих принципов борьбы против коррупции»¹¹, закрепленном в Резолюции 24⁹⁷ и принятом Комитетом министров Совета Европы 6 ноября 1997 г., содержится призыв к развитию междисциплинарного подхода к решению проблем коррупции. Задача по предупреждению коррупции (принцип 1), независимость органов, осуществляющих предупреждение, расследование и привлечение к ответственности за коррупцию (принцип 3), создание специализированных органов по борьбе с коррупцией (принцип 7) – таков далеко не полный перечень рекомендаций для стран, входящих в Совет Европы (т. е. обращен в том числе и к России).

Многие европейские государства приняли вышеназванную Резолюцию за основу

⁵ Основы законодательства об антикоррупционной политике: модельный закон принят в Санкт – Петербурге 15.11.2003 г. постановлением 22-15 на 22-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ // Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. Информационный бюллетень. 2004. №33. С. 225-260// СПС КонсультантПлюс.

⁶ Документ 497A0625(01), Официальный журнал С195, 25/06/1997. Электронный ресурс С. 2-11.

⁷ Совет Европы и Россия. 2002. № 2. С. 46-55.

⁸ Электронный ресурс: <http://conventions.coe.int/treaty/en/Treaties/html/174.htm>

⁹ Электронный ресурс: www.law.vl.ru

¹⁰ Электронный ресурс: GA/res/51/191 от 16 декабря 1996 г., приложение.

¹¹ Электронный ресурс: <http://www.greco.coe.int>

при подготовке и принятии специальных законов и некоторых правовых норм: о доступе граждан к информации, хранящейся в государственных органах; о создании препятствий для коррупции при финансировании партий и избирательных кампаний; об ограничении имущества высших должностных лиц государства для обеспечения расследования и привлечения к ответственности виновных в совершении коррупционных преступлений до уровня, необходимого в демократическом государстве.

Особого внимания заслуживают международные документы рекомендательного характера, касающиеся моделей поведения публичных должностных лиц (высшие должностные лица государства, государственные и муниципальные служащие). Это «Международный кодекс поведения публичных должностных лиц», принятый Генеральной Ассамблей ООН в 1996 г.¹², а также Модельный кодекс для поведения публичных должностных лиц Совета Европы (2000 г.). Акты требуют от публичных служащих и других должностных лиц быть преданными общественным (а не государственным) интересам, не допускать конфликта интересов, в соответствии с действующим законодательством регулировать вопросы конфликта партийной принадлежности государственного или муниципального служащего и его обязанностей на государственной или муниципальной службе.

Существуют и другие международные структуры. Создана и активно действует антикоррупционная Сеть ОЭСР в борьбе с коррупцией в Восточной Европе и Центральной Азии, которая имеет и другое название – Стамбульский план действий по борьбе с коррупцией.

Начиная с 2000-х гг. Сеть стала служить центром субрегиональных инициатив в Эстонии, Латвии, Литве, Албании, Боснии и Герцеговине, Македонии, Молдове и Румынии. Россия присоединилась к Сети в сентябре 2003 г. Планирование заседания в Сети ОЭСР проходят ежегодно.

В противодействии коррупции принимает активное участие и Группа государств по

борьбе с коррупцией (ГРЕКО).

Не менее важны независимые межправительственные организации, популяризирующие принципы устранения угроз отмывания денег. Речь идет о ФАТФ¹³.

Поскольку во всех международных документах отмечается, что проблемы коррупции могут решаться только при активном участии членов гражданского общества, это реализуется с помощью различных заинтересованных в этом организаций.

В частности, Центр по предупреждению международной преступности при ООН (Centre for international Crime Prevention)¹⁴ Управления по контролю за наркотиками и предупреждения преступности, Секретариата Объединенных Наций (Office for Drug Control and Crime Prevention of the United Nations Secretariat)¹⁵ совместно с Институтом Объединенных Наций по межрегиональной преступности и исследованию правосудия (United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute) предложили «Всемирную программу против коррупции» (Global Program against Corruption)¹⁶, в которой присутствуют комплексные мероприятия не только по ее профилактике, противодействию, но и активной борьбе с ней (fight against corruption; combat corruption).

Этот же Центр разработал «Руководство ООН по антикоррупционной политике» (United Nations Manual On Anti-Corruption Policy)¹⁷ и «набор антикоррупционных инструментов» (Anti-Corruption Tool Kit), который постоянно обновляется и доступен для отечественных исследователей¹⁸. Предлагаемый набор антикоррупционных инструментов основывается на современном опыте борьбы с коррупцией в разных странах мира.

Все программы международного масштаба по борьбе с коррупцией предусматривают демократизацию общественной жизни, усиление прозрачности деятельности всех государственных и муниципальных органов. Для стран Западной Европы и США эти идеи самоочевидны, связаны с их традиционными гуманистическими ценностями. В странах, не имеющих демократических тра-

¹² Электронный ресурс: GA/res/51/59 от 12 декабря 1996 г., дополнение.

¹³ FATF GAFI. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ). Электронный ресурс: www.fatf-gafi.org (дата обращения: 25.06.2019 г.).

¹⁴ Электронный ресурс: <http://www.odccp.org/crime.prevention.html>.

¹⁵ Электронный ресурс: <http://www.odccp.org>.

¹⁶ Электронный ресурс: <http://www.unicri.it/Projects%20corruption.htm>.

¹⁷ Электронный ресурс: <http://www.unodc.org/pdf/crime/grocpublication/manual.pdf>

¹⁸ Электронный ресурс: Версия 1. [http://www.nobribes.org/russuin/Document/ Toolkit_UN_RU.doc](http://www.nobribes.org/russuin/Document/Toolkit_UN_RU.doc) на русском языке.

диций, приходится доказывать неспособность авторитарных режимов решать проблемы коррупции без ущерба для общества.

Анализируемые и предлагаемые в отдельных странах антикоррупционные программы основаны на концепциях и резолюциях ООН; резолюции ООН, Совета Европы содержат требования по развитию служебного права. Целью этих предложений является: обеспечение подотчетности (accountability) и прозрачности (transparency) деятельности государственных и муниципальных органов власти; организация государственной и муниципальной службы на основе закона, в том числе переход от службы конкретным руководящим лицам к службе на благо общества; контроль за доходами публичных должностных лиц и даже декларирование доходов их родственников; создание этических кодексов поведения для государственных и муниципальных служащих; криминализация коррупционных деяний; ограничение иммунитета должностных лиц, совершающих коррупционные преступления [9. С. 121].

На основе базовых международных рекомендаций и другие отраслевые сообщества стали формировать свои стратегии борьбы с коррупцией.

В частности, Всемирная таможенная организация (ВТО) изложила в июне 2003 г. свои десять основных направлений в так называемой Арушской декларации: четкое управление и приверженность идее противодействия коррупции; наличие регулятивных стандартов; открытость и прозрачность; автоматизация; реформирование и модернизация службы; аудит и расследование; кодекс чести; управление кадрами; моральная и организационная культура; взаимодействие с бизнесом.

Тогда же специалистом в сфере антикоррупционной деятельности Робертом Клитгордом (ВТО) было предложено полезное аналитическое решение для понимания коррупции. Он отмечает, что коррупция чаще всего возникает в случае, когда посредники (отдельные лица и / или группы лиц) имеют монопольную власть над клиентами, имеют свободу действий над представлением товаров или услуг и когда уровень их подотчетности низок.

В Российской Федерации в основном сформирована система специального законодательства, направленного на борьбу с коррупцией, в том числе в управленческой сфере. Ей требуется придать динамичное развитие, а методически, с учетом докумен-

тов, принятых международным сообществом, рассматривать коррупцию как разложение управленческого аппарата.

При этом необходимо представлять, что пространством действия детерминант коррупции является вся социальная и правовая реальность [10. С. 10]. Коррупция в России связала все общество, стала частью государственного и муниципального управления, определенной нормой общественно-политической жизни и даже распространенным противоправным способом выживания, что объясняет восприятие условий жизни преимущественно через негатив.

Во-многом это сложилось исторически, поскольку власть в народе ассоциируется с ее злоупотреблением: именно поэтому для России характерна психологическая готовность большей части населения к подкупу государственных служащих [11. С. 381]. Восприятие индивидом возможности устранения собственной жизненной проблемы сквозь призму коррупции формирует и его соответствующее поведение.

Зарубежный опыт противодействия коррупции основан на признании международных конвенций и соглашений.

В США антикоррупционное законодательство имеет системный характер и характеризуется чрезвычайной жесткостью.

Так, за различные виды коррупции – взятка, кикбэкинг (выплата части незаконных денег участнику сделки) и др. – предусмотрены штрафы в тройном размере взятки или тюремное заключение от 15 лет, либо то и другое одновременно, а приотягивающих обстоятельствах – лишение свободы до 20 лет.

Законодательство США предусматривает наказание за дачу и получение вознаграждения за услуги, входящие в круг обязанностей должностного лица. Поощрения, по американскому праву, чиновник может получить только официально – от правительства. Наказание за нарушение этой нормы – штраф или лишение свободы до 2 лет, или совокупность наказаний.

Коррупционными признаются сделки между любыми лицами по поводу устройства на федеральную государственную службу.

Определение коррупции и ответственности за нее изложено в главе 11 «подкуп, незаконные доходы и конфликт интересов» титула 18 Свода законов США. Статья 201 названной главы устанавливает уголовную ответственность за предложение, обещание и дачу взятки в обмен на совершение неза-

конных действий должностным лицом (так называемый «активный подкуп»). Пункт (b) данной статьи предусматривает ответственность публичного должностного лица, которое «прямо или косвенно требует в качестве подкупа, добивается, получает, принимает или соглашается получить или принять какую-либо ценность лично или для любого другого лица или организации» в обмен на какие-либо незаконные действия или бездействия по службе (пассивный подкуп).

Профилактика коррупции основывается на этических и дисциплинарных нормах, а Кодекс этики правительственной службы был принят в 1958 году.

В развитие Кодекса в 1962 г. Конгрессом США были приняты так называемые «официальные нормы» поведения выборных должностных лиц (членов обеих палат парламента) и публичных должностных лиц органов исполнительной власти».

В 1965 г. распоряжением президента Л. Джонсона были установлены стандарты поведения, этические нормы должностных лиц. В 1978 г. эти правила обрели форму Закона «Об этике служащих государственных органов».

С конца 80-х годов XX в. этические начала государственной службы стали объектом еще более жесткой правовой регламентации. В 1989 г. Конгрессом США был принят Закон «О реформе Закона об этике», который внес существенные изменения в нормы, регулирующие этику поведения должностных лиц, и распространил их на все ветви федеральной власти – законодательную, исполнительную и судебную.

В октябре 1990 г. Закон был подкреплён исполнительным приказом президента США №12731 «Принципы этики поведения должностных лиц и служащих государственного аппарата». Эти принципы были распространены не только на чиновников высшего ранга, но и на рядовых госслужащих¹⁹.

Между тем, несмотря на системный характер антикоррупционного законодательства США, сама коррупция все же носит там всепроникающий характер. Однако информация о злоупотреблениях и коррупции в органах государственной власти практически не попадает в публичную сферу: продажа освобожденного Б. Обамой места в Сенате Губернатором штата Иллинойс; соз-

дание сайта по медицинскому страхованию HealthCare для одноклассницы Мишель Обамы, жены Президента США. В июле 2015 г. Б. Обама признал, что этот IT-проект США, куда было перечислено более 2 млрд. долларов, оказался «катастрофой»²⁰, а проверить куда ушли эти деньги невозможно.

Вывод здесь таков: даже институт «цивилизованной коррупции» - лоббизма в США, к сожалению, только «прикрывает» коррупционные преступления, особенно в сфере распределения бюджетных ресурсов. Поддержка же таких сомнительных проектов первыми лицами государства, которые все же есть, свидетельствует о серьезных правонарушениях.

Французское антикоррупционное законодательство больше сориентировано на применение административных мер наказания нежели чем уголовных. При этом преследуется главная цель – предотвращение «недолжного соединения личных финансовых интересов и исполнения должностных функций государственного служащего». Французские законодатели менее суровы, чем американские. От чиновников не требуется подача декларации о доходах, а соблюдение ограничений на профессиональную деятельность после увольнения чиновника с государственной службы контролируется менее строго.

Многие годы государственные служащие подают декларации о доходах.

Среди актов, направленных на борьбу с коррупционными преступлениями, следует назвать также решение правительства страны от 11 марта 1988 г. о публикации актов политических партий и данных о расходах на проведение избирательных компаний, об обязательном декларировании доходов министров и парламентариев.

В 1990 г. во Франции был принят Закон о финансировании политических партий, а через год создана Межведомственная комиссия по контролю за рынками государственных заказов и общественных работ. Закон Сегена действует с 1995 г., дающий Счетной палате право контролировать процесс назначения на государственную службу.

Вместе с тем, наличие официальных Концепций, Доктрин, решений международных организаций по вопросам борьбы с коррупцией во Франции не предотвращает коррупцию, она присутствует на различных

¹⁹ Зарубежный опыт противодействия коррупции. Электронный ресурс: <http://nic-pnb.ru/articles/zarubezhnyj-opyt-protivodejstiya-korruptcii/>

²⁰ Хаули П. Одноклассница Мишель Обамы в Принстоне является исполнительным директором компании, которая построила сайт ObamCare. Электронный ресурс: daily.caller.com (дата обращения: 26.06.2019 г.)

национальных уровнях управления.

Первое обвинение в использовании своего должностного положения в личных целях и злоупотреблении влиянием, в «торговле влиянием» было предъявлено бывшему французскому президенту Николя Саркози еще летом 2014 года. Тогда его обвиняли в использовании, якобы старческого слабоумия богатейшей жительницы Франции Лилиан Бетанкур, которая пожертвовала 150 тыс. евро на предвыборную компанию Саркози.

В 2007 году он же был заключен под стражу после допроса по уголовному делу о предполагаемом незаконном финансировании его предвыборной компании погибшим руководителем Ливии М. Каддафи.

Пока предполагаемые факты коррупции экс-президента подтверждаются обнаруженными следователями доказательствами передачи Саркози 5 млн. евро, которые политику передавали в чемоданах. Исследователи сегодня называют много оснований того, что суд по этим делам все же состоится.²¹

Анализ ст. 12 Конвенции совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. показывает, что под «злоупотреблением влияния в корыстных целях», фактически подразумевается особая разновидность подкупа – продажности – «торговля влиянием». Особо опасно, если эти деяния допускают первые лица государства.

ФРГ принимает Закон о борьбе с коррупцией в 1997 г. с одновременным внесением поправок в Уголовный кодекс. Особо стоит отметить статью о даче и получении взятки в частно-правовом обороте, которая ранее содержалась в Законе против неразрешенной конкуренции (подкуп служащего). Действуют Рекомендации по соблюдению «Кодекса антикоррупционного поведения».

У Финляндии сегодня один из высоких антикоррупционных рейтингов, что способствует соблюдению основных антикоррупционных принципов – прозрачность процесса отправления власти, обеспечение законности в государственной администрации, ответственность и добропорядочность государственных должностных лиц и служащих. Они закреплены в Конституции страны.

Аналогичные правовые нормы содержатся в законодательстве Великобритании, Японии, Республики Корея и других стран.

Результаты исследования

Изучение международных аспектов борьбы с коррупцией выявило заинтересованность исследователей и практиков по анализу международно-правовых документов, организационных мероприятий в этой сфере на глобальном и национальных уровнях. Делаются выводы о том, что коррупция подрывает основы демократии и верховенства права, приводит к нарушению прав человека, ухудшает качество жизни, влияет на безопасность личности.

Проведенное исследование дает основание утверждать, что велико значение универсальных международно-правовых актов юридически обязательного характера. К ним относится Конвенция ООН против коррупции.

Своеобразным компасом для совершенствования национального антикоррупционного законодательства является сама Конвенция, а также универсальные и региональные международные акты «ориентирующего права», к которым относятся конвенции, резолюции, декларации, методические рекомендации, руководства, кодексы поведения и др.

Страны, подписавшие и ратифицировавшие Конвенцию ООН, до настоящего времени в своем внутреннем законодательстве совершенствуют механизмы антикоррупционной направленности, конкретизируют перечень криминализируемых коррупционных деяний. Это свидетельствует о том, что коррупция как преступление международного характера подпадает под регулятивное воздействие международного права в качестве отдельного самостоятельного вида международного характера.

Аналитические исследования с изучением достижений различных наук, позволили систематизировать основные направления борьбы с коррупцией в международном сообществе, а также предложения по усилению борьбы с коррупцией через создание в ООН специального международного органа [30].

Выявлена правомерность сосредоточения международных обязательств в международных антикоррупционных конвенциях, принятых под эгидой международной универсальной организации ООН и на уровне

²¹ Саркози предстанет перед судом по коррупционному делу. Электронный ресурс: <https://versia.ru> (дата обращения: 25.06.2019 г.)

ряда специальных международных организаций.

Вместе с тем, по нашему мнению, Конвенция ООН против коррупции не содержит универсального понятия коррупции, ограничиваясь исключительно взяточничеством. Хотя это предоставляет возможность национальным государствам более широко трактовать предмет и субъектный состав коррупционных отношений.

Сделан вывод, что лучшие международные практики по борьбе с коррупцией позволяют и далее совершенствовать различные стандарты, являющиеся важными инструментами в борьбе с коррупцией. На их основе появляется возможность выявления, отслеживания, конфискации коррупционных доходов.

Заключение

Международные акты по противодействию коррупции, ратифицированные многими государствами, свидетельствуют, что борьба с коррупцией никогда не заканчивается. Их можно рассматривать как ключевые международные документы, воздействие существующих в них правовых норм велико. Конвенция ООН против коррупции оказала влияние на развитие коллективных действий, антикоррупционных соглашений во многих регионах.

В Африке – на создание Конвенции Африканского союза по предотвращению коррупции и борьбе с ней. В США – на принятие Международной конвенции по борьбе с коррупцией. В странах азиатско-тихоокеанского региона – на разработку плана действий ADB-OECD, который содержит жесткие формы наказания за коррупцию.

Европейский регион имеет Конвенции совета Европы по уголовному праву, граж-

данскому праву, соглашение о создании группы стран по борьбе с коррупцией, конвенции Европейского союза по защите финансовых интересов Европейских сообществ и о борьбе с коррупцией. Задействуются все юридические средства для правового регулирования, правового воздействия и запуска организационных механизмов антикоррупционного свойства.

Применение различных научных методов в процессе исследования позволило сформулировать некоторые предложения по совершенствованию международных антикоррупционных стандартов, опирающихся на императивные международно-правовые предписания. В частности, предлагается:

- создать под эгидой ООН специальную межведомственную комиссию, которая смогла бы сформулировать основные критерии, опираясь на которые стороны могли бы в национальных антикоррупционных законодательствах предусмотреть регулятивные механизмы выполнения международных договоров с учетом международно-правовых юрисдикций и принятых обязательств;

- развивать возможности «рекомендательного права», которые могут быть динамичными при создании в странах Методических рекомендаций по применению Международных антикоррупционных конвенций.

Совершенствование законодательства, реализация национальных планов противодействия коррупции должны носить комплексный характер, не ограничиваясь сферами государственного и муниципального управления, а распространяться на публично-правовую, частную сферу, подкрепляться механизмами антикоррупционной стандартизации, пропаганды и мониторинга.

Литература:

1. Митин А.Н. Попустительство коррупции превращает государство в «территорию» // Бизнес. Менеджмент. Право. 2008. №1(16).
2. Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993.
3. Фромм Э. «Иметь» или «быть». М., 2006.
4. Гальперин И.М. Организованная преступность, коррупция, уголовный закон // Социалистическая Законность. 1989. № 4.
5. Волженкин Б.В. Коррупция. СПб., 1998.
6. Россия и коррупция: кто кого? Аналитический доклад рабочей группы регионального общественного фонда «Информатика для демократии». М., 1998.
7. Коррупция и коррупционные преступления // Законность. 2000. № 6.

8. Максимов В.К., Наумов Ю.Г. Коррупция (социально-экономические и криминологические аспекты). М., 2006.
9. Кузнецов П.У., Митин А.Н. Коррупция в социальной, информационной и правовой реальности // Коррупция: коллективная монография с иностранным участием. Екатеринбург, 2017.
10. Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб., 2005.
11. Криминология: учебник / Под. ред. В.Н. Кудрявцева и В.Э. Эминова. М., 2006.
12. Суханов В.А. Международное сотрудничество в борьбе с коррупцией в органах власти. Дисс... канд. полит. наук. М., МГИМО, 2014.

INTERNATIONAL ANTI-CORRUPTION PRACTICES

Introduction. The article is devoted to the study of problems of corruption in foreign countries. Corruption is seen as the inefficiency of public administration associated with a violation in relations between the principal and the agent: the first receives services, the second provides them.

It is noted that corruption is the abuse of state and municipal authorities for private gain. A sharp rise in corruption was noted by researchers in the XIX century. At the same time, the first attempts to counter it at the legislative level appeared. At the end of the 20th century (December 17, 1979), the UN General Assembly adopted the Code of Conduct for Law Enforcement Officials. The legal basis for the definition of corruption was the adoption in 2003 of the UN Convention against Corruption, and three years earlier the Convention against Transnational Organized Crime. For the first time, the thesis was voiced that the fight against corruption is the responsibility of states, and for its effectiveness a comprehensive interdisciplinary approach is needed. In this regard, researchers decided to note the multiplicity of causes of corruption, highlighting the legal, economic, institutional and socio-cultural factors, as well as dividing corruption into white, gray and black. According to the geographical classification and the statement that there are no non-corruption countries, they build several models of corruption: Asian, African, Latin American, European.

Researchers agree that the level of corruption in all countries depends on the institutional environment and social conditions; it remains an important political phenomenon.

Materials and methods. The methodological basis of the study was a set of general scientific methods, special methods of cognition of international practice, phenomena and processes (analytical examination, synthesis, system-oriented and functional-analytical approaches, interpretation and characteristics of legal norms, comparative legal analysis).

Results. In the course of the analytical study, the resources involved in the orbit of corruption, the terms and definitions of this dangerous phenomenon, the legal basis of such definitions proposed by the international community were characterized. International documents of a recommendatory nature relating to the fight against corruption, state anti-corruption programs of individual countries, formed some recommendations of an anti-corruption nature were considered.

Discussions and conclusions. The application of an integrated interdisciplinary approach to the formation and implementation of systemic activities in which the democratization of public life and the transparency of the activities of all authorities are obvious and necessary is substantiated.

Alexander N. Mitin A. N.,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Head of the Department of Theory and Practice of Management, Ural State Law University

Peter Uv. Kuznetsov,
Doctor of Law Sciences, Professor, Head
of Department of Information Law, Ural State
Law University.

Ключевые слова:

Коррупция, модели коррупции, коррупционная преступность, Конвенция ООН, международные документы, антикоррупционные программы, зарубежный и отечественный опыт, рекомендации.

Keywords:

corruption, models of corruption, corruption crime, the UNO convention, international documents, anticorruption programs, foreign and domestic experience, recommendations.

References:

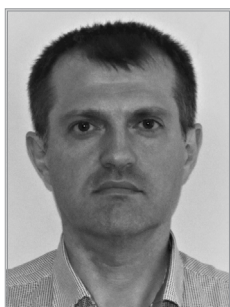
1. Mitin A.N., 2008 Popustitelstvo korrupcii prevrashchaet gosudarstvo v «territoriyu» [Conniving corruption turns the state into "territory"]. *Biznes. Menedzhment. Pravo* [Business. Management. Law]. №1(16).

2. Mizes L. fon., 1993. Biurokratiia. Zaplanirovannyi khaos. Antikapitalisticheskaia mentalnost [Bureaucracy. Planned chaos. Anti-capitalist mentality]. Moscow.
3. Fromm E., 2006. «Imet» ili «byt» [“To have” or “to be”]. Moscow.
4. Galperin I.M., 1989. Organizovannaia prestupnost, korruptciia, ugovovnyi zakon [Organized crime, corruption, criminal law]. *Socialisticheskaya zakonnost' [Socialist Legality]*. № 4.
5. Volzhenkin B.V., 1998. Korruptciia. [Corruption]. Saint-Peterburg.
6. Rossiia i korruptciia: kto kogo? Analiticheskii doklad rabochei gruppy regionalnogo obshchestvennogo fonda «Informatika dlia demokratii» [Russia and corruption: who wins? Analytical report of the working group of the regional public fund “Informatics for Democracy”]. Moscow, 1998.
7. Korruptciia i korruptcionnye prestupleniia [Corruption and Corruption Crimes]. *Zakonnost' [Legality]*. № 6. 2000.
8. Maksimov V.K., Naumov Iu.G., 2006. Korruptciia (sotsialno-ekonomicheskie i kriminologicheskie aspekty) [Corruption (socio-economic and criminological aspects)]. Moscow.
9. Kuznetsov P.U., Mitin A.N., 2017. Korruptciia v sotsialnoi, informatcionnoi i pravovoi realnosti [Corruption in the social, informational and legal reality]. *Korruptciia: kollektivnaia monografiia s inostrannym uchastiem [Corruption: collective monograph with foreign participation]*. Ekaterinburg.
10. Golik Iu.V., Karasev V.I., 2005. Korruptciia kak mekhanizm sotsialnoi degradatsii. [Corruption as a mechanism of social degradation]. Saint-Peterburg.
11. Kriminologiya: uchebnik / Pod. red. V.N. Kudriavtseva i V.E. Eminova, [Criminology]. Moscow, 2006.
12. Sukhanov V.A., 2014. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v borbe s korruptciei v organakh vlasti [International cooperation in the fight against corruption in government]. Diss... kand. polit. nauk. Moscow, MGIMO.

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ НЕПРИЗНАННОЙ ДОНЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Евгений Котов*

DOI 10.24833/2073-8420-2019-2-51-72-80

Введение. В статье представлен обзор отдельных результатов управления экономикой государства с особым статусом на примере Донецкой Народной Республики. В результате военно-политического конфликта вновь образованное государство вынуждено создавать собственную систему управления экономикой. В условиях ограниченных возможностей это требует, с одной стороны, учета имеющихся возможностей и внешних ограничений с целью обеспечения текущих потребностей общества, а с другой – разработки стратегии долгосрочного развития, включающей определение собственной экономической модели развития, идентификацию и прогнозирование государством угроз и рисков будущего, которые окажут корректирующее воздействие на создаваемую социально-экономическую систему. Решение этой двудеиной задачи тем более актуально, чем больше государственная система управления экономикой заимствует старые инструменты и механизмы, восстанавливает технологические цепочки, доказавшие свою экономическую бесперспективность еще в доконфликтный период. В статье приведен краткий анализ предпосылок формирования системы государственного управления экономикой и последствия реализации ее принципов.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы познания организационно-экономических явлений и процессов в сфере государственного управления экономикой: сравнительный метод; формально-логический метод; статистический метод, метод группировок, метод анализа и синтеза, метод подстановок.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа выявлено, что система управления экономикой государства с особым статусом требует повышенного внимания, ресурсов и времени. В настоящее время она прошла только первые ступени своего формирования, все еще не закончив свою первую стадию организации – стадию становления. Система управления экономикой государства с особым статусом все еще находится в процессе поиска эффективных механизмов и инструментов государственного управления и определения приоритетных направлений экономического развития. Это объясняет и попытки восстановить устаревшие технологические цепочки, несмотря на то, что они и в более благоприятных условиях демонстрировали девальвацию своего экономического потенциала, и продолжающуюся неопределенность с выбором экономической модели развития, когда старые механизмы уже не работают, а новые еще не разработаны.

* **Котов Евгений Валериевич**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры теории управления и государственного администрирования Донецкой академии управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики.
e-mail: kotovev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0926-3072

Обсуждение и заключение. Показаны недостатки сформированной системы управления экономикой государства с особым статусом, обусловленные использованием устаревших организационных и экономико-производственных принципов и инструментов. Обоснована актуальность разработки собственной модели экономического развития в условиях ограниченных возможностей.

Введение

Усиление экономических противоречий обуславливают ускорение процессов трансформации современного миропорядка, заставляя действующие союзы и регионы менять стратегию и тактику своего поведения [1]. Появление на политической карте мира все новых непризнанных государств является одним из последствий нарастания таких противоречий. Именно поэтому исследование предпосылок появления и процессов формирования, становления и развития новых государств, создающихся в результате переосмысления своего места в истории и на географической карте, становится важным для понимания причин и последствий потенциальных геополитических и геоэкономических трансформаций. Накопленный опыт, тщательно проанализированный и систематизированный, позволит избежать последователям ошибок предшественников и в ускоренном режиме более качественно построить основы государственности территорий, вставших на путь самоопределения.

Исследование

Новая волна создания непризнанных государств на постсоветском пространстве началась в 2014 г., через 23 года после первой волны самоопределений, спровоцированных развалом Советского Союза. Начало 90-х годов прошлого столетия, как и сегодняшний период, также отличалось публичными призывами к сохранению единства, а на практике реализовался противоположный сценарий¹. В научной литературе предпосылки, последствия и условия протекания процессов

становления государственности описаны достаточно подробно и с различных позиций.

М. Калдор в своей работе «Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху» в ретроспективе показывает, как меняются сущность конфликта по поводу приобретения государственности и инструменты, которые используются при формировании новых государств [5]. На постсоветском пространстве по проблеме непризнанных государств наиболее известна работа Добронравина Н.А., в которой он рассматривает политико-правовые аспекты появления и признания новых государств [3]. Стоит отметить, что исследования именно политических и/или правовых проблем получили более широкое распространение [9, 10, 12, 13], чем исследования, направленные на выявление особенностей и закономерностей создания новым государством своей системы управления экономикой. Именно поэтому в данной статье сделана попытка обобщить опыт управления экономикой в новых условиях и раскрыть основные результаты этого управления на примере Донецкой Народной Республики (далее – ДНР).

Независимость ДНР была провозглашена 12 мая 2014 г., после проведенного днем ранее всенародного референдума о самоопределении и на основании Декларации о суверенитете от 7 апреля 2014 г. Первым и важным управленческим решением было принятие постановления Совета Министров «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» (от 02.06.2014 № 9-1)². В условиях отсутствия собственной нормативной правовой базы, право применения законодательства Украины, в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете и Конституции Донецкой Народной

¹ В данном контексте можно вспомнить знаменитую речь Джорджа Буша в Верховном Совете УССР перед народными депутатами республики, членами Кабинета Министров УССР, представителями политических партий, общественных организаций, в которой он призывал не разрушать СССР, а перезаключить союзный договор на новых условиях.

² Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики №9-1 от 02.06.2014г. «О применении Законов на территории ДНР в переходный период». 2014. URL: <http://doc.dnr-online.ru/doc/dokumenty-soveta-ministrov/postanovlenie-9-1-ot-02-06-2014g-o-primenenii-zakonov-na-territorii-dnr-v-perexodnyj-period/> (дата обращения: 03.06.2019).

Республики, было исключительно актуальным для формирующейся системы управления ДНР.

В начальный период становления самопровозглашенной государственности внимание правовым проблемам, возможно даже в ущерб экономическим, было оправдано. Весь 2014 г. государственное управление сосредоточилось на нескольких направлениях: активизации процессов самоорганизации и мобилизации имеющихся в наличии ресурсов, в том числе кадровых, формировании собственной системы органов власти с перспективой жесткой централизации управления и минимизацией процессов самоуправления, создании элементарных основ социальной защиты населения. Период кризиса всегда актуализирует процессы мобилизации и самоорганизации социально-экономических систем [2, 6].

Начиная с июня 2014 г. из ДНР начался массовый исход населения и предприятий на территорию Украины. Точных данных выехавших в открытом доступе нет, но визуально, например, г. Донецк выглядел «опустевшим» более чем на 2/3. Процесс выезда предприятий ускорился в ноябре 2014 г., когда вступили в силу два нормативных документа, согласно которым все бюджетные учреждения должны были покинуть территорию не подконтрольную Украине³.

Часть населения вернулась назад уже осенью 2014 г., а сам процесс возвращения продолжался еще в течение 2015 г. Люди возвра-

щались по нескольким причинам, главными из которых было наличие собственности в ДНР и отсутствие материальных возможностей оставаться в Украине или России. В Украине в результате резко возросшего спроса на аренду жилья, цены увеличились в несколько раз, что только стимулировало людей возвращаться. У тех, кто выехал в Россию, среди причин возвращения также доминировал материальный фактор, который подкреплялся наличием миграционных препятствий в получении рабочего места и законном нахождении на ее территории.

Начиная с 2016 г. численность постоянного населения устойчиво, с ускоряющейся динамикой, сокращается (табл. 1). Основной вклад вносит естественная убыль населения, которую невозможно компенсировать даже существенным миграционным притоком. В 2017 г. зафиксирован пик миграционной активности, когда количество прибывших превысило количество выбывших. Однако делать однозначные обнадеживающие выводы о причинах всплеска роста миграционного прироста за 2015-2017 гг. нельзя в виду недостаточности информации по данному вопросу. Также не представляется возможным подтвердить устойчивость этого явления в 2019 г., вследствие того, что по состоянию на июль 2019 г. Государственное управление статистики ДНР не опубликовало в открытом доступе данные по основным демографическим показателям.

Таблица 1. Динамика основных демографических показателей Донецкой Народной Республики⁴

Наименование показателя	04.2015*	2015	2016	2017	2018	05.2019*
Численность постоянного населения, тыс. чел.	2312,4	2326,3	2306,3	2293,4	2276,6	2269,1
Динамика численности постоянного населения, тыс. чел.	x	13,9	-20,0	-12,9	-16,8	-7,5
Естественный прирост/сокращение населения, тыс. чел.	x	-20,1	-23,1	-21,9	x	x
Миграционный прирост/сокращение населения, тыс. чел.	x	-0,06	2,0	9,0	x	x

Примечание:

x – статистические данные отсутствуют;

** – данные приведены соответственно на 1 апреля 2015 года и 1 мая 2019 года.*

³ Постановление Кабинету Міністрів України від 7 листопада 2014 р. № 595 «Деякі питання фінансування бюджетних установ, здійснення соціальних виплат населенню та надання фінансової підтримки окремим підприємствам і організаціям Донецької та Луганської областей, а також інших платежів з рахунків, відкритих в органах Казначейства». Верховная Рада Украины. 2014. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/595-2014-%D0%BF> (дата обращения: 03.06.2019).

Указ Президента України від 4 листопада 2014 року № 875/2014 «Про невідкладні заходи щодо стабілізації соціально-економічної ситуації в Донецькій та Луганській областях». Верховная Рада Украины. 2014. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/875/2014> (дата обращения: 03.06.2019).

⁴ Таблица построена на основании статистических данных, приведенных Главным управлением статистики Донецкой Народной Республики на официальном сайте <http://glavstat.govdnr.ru/> и расчетах автора.

В результате естественного сокращения численность населения ежегодно уменьшается в среднем на 20 тыс. чел. Превышение смертности над рождаемостью свидетельствует не только об отказе населения детородного возраста воспроизводить человеческую популяцию, но и подтверждает высокую концентрацию на территории ДНР населения пожилого и старого возраста⁵. Это влечет за собой масштабные геронтологические проблемы, решение которых требует соответствующего правового регулирования и значительных материально-финансовых затрат [11]. Спектр проблем очень широк, начиная от необходимости расширять перечень, повышать качество и доступность медицинских услуг до изыскания средств на социальную поддержку данной социальной группы, особое место в которой занимает пенсионное обеспечение.

Назревающий демографический кризис становится системной проблемой, а не циклической, решение которой не произойдет само собой. Требуется активное и целенаправленное вмешательство государства, с применением инструментов и методов, ранее не использовавшихся и с не апробированной эффективностью, вплоть до существенной трансформации социально-экономической политики, основанной на новой философии социально-экономических процессов и отношений. Государство все настойчивее попадает в тиски, где, с одной стороны, естественная убыль населения, которую не удастся даже затормозить государственными мерами по стимулированию рождаемости, а с другой стороны, неразвитость условий для повышения внешней миграции, способной эту убыль компенсировать. К тому же, внешняя миграция, которая усилилась в последние годы, может решить количественные проблемы, но при этом не только не решить, а даже и углубить качественные. Миграционный поток в ДНР может быть представлен двумя направлениями – со стороны Украины и со стороны других стран постсоветского пространства. Последний представлен населением, предъявляющим слабые требования к институтам развития человеческого потенциала (образование, здравоохранение, наука), что не способствует решению про-

блемы повышения качества человеческого капитала.

Возможности внутренней модернизации экономики, направленной на развитие сектора услуг, где возрастные рамки работников несколько больше, чем в промышленном секторе, не поможет значительно снизить остроту геронтологических проблем по причине малых масштабов, обусловленных внешней непризнанностью государства с особым статусом. Теоретически остается метод, используемый Украиной, где на фоне падения объемов промышленного производства наблюдается значительное увеличение оттока трудоспособного населения за границу с последующей финансовой поддержкой оставшихся родственников. Запущенный процесс ускоренного получения гражданства Российской Федерации⁶ для жителей ДНР в какой-то степени будет способствовать реализации данной стратегии.

В начале 2019 г. Министерством экономического развития Донецкой Народной Республики (МЭР ДНР) были обнародованы некоторые экономические показатели, отражающие результаты работы экономики в 2017-2018 гг. (табл. 2). Ранее министерство в открытых источниках не давало абсолютных показателей, предпочитая демонстрировать результаты функционирования экономики сквозь призму относительных показателей, что позволяло показывать ежегодную прогрессивную динамику. Однако в контексте качественной оценки экономического развития они были не совсем объективны, в том числе по причине «низкой» сравнительной базы и невозможности провести независимую оценку динамики изменений фактических показателей и результатов их взаимосвязей с другими показателями.

На фоне роста численности занятости в 2018 г. происходит серьезное падение производительности труда, что свидетельствует о снижении автоматизации и роботизации экономических процессов и росте доли живого труда в экономических результатах государства с особым статусом. Другими словами, в экономике наметились тенденции к деиндустриализации, причем в худшей ее интерпретации, когда деградация производственного потенциала не компенсируется процессами развития сферы услуг.

⁵ Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) официально определяет, что пожилой возраста наступает в 60 и продолжается до 74 лет, а старость начинается после 75 лет.

⁶ Указ об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство России в упрощенном порядке. 2019. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/60358> (дата обращения: 03.06.2019).

Таблица 2. Динамика отдельных экономических показателей и их экономическая оценка⁷

Наименование показателя	2017	2018	Отклонение, +/- (%)
<i>Фактические показатели</i>			
Среднесписочная численность штатных работников, тыс. чел.	352,0	354,0	+ 2,0 (+0,6%)
Производительность труда, рос. руб./чел.-часов	178,3	167,2	- 11,1 (- 6,2%)
Задолженность по выплате заработной платы, млн. рос. руб.	1647,7	1554,6	- 93,1 (- 5,6%)
Среднемесячная заработная плата штатных работников, рос. руб.	9697	10892	+ 1195 (+ 12,3%)
<i>Расчетные показатели</i>			
Объем выпуска продукции, тыс. рос. руб./час	62761,6	59188,8	- 3572,8 (- 5,7%)
Объем выпуска продукции за счет роста среднесписочной численности штатных работников, тыс. рос. руб./час	x	63118,2	63118,2 – 62761,6 = 356,6 (+ 0,6%)
Объем выпуска продукции за счет падения производительности труда, тыс. рос. руб./час	x	59188,8	59188,8 - 63118,2 = - 3929,4 (-6,3%)

О компенсаторном потенциале агросферы говорить сложно, вследствие крайне низкой его доли в ВВП ДНР.

Падение производительности труда на фоне роста численности занятых – первый признак деиндустриализации экономики. Данная тенденция свидетельствует, что производство валового внутреннего продукта происходит за счет наращивания живого труда, который, в отличие от механизированного (роботизированного), широко используется в отраслях, функционирующих по принципу убывающей экономической отдачи, не требующих серьезного усложнения и интеллектуализации производственных операций. Экономическим последствием деиндустриализации становится снижение объемов производства продукции, которое уже невозможно остановить за счет увеличения численности занятых в экономических процессах. Необходимо отметить, что в условиях внешних и внутренних ограничений проблема новой индустриализации старопромышленного базиса ДНР очень актуальна, но ее решение потребует задействования всех имеющихся ресурсов и мобилизации всех возможностей [7], несмотря на то, что концепция реиндустриализации экономики начинает терять свою актуальность [8].

Снижение объемов производства выразилось в изменении часового объема выпуска продукции в 2018 г., которое стало отрицательным (-5,7%). При этом формирование данного показателя произошло за счет падения производительности труда (-6,3%), которое было частично компенсировано экстенсивными факторами – ростом среднеспи-

сочной численности занятых (+0,6%) (табл. 2). Таким образом, увеличение численности занятых дает единицу прироста экономического результата, а рост производительности труда – 10 единиц, что в который раз подтверждает преимущество интенсивных факторов экономического роста над экстенсивными.

Серьезные проблемы существуют в сфере оплаты труда. По данным МЭР ДНР, задолженность по заработной плате в 2018 г. снизилась лишь на 5,6% [4]. При сохранении данных темпов погашение существующей задолженности произойдет через 18 лет. Наличие задолженности по заработной плате и низкие темпы ее погашения становятся одними из основных причин снижения занятости по всем отраслям экономики, за исключением промышленного сектора. Так, в 2018 г. по данным МЭР ДНР, по всем остальным отраслям было падение: в строительстве на 18,4%, в сфере оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств и мотоциклов – на 4,8%, в сфере транспорта, складского хозяйства – на 3,3%, в сельском, лесном и рыбном хозяйстве – на 0,7% [3]. Лишь увеличение уровня занятости в промышленности на 4,7% позволило по итогам года выйти на общий рост занятости в 0,6%.

Падение производительности труда на фоне роста среднемесячной заработной платы свидетельствует о серьезных проблемах, связанных со снижением веса производственного сектора в формировании экономики. Как уже отмечалось ранее, часовая производительность труда в 2018 г. упала

⁷ Таблица построена на основании данных, приведенных Министерством экономического развития Донецкой Народной Республики на официальном сайте (URL: http://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6403:itogi-raboty-minekonomrazvitiya-za-2018-god&catid=8&Itemid=141), и расчетов автора.

на 6,2% (табл. 2), а среднемесячная зарплата, пусть и недостаточными темпами, но растет. В связи с тем, что движение среднемесячной зарплаты и производительности труда имеют разнонаправленный характер, то можно предположить, что рост зарплаты связан не с прогрессивными изменениями в производительном секторе экономики, а с повышением заработной платы в ее непроизводительном секторе, выполняющем функции государственного управления, защиты и поддержания правопорядка, надзора и регулирования. Сложившаяся ситуация несет в себе чрезвычайно серьезные риски для экономики, провоцируя негативные дисбалансы в ее структуре. Несогласованные изменения в оплате труда в непроизводительном (государственное управление, силовые структуры, контролирующие органы) и производительном (промышленность) секторах экономики влекут за собой рост социальной напряженности и стимулируют миграцию квалифицированных рабочих кадров за пределы ДНР, при одновременном усилении забюрократизированности государственного регулирования экономики.

Главными причинами вышеназванных негативных последствий экономического развития стали асинхронность развития структуры экономики и дивергенция «инновационного треугольника» – «наука-образование-производство». Вследствие отсутствия понимания образа экономической модели государства невозможно обеспечить прогрессивные структурные преобразования в экономике. Определяющее (причинное) влияние сформированного понимания строящейся модели экономики на государственную экономическую политику, ее изменения и воздействие на институты и институциональные изменения исключительно высокое [14]. Имеющийся управленческий и предпринимательский опыт был сформирован в доконфликтный период, не склонен к модернизации и приветствует ранее апробированные организационные методы и механизмы. Это приводит к восстановлению экономической системы и отношений внутри нее на понятных управленческому аппарату принципах.

В результате, в структуре экономики ускоренными темпами восстанавливаются те отрасли и виды деятельности, которые были наиболее развиты в доконфликтный период. Необходимо отметить, что это в основном добывающие отрасли, обладающие убывающей экономической отдачей, и отрасли первичной обработки ресурсов, не ис-

пользующие высокотехнологичные производства. Применительно к ДНР именно их влияние оказалось определяющим в ускоренном восстановлении горно-металлургического комплекса, в частности технологической цепочки «уголь-кокс-металл», пищевой промышленности и сельского хозяйства, и более низких у машиностроения, в частности для того же горно-металлургического комплекса и бытового назначения, фармацевтического производства и инженерных услуг.

Остальные структурные подсистемы демонстрируют крайне низкие темпы восстановления, что и свидетельствует об асинхронности развития структуры экономики. Процессы асинхронного развития обусловлены не только управленческим и предпринимательским опытом, но и структурой рабочей силы и внешними политико-экономическими ограничениями. В совокупности эти факторы сдерживают формирование прогрессивной структуры экономики.

Ускоренное восстановление технологической цепочки «уголь-кокс-металл» несет для экономики дуальный эффект. С одной стороны, она позволяет сдерживать рост безработицы и эмиграции, падение уровня жизни, задействуя на своих и сопредельных предприятиях оставшиеся в большом количестве кадры соответствующей квалификации, одновременно обеспечивая приемлемый, хотя и не совсем достойный, уровень доходов, позволяющий удовлетворять на минимальном уровне хотя бы физиологические потребности. С другой стороны - ее гипертрофированное развитие, обеспечивающее некое подобие стабильности на рынке труда и в сфере доходов населения, не стимулирует а на определенных этапах даже демотивирует, систему государственной власти к активному поиску замены в ближайшем будущем данной технологической цепочки в сегодняшнем формировании и последующем развитии других более перспективных с позиции современной экономики видов производств, входящих в технологические цепочки в рамках экономики Республики или выходящих за ее пределы, то есть встроенных в международные цепочки создания стоимости. Все это актуализирует поиск и формирование новых моделей экономического роста.

Инновационность экономик сдерживается дивергенцией в системе «наука-образование-производство». Вместо конвергенции отношений в «инновационном треугольнике», в том числе через создание совместных

платформ для партнерства, происходит атомизация всех его трех подсистем. При этом процессы атомизации прогрессируют и распространяют свое влияние на внутреннюю среду каждой из подсистем, разрушая горизонтальные связи внутри каждой из них.

Производители крайне слабо мотивированы задействовать отечественный научно-технический потенциал при разработке и производстве товаров и услуг, предпочитая зарубежные технологии и организационные подходы по трем основным причинам – имидж, лучшая информированность о них и отсутствие качественной альтернативы (в том числе недостаточный уровень послепродажного обслуживания) со стороны национальных разработчиков. Основным последствием углубляющегося разъединения подсистем в «треугольнике инноваций» является продолжающееся расширение пропасти между производителями инноваций и производителями продукции. Первые, обладая знаниями, не имеют допуска к их практической апробации, а вторые – не заинтересованы в допуске первых на свои производства ввиду потенциальных затрат времени и средств, что неизбежно повлечет за собой потерю прибыли.

Заключение

До сих пор государством использовалась модель восстановительного роста, преимуществами которой были низкая база сравнения, а оправданиями выступали военное положение и разрыв производственно-экономических связей, высокий дефицит квалифицированных кадров. По прошествии пяти лет можно с уверенностью сказать, что данная модель исчерпала свои возможности и даже больше, стала опираться на бесперспективные виды производства, становясь тормозом экономического развития. Остро встал вопрос о формировании новой модели экономического роста на основе реализации новой экономической политики государства с особым статусом, способной успешно конкурировать за человеческий и инвестиционный капитал. Из всего разнообразия имеющихся вариантов главнейшим будет повышение доверия к государству со стороны населения и предпринимателей, что в свою очередь повлечет за собой повышение предпринимательской активности бизнеса и обострение здоровой конкуренции и, как следствие, появление передовых видов производственной деятельности.

Литература:

1. Балацкий Е.В. Предпосылки глобальной геополитической инверсии // TERRA ECONOMICUS. 2014. Т. 12. № 3.
2. Дерябина М.А. Теоретические и методологические основания самоорганизации социально-экономических систем // Вопросы экономики. 2019. № 7.
3. Добронравин Н.А. Модернизация на обочине: выживание и развитие непризнанных государств в XX-начале XXI века. СПб., 2013.
4. Итоги работы Минэкономразвития за 2018 год. 2019 // <http://mer.govdnr.ru>.
5. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М., 2015.
6. Корнейчук Б.В. Мобилизационные сценарии развития: источники и последствия // TERRA ECONOMICUS. 2017. Т. 15. № 1.
7. Котов Е.В. Реиндустриализация экономики в условиях формирующейся государственности // Журнал экономической теории. 2017. № 3.
8. Мамедов О.Ю. Нам нужна не реиндустриализация, нам нужна - реэкономизация! // TERRA ECONOMICUS. 2016. Т. 14. № 4.
9. Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты: сб. мат-лов Всероссийской научной конференции. Самара, 28 октября 2016 г. / Отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара, 2016.
10. От самоопределения к международному признанию: Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Южная Осетия / Под ред. И.М. Благодатских. Тирасполь, 2008.
11. Российский постиндустриальный экспорт: вызовы и перспективы: Доклад к XVIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 11-14 апр. 2017 г. / Рук. авт. кол. Н.В. Акиндинова, Л.И. Яковсон. М., 2017.
12. Сергеева Л.В. Проблема понятийно-категориального аппарата при классификации типов непризнанных (частично признанных) государств постсоветского пространства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. Ч. 2. № 5.

13. Соколов С.Н. Перспективы непризнанных государств в XXI в. / Правовое обеспечение политической и общественной деятельности: сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции. М., 2017.
14. Тамбовцев В.Л. Идеи и интересы, экономическая политика и институты. Вопросы экономики. 2019. № 5.

ECONOMIC MANAGEMENT OF THE UNRECOGNIZED DONETSK REPUBLIC: LEGAL FRAMEWORK, PATTERNS, PROSPECTS

Introduction. The review of individual results of economic management of the state with a special status evidenced by the Donetsk People's Republic is provided in this article. The newly formed state has to create its own economic management system as a result of the military-political conflict.

The conditions of limited opportunities require, on the one hand, taking an account of available opportunities and external constraints for the purpose of providing for current societal needs, and on the other hand – a strategy for a long term economic development, which should contain the development of its own economic model, identification and prediction by the government of future threats and risks, which will provide a correction impact on the social-economic system. The more the republic's economic management system borrows old tools and mechanisms, restores technological chains that have proved their economic futility in the pre-conflict period, the more urgent the solution of this dual problem is. The article provides a brief analysis of the prerequisites for the formation of a management system for the republic's economy and the consequences of the implementation of its principles.

Materials and methods. The methodological basis of this research includes the following general scientific and special methods of cognition of organizational and economic phenomena and processes in the field of public economic administration: comparative method; formal-logical method; statistical method, grouping method, method of analysis and synthesis, substitution method.

Results of the research. As a result of the analysis, it was revealed that the economic management system of a state with a special status requires increased attention, resources and time. Currently, it has passed only the first stages of its formation, has not completed its first stage of organization – the stage of formation. The system of managing the state's economy with a special status is still in the process of searching for effective mechanisms and instruments of government and determining priority areas for economic development. This explains both attempts to restore outdated technological chains, despite the fact that they demonstrated a devaluation of their economic potential under more favorable conditions, and continuing uncertainty with the choice of an economic development model, when the old mechanisms no longer work and the new ones have not yet been developed. Discussion and conclusions. The drawbacks of the formed system of managing the state economy with a special status, caused by the use of outdated organizational and economic-production principles and tools are shown. The urgency of the development of its own model of economic development in conditions of limited opportunities is grounded.

Evgeny V. Kotov, Candidate of Economic Sciences, Senior researcher, Associate Professor of the Department of Management Theory and Public Administration, Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of the Donetsk People's Republic.

Ключевые слова:

управление, экономика, государство с особым статусом, военно-политический конфликт, стратегическое планирование, производительность труда, деиндустриализация, инновационный треугольник.

Keywords:

management, economy, state with a special status, military-political conflict, strategic planning, labor productivity, deindustrialization, innovation triangle.

References:

1. Balatsky E.V., 2014. Predposylki global'noi geopoliticheskoi inversii [Prerequisites for global geopolitical inversion]. *TERRA ECONOMICA*. Т. 12. № 3.
2. Deryabina M.A., 2019. Teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniia samoorganizatsii sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [Theoretical and methodological bases of self-organization of socio-economic systems]. *Voprosy ekonomiki*

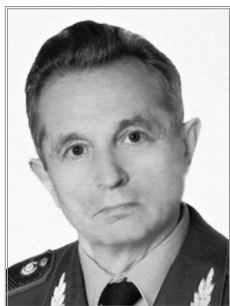
[*Economic issues*]. № 7.

3. Dobronravina, N.A., 2013. Modernizatsiia na obochine: vyzhivanie i razvitie nepriznannykh gosudarstv v XX - nachale XXI veka [Roadside Modernization: The Survival and Development of Unrecognized States in the 20th and Early 21st Centuries]. St. Petersburg.
4. Itogi raboty Minekonomrazvitiia za 2018 god. 2019. URL: <http://mer.govdnr.ru>.
5. Kaldor M., 2015. Novye i starye voyny: organizovan noenasilie v global'noi epokhu [New and Old Wars: Organized Violence in the Global Era]. Moscow.
6. Korneychuk B.V., 2017. Mobilizatsionnye stsennari razvitiia: istochniki i posledstviia [Mobilization development scenarios: sources and consequences]. *TERRA ECONOMICUS*. T. 15. № 1.
7. Kotov E.V., 2017. Reindustrializatsiia ekonomiki v usloviakh formirovaniia gosudarstvennosti [Re-industrialization of the economy in the conditions of the emerging statehood]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii [Journal of Economic Theory]*. № 3.
8. Mamedov O.Yu., 2016. Nam nuzhna ne reindustrializatsiia, nam nuzhna - reekonomizatsiia [We do not need re-industrialization, we need re-economization!]. *TERRA ECONOMICUS*. T. 14. № 4.
9. Nepriznannye gosudarstva: metodologicheskie, politicheskie i pravovye aspekty [Unrecognized states: methodological, political and legal aspects]: Coll. Mat-als All-Russian Scientific Conference. Samara, October 28, 2016. Executive editor A.N. Skvoznikov. Samara, 2016.
10. Ot samoopredeleniia k mezhdunarodnomu priznaniu: Abkhaziia, Nagorni Karabakh, Pridnestrov'e, Iuzhnaia Osetiia [From self-determination to international recognition: Abkhazia, Nagorno-Karabakh, Transnistria, South Ossetia]. Ed. by I.M. Blagodatskikh. Tiraspol, 2008.
11. Rossiiskii postindustrial'nyi eksport: vyzovy i perspektivy [Russian post-industrial exports: challenges and prospects]. Report. to XVIII Apr. international scientific conf. on problems of economic and social development. Moscow, April 11-14. 2017. Head of authors N.V. Akindinova, L.I. Jacobson. Moscow, 2017.
12. Sergeeva L.V., 2014. Problema poniatii no-kategorial'nogo apparata pri klassifikatsii tipov nepriznannykh (chastichno priznannykh) gosudarstv postsovetetskogo prostranstva [The problem of conceptual and categorical apparatus in classifying types of unrecognized (partially recognized) states of the post-Soviet space]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]*. Part 2. No. 5.
13. Sokolov, S.N., 2017. Perspektivy nepriznannykh gosudarstv v XXI v. [Prospects unrecognized states in the twenty-first century]. *Legal support of political and social activities: a collection of scientific papers on the materials of the II International Scientific and Practical Conference*. Moscow.
14. Tambovtsev V.L., 2019. Idei i interesy, ekonomicheskaia politika i instituty! [Ideas and interests, economic policies and institutions]. *Voprosy ekonomiki [Economic issues]*. № 5.

ДМИТРИЙ ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ – АВТОР ТИЛЬЗИТСКОГО МИРА

Вячеслав Сысоев*

DOI 10.24833/2073-8420-2019-2-51-81-88

Введение. В отечественной исторической науке утвердилось устойчивое единомыслие относительно биографии князя Д.И. Лобанова-Ростовского. Статья посвящена ему же – герою крымских сражений и русско-турецкой войны 1787-1792 гг., выдающемуся дипломату-миротворцу, внесшему огромный вклад в заключение Тильзитского мира¹, много сделавшему по укреплению западных границ России и формированию воинского резерва страны в 1812 году, командующему русской резервной армией в 1813 году; в течение 10 лет был поистине «Оком Императорским» в ранге министра юстиции и генерал-прокурора. Ему посчастливилось быть свидетелем разгрома и бегства наполеоновского войска за пределы России.

Материалы и методы. Методическая основа настоящего исследования – общенаучные и специальные методы познания исторических и правовых явлений и процессов, системно-сравнительный статистический анализ.

Результаты исследования. Выявлено и обоснованно доказано, что Александр I после поражения русской армии в июне 1807 года под Фридрихсландом принял верное решение начать переговоры с Наполеоном о перемирии, поручив вести их Лобанову-Ростовскому, который блестяще выполнил поручение императора. Мир в Тильзите был заключен. В то же время и Александр I, и Лобанов-Ростовский понимали, что войны с Францией не избежать. Заключение мира в Тильзите позволило России укрепить западные границы, подготовить армию, увеличить её численность и улучшить боеготовность.

Обсуждение и заключение. Результаты проведенного исследования свидетельствуют: вся деятельность Д.М. Лобанова-Ростовского, его жизнь были посвящены беззаветному служению России. Какие бы должности он ни занимал, его деятельность основывалась на вере в свой народ, на желании искренне служить своей стране.

Введение

Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский родился 20 сентября 1758 года, потомок одного из древнейших русских родов, ведущих родословную от Рюрика. В Бархатной книге и в других ро-

дословных книгах, сказано, что праправнук князя Владимира Святославовича, крестившего Русь, великий князь Всеволод Юрьевич: «...посади сына своего, князя Константина на княжение в Ростов» [12. С. 8-9]. Один из потомков его, князь Иван Александрович (Лобан) положил начало роду князей Лоба-

* **Сысоев Вячеслав Дмитриевич**, сопредседатель Союза литераторов России, действительный государственный советник юстиции II класса, Россия.
e-mail: sysoev@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-2772-5733

¹ Данная тема остается весьма актуальной и в зарубежной научной литературе [См., например: 20, 21]

новых-Ростовских, которые верой и правдой служили России.

Так, Василий Константинович в 1238 г. принял великие мучения «за отечество и за веру православную». Причислен церковью к лику святых [12. С. 9]. Прапрадед Дмитрия Ивановича, боярин Иван Иванович, был приближенным царя Алексея Михайловича, выполнял его особо важные поручения. В 1653 году ездил по поручению царя со стольником Камыниным к персидскому шаху Аббасу и вел переговоры по вопросу торговли, территориальных споров, незаконного задержания русских купцов [1. С. 540]. Летом 1656 года князь Иван Иванович был послан царем в Вильну в составе русских посланников: князя И.Н.Одоевского, дьяков Дохтурова и Юрьева для принятия решения с польскими высокопоставленными лицами об избрании Российского самодержца королем польским по кончине Яна Казимира [1. Т. V. С. 633-634].

С большим доверием относился другой царь - Александр I к потомку Ивана Ивановича - Дмитрию Ивановичу Лобанову-Ростовскому. По родословной книге П.Н. Петрова, Дмитрий Иванович и его двое братьев принадлежали к XXVIII колену Рюрика [13. С. 204]. Родители князя: отец Иван Иванович, ротмистр конной гвардии, и мать, Екатерина Александровна Куракина, княжна, дали своим детям превосходное по тем временам домашнее образование. Много времени уделяли их воспитанию, наделили лучшими человеческими качествами: благородством, добродетелью, благоразумием.

Неслучайным было ревностное отношение Дмитрия Ивановича к службе. Уже подростком в 1772 году он был записан на службу сержантом в лейб-гвардии Семеновский полк. Служить начал прапорщиком. С этого момента началась успешная его воинская карьера: отличился в крымских сражениях и в русско-турецкой войне, проявил храбрость при взятии крепостей Очаков и Измаил, а также в боевых действиях при Мичине. Был дважды тяжело ранен.

Вот одна из быстрых картин боя под Измаилом: «...воины первой колонны генерал-майора Львова захватили дунайские батареи... Налетели на них турки... Львов был ранен, его сменил полковник Лобанов-Ростовский и тоже получил ранение, команду принял полковник Золотухин» [10. С. 277].

За эти подвиги Лобанов-Ростовский награжден орденами: Св. Георгия 4-й и 3-й степени. Отличился и в боях польской кампании, проявил воинскую отвагу во время

штурма Праги. А.В. Суворов представил его к ордену Св. Владимира 3-й степени и к чину бригадира, наградил золотой шпалой «За храбрость» [11. С. 78]. В Высочайшей грамоте от 1 января 1795 года сказано: «Он ободрял собственным своим примером подчиненных, перешел под перекрестными выстрелами, вступил в ретраншамент, овладел батареями и простер поражение неприятеля даже до моста на Висле» [8. С. 262].

На исходе 1796 года Россия погрузилась в траур. Страна оплакивала кончину Екатерины II. Императрица расширила границы государства, при ней развивались науки и искусство, Россия стала великой державой.

Фортуна благоволила к Лобанову-Ростовскому и при Павле I. У отечественных и зарубежных историков в этом вопросе нет разногласий. Она любит честность, отвагу и здравый смысл. Дмитрий Иванович получил чин генерал-майора, орден Святой Анны первого класса, был назначен шефом Псковского мушкетерского полка, в 1798 году стал генерал-лейтенантом и военным Архангельским губернатором. Раны, полученные в сражениях давали о себе знать и 27 декабря 1798 года был уволен «по прошению» в отставку [3. С. 7].

В конце 1806 года Дмитрий Иванович вновь заступил на военную службу. Александр I, зная о его способностях и ценя его преданность делу и Отечеству, поручил ему командование 17-й дивизией, которая формировалась в Твери. Напутствуя его, Александр I писал ему: «Я уверен, что в исполнении сего не предстанет рвению вашему о благе общем никаких непреодолимых трудностей и что представляющееся невозможным обратите вы в возможное способами, какие откроют вам опытность, предусмотрительность и усердие к службе» [8. С. 263].

Системный исторический анализ показывает, что император не ошибся в своем выборе. Князь горячо взялся за дело, приводя в порядок дивизию и получил благодарность «за попечение и заботливость к успешному образованию вверенной ему дивизии».

В скором времени дивизия, руководимая Лобановым-Ростовским, присоединилась к войскам Беннигсена, находящимся близ Тильзита.

В это время роль главного полководца фактически выполнял Беннигсен. Фельдмаршал Каменский был стар и очень дряхл. Через неделю после назначения его главнокомандующим он из-за слабого здоровья вынужден был покинуть армию. В боях под Чарновым, Голымином и Пулту-

ском 1806 года не было выявлено победителей. К тому же силы России были отвлечены на Русско-турецкую войну, которая шла с начала 1806 года. Французскую армию и лично Наполеона на землях Польши встречали как освободителей и, кроме того, на стороне Наполеона был еще и альянс европейских стран. Не будем забывать, что в июне 1807 года под Фридландом русская армия потерпела поражение. Потери были невосполнимыми. В отечественной науке, как показало современное исследование, из создавшейся проблемы выход был только один. Уметь управлять – значит уметь выбирать верное решение. И оно было выбрано. Александр I в депеше Беннигсену разрешает начать переговоры о перемирии с Наполеоном от имени главнокомандующего, непосредственно ведение переговоров поручает Лобанову-Ростовскому, которому предписывает заключить с французским командованием перемирие сроком на один месяц, но не предлагать переговоров о мире. Если французская сторона первой предложит начать мирные переговоры, то следует ответить согласием и предъявить полученные полномочия [5. С. 613].

Исследование

Российские исследователи единодушно считают, что мудрый и осторожный Дмитрий Иванович, к счастью, владел искусством смотреть на события со всех сторон, внимательно наблюдая происходящее и оценивая его исключительно с позиции здравого смысла. Он сознавал, какой груз ответственности лег на его плечи. Как участник боевых сражений и очевидец всего происходящего он видел, что Россия исчерпала свои возможности, а времени на восстановление утраченного не было. Россия не имела резервной армии, не хватало провианта, нужного количества оружия и не было финансовых средств. У правящей элиты нарастал страх за свое будущее, плюс боязнь возможных революционных потрясений. Конечно, и у Франции тоже истощились силы для ведения затяжной войны, а Испания и Португалия не очень активно помогали ей в блокаде Англии, неизвестно, как поведут себя Австрия и та же Англия. Лобанов-Ростовский понимал: замирение нужно и Наполеону, и Александру I. Ведь не случайно Наполеон позволил русским и прусским корпусам без боя, со всеми обозами перейти реку Неман. Нежелание Французского императора воспользоваться успехами своей

армии и довершить разгром русских и прусских войск говорило о том, что он не хотел продолжать войну.

7 июня 1807 г. Дмитрий Иванович, выполняя поручение Александра I, встретился в Тильзите с маршалом Бертье, чтобы заключить перемирие и решить связанные с перемирием проблемы. Бертье настаивал на решении вопросов о временной границе, об отдаче французам крепостей Грауденц, Кольберг и Пиллау. Каждый из переговорщиков, не теряя достоинства, настаивал на своем. Князь Лобанов-Ростовский предложил эти вопросы решать Наполеону, а не Бертье. Александр I одобрил действия князя, сообщив ему, что свои намерения изложил в письме Беннигсену, коими и надо было руководствоваться.

В письме предписывалось ответить французскому командованию, что, поскольку крепости Грауденц, Пиллау и Кольберг не принадлежат России, он не может дать согласие на передачу их французской армии. Поручалось также сообщить о своем согласии начать переговоры о мире сразу же после подписания перемирия сроком на один месяц с условием, что войска обеих сторон сохранят занимаемые ими позиции» [5. С. 615].

Лобанов-Ростовский 10 июня 1807 г. встретился с Наполеоном. «Я много слышался об вас хорошего и благодарен императору Александру за сделанный им выбор» [3. С. 8-9], – сказал ему при встрече Наполеон. В тот же день полномочные подписали акт перемирия, в котором предусматривалось прекращение военных действий для переговоров о мире, предусматривалось также, что французская и прусская армии в течение 4-5 дней заключат особое соглашение с тем, чтобы французская армия не возобновляла наступательных действий против прусской, были определены границы российским и французским армиям. На период перемирия императоры России и Франции обязывались назначить полномочных для заключения мира. Предусматривалось назначение комиссаров для немедленного размена военнопленных. Обмен ратификаций должен состояться в главной квартире российской армии в течение 48 часов или раньше, «если будет возможно». Акт подписали во французском императорском лагере в Тильзите князь Невштательский, маршал Бертье и князь Лобанов-Ростовский [6. С. 617-618].

Александр I внимательно ознакомился с актом о перемирии и уполномочил Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата, вице-канцлера князя Куракина А.Б., приступить к соглашению о мире.

25 июня (7июля) 1807 года мир в Тильзите был заключен. Уже в первой статье провозглашались мир и совершенная дружба, далее говорилось о прекращении неприятельских действий; Пруссии были возвращены завоеванные Францией земли за исключением тех, которые в разные времена были во владении Польши, к России был присоединен Белостокский округ, Наполеон принял посредничество Александра I для заключения мира между Францией и Англией, Александр I принял посредничество Франции для заключения мира с Турцией; военнопленные взаимно должны быть возвращены без размена и все вместе, договаривающиеся стороны ручаются за целостность как их владений, так и тех держав, которые участвуют в мирном трактате, стороны договорились о восстановлении торговых отношений. Договор подписали: Князь Александр Куракин, Князь Дмитрий Лобанов-Ростовский, Князь Маврикий Талейран [5. С. 637-642].

27 июня (9 июля) 1807 г. договор был подписан обоими императорами. Главный пункт Тильзитского договора не был тогда опубликован: Россия и Франция обязались помогать другу во всякой войне, где только потребуется. [15. С. 176-177].

Результаты исследования

Итак, война закончилась. Прусское государство, созданное Фридрихом Великим, оказалось разрушенным, хотя для Александра I вопрос сохранения Пруссии был вопросом номер один [17. С. 66-75]. Известный историк Манфред считает, что интерес русского императора диктовался стратегическими интересами. Пруссия должна была быть буфером, предохраняющим границы России от соприкосновения с Францией [16. С. 402]. В конце концов, в обмен на согласие Александра I признать создание польского государственного образования, Пруссия получила право на существование [17. С. 66-75].

За отличное усердие в службе и труды на пользу отечества при заключении с французами благополучного для России мира по указу императора Дмитрий Иванович получил чин генерала от инфантерии, награжден орденом Святого Александра Невского. С согласия Александра I он же был награжден Наполеоном орденом Почетного Легиона большого креста.

В 1808 году Александр I назначил Лобанова-Ростовского генерал-губернатором Санкт-Петербурга.

Анализ исторических источников показал, что не все высокопоставленные современники Лобанова-Ростовского положительно оценивали действия Александра I. Они считали, что Россия проиграла, что Тильзитский договор имел тяжелые последствия для отечества (отставание в экономике, удар по международному престижу, уязвлено патриотическое чувство и т.д.) [19. С. 273]. Но вспомним о той обстановке, в которой оказалась Россия во время русско-пруско-французской войны 1806-1807 гг. Пруссия была разгромлена, Австрия была пассивной, Англия сочла себя свободной от обязательств, даже не предоставив России оговоренный займ. Тяжесть войны легла на наши плечи, остатки прусских войск не могли оказать значительную помощь. Франция же располагала большими ресурсами Германии, Италии и других стран. Неравенство очевидное. Значительные силы России были отвлечены на русско-турецкую войну, которая шла параллельно с русско-пруско-французской войной с 1806 г. К началу весенней кампании Наполеон имел 190 тыс. воинов против 100 тыс. русских [6. С. 93; 5. С. 752-754]. Вспомним, под Фридландом 2(14) июня 1807 г. русская армия потерпела поражение: против 60 тыс. русских воинов в битве участвовало 85 тыс. французских; почти треть русской гвардии была уничтожена, была утрачена почти вся артиллерия, генералы, а в особенности лучшие, были ранены или больны. Потери Франции – от 7 до 8 тыс. солдат, России – 15 тыс. [6. С. 94-95]. Тильзитский мир сыграл свою положительную роль в будущей победе над Французской армией в декабре 1812 года.

Александр I сознавал, что Тильзитский мир лишь отсрочил войну с Наполеоном, что войны не избежать. Надо было укреплять западные границы. Это дело поручает Лобанову-Ростовскому. С декабря 1810 года Дмитрий Иванович – генерал-губернатор Лифляндский, Эстляндский и Курляндский и Рижский военный губернатор. За время исполнения этих обязанностей он увеличил численный состав Рижского гарнизона и флотилии, укрепил крепость Динамунде. В 1812 году Дмитрий Иванович в ранге воинского начальника на территории от Ярославля до Воронежа по поручению императора занимался формированием резерва для армии, было сформировано 8 пехотных и 4 егерских полка, то есть 2 дивизии. Император выразил ему «совершенную признательность за усердие и рвение к службе». В начале 1813 года Лобанов-Ростовский назна-

чен главнокомандующим Резервной армии. В том же году в действующую армию было направлено из резервов 36 батальонов в количестве около 36 тыс. воинов. За эти труды Дмитрий Иванович награжден орденом Св. Владимира I-й степени. Со своим резервным войском в составе армии Беннигсена Лобанов-Ростовский оказался в Варшавском герцогстве и пробыл там до декабря 1813 года. Добрый человек, миротворец, после Тильзитского мира его называли «князем мира», он и в Варшаве отличился как миролюбец: добился освобождения нескольких поляков, которые были осуждены военным судом к смертной казни за то, что пытались доставить пропитание своим родственникам, осажденным в Модлине.

Обязанностей у Дмитрия Ивановича прибавлялось. 16 декабря 1813 года по указу Александра I он стал членом Государственного Совета. В указе говорилось о заслугах Лобанова-Ростовского, в конце было сказано: «В воздаяние... услуг на пользу отечества оказанных генералом князем Лобановым-Ростовским, повелеваем ему присутствовать в Государственном Совете» [3. С. 18]. В апреле 1814 года был награжден орденом Св. Андрея Первозванного.

25 августа 1814 года после отставки в связи с болезнью министра юстиции Д.П. Троицкого, бывшего статс-секретаря Екатерины II [4. С. 29], Лобанов-Ростовский был назначен Министром юстиции (Министр юстиции одновременно являлся и генерал-прокурором). Государь, напутствуя его, писал: «Удостоверен я в полной мере, что вы оправдаете в строгом смысле название присвоенное инструкцией генерал-прокурору: Око Императорское» [11. С. 80].

Заступив на пост Министра юстиции, Лобанов-Ростовский не ставил перед собой огромных задач. Он лишь пытался навести порядок в судебном ведомстве и начать вести борьбу с лихоимством, которое приняло ужасающие размеры. Последовал ряд серьезных разоблачений и отставок в чиновничьей среде и в самом Министерстве юстиции [4. С. 34].

Однако на первых порах не все сенаторы беспрекословно исполняли его заключения. Для того чтобы поставить их на место, пришлось вмешаться Императору. В своем рескрипте он высочайше повелел министру юстиции: «Я поручаю вам объявить Сенаторам Мою волю, что если Я желаю, чтобы они при решении дел излагали свои мнения свободно, не стесняясь ничем и основывая суждения свои единственно на существе дела и

на прямом разуме законов, то не могу допустить, чтобы они оговаривали предложения Обер-Прокурора и Министра Юстиции. Таковые действия, не имея никакой существенной цели, противны порядку и не совместны с достоинством Верховного Судилица, а потому каждый Сенатор, по выслушании дела, изложивши свое мнение, когда при несогласии Обер-Прокурора и Министра Юстиции дано будет предложение, обязан объявить только, что он согласен с тем предложением или остается при своем мнении» [2. С. 790-791].

Д.И. Лобанов-Ростовский добился принятия специального указа о том, что обер-прокуроры за упущение по должности должны отвечать только перед судом общего собрания Сената.

Заключение

Как показал сравнительный исторический анализ, изучение академических статей, тематических книг, журнальных статей и монографий по освещаемой теме, Лобанов-Ростовский сделал много полезного и для совершенствования деятельности Правительственного Сената и Министерства юстиции. В 1817-1818 гг. были приняты по его инициативе меры по улучшению материального положения чиновников Сената и Минюста, и в подведомственных учреждениях, в частности, было повышено жалование и увеличена штатная численность [11. С. 807]. Всем присутственным местам предписывалось в случаях встречающихся противоречий в законодательных актах для правильного решения вопросов необходимо сноситься с Сенатом. Много внимания уделял и местному прокурорскому надзору [9. С. 27-28]. Так, в письме Владимирскому губернскому прокурору 30 июня 1821 г. он указал: «Правительствующий Сенат по делу об умершей якобы от отравления ядом девочки Апполинарии Кривогузовой, усмотрев, что вы слабое и обстоятельствами того дела несогласное решение Владимирской палаты уголовного суда пропустили без всякого заключения, предоставил таковой поступок ваш моему рассмотрению.

Вследствие чего, делая вам за оказанную вами по означенному делу беспечность строжайший выговор, упреждаю, что при первом подобном упущении вы будете преданы суду с удалением от должности» [9. С. 27-28].

В 1818 году он, оставаясь Министром юстиции, возглавил комитет, который был

образован «для изыскания средств к уменьшению расходов по военному ведомству», внес немало ценных предложений. Когда в 1822 году возник вопрос о военном Министре, Александр I, зная деловые качества Дмитрия Ивановича и что он разбирается в военном деле (доказал это и во время боевых действий и при формировании воинского резерва), предложил ему возглавить военное Министерство. Предложение лестное, но князь Лобанов-Ростовский вынужден отказаться, ибо «... от совершенного истощения, при старости, сил и болезненных припадках лишен я возможности действовать с прежнею напряженностью, неутомимостью» [3. С. 19]. Более того он попросил царя «уволить (его – С.В.) от обоих министерств». Надо сказать, Александр I с пониманием отнесся к резонанс Дмитрия Ивановича, однако отставка с должности Министра юстиции не состоялась. Император, как уже упоминалось, ценил его деловые качества, честность и порядочность, не раз высказывал ему благодарность за «решение дел в правительствующем Сенате и за успешный ход по министерству юстиции». Такой же высокой благодарности он был удостоен и от Николая I в начале 1827 года «...похвальную деятельность судебных мест... Я приписываю стараниям вашим, тому рвению, которое всегда отличало вас на поприще службы...» [3. С. 20-21].

Д.И.Лобанов-Ростовский состоял в должности министра при Николае I почти 2 года. Ранения, телесные недуги, изнурительный труд, жизнь в гуще напряженных дел не могли не подорвать здоровье. Все это заставило

Дмитрия Ивановича возобновить просьбу об отставке. На этот раз просьба была уважена. «Надеюсь, писал в своем рескрипте Государь, что здоровье ваше позволит вам и впредь быть полезным Отечеству по званию члена Государственного Совета». Когда позволяло здоровье, он бывал на заседаниях Совета, но с каждым годом все реже и реже...

Более 10 лет Дмитрий Иванович возглавлял Министерство юстиции и во многом, как мы видим, преуспел. Кстати, за всю историю России и СССР только 7 министров, в том числе и Лобанов-Ростовский, руководили Минюстом свыше десяти лет, а всего их было до сего времени свыше шестидесяти.

Умер Дмитрий Иванович 25 июля 1838 года, похоронен на берегу Невы у церкви Спаса Преображения. В памяти потомков он останется храбрым воином, дипломатом-миротворцем, выдающимся государственным деятелем, справедливым, добрым, заступником невинных, сострадательным человеком.

Содержал на иждивении дочерей капитана Ланга, генерал-майора Далгема, Генерал-майора Ставицкого, внуку генерала-майора Русанова, семью капитана Бордукова, спасшего ему жизнь в одном из боев, а капитан Сухотин (служил под его началом, был тяжело ранен в ногу) получал от него пенсию [3. С. 23].

Жизнь Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского яркий пример подвижнического служения России. Он всегда поступал так, как велела ему совесть, долг, справедливость и здравый разум. Память о нем должна быть сохранена на веки вечные.

Литература:

1. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. VI. М., 1993.
2. ПСЗ Российской империи. Т. 37. СПб., 1930.
3. Библиотека для чтения. Князь Д. И. Лобанов-Ростовский. Очерк Д. Бантыш-Каменского. Журнал. Т. XXXVII. СПб., 1839.
4. На службе закону и справедливости. Очерки об отечественных министрах юстиции / Ред., сост. В.Д. Сысоев. М., 2002.
5. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 3. М., 1903.
6. Россия и Европа. Эпоха наполеоновских войн. М., 2012.
7. Советская историческая энциклопедия. М., 1973.
8. Призванные Отечеством. Российские прокуроры. А.Г. Звягинцев. М., 1997.
9. Владимирские прокуроры. От Петровских времен до наших дней. Владимир, 1999.
10. Михайлов О.Н. Суворов. М., 1973.
11. Министерство юстиции за сто лет (802-1902). СПб., 1902.
12. Уманский А.М. Прославленные деятели. Русский Министр иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский. СПб., 1896.

13. Петров П.Н. История родов русского дворянства в двух книгах. Книга первая. СПб., 1886.
14. Тарле Е.В. Сочинения. Т. VII. М., 1959.
15. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., Т. 65. 1901.
16. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1999.
17. Панченко А.А. От «несчастливой войны» к освобождению от наполеоновского господства. Восточная Пруссия в 1808-1813 гг. Калининград, 2007.
18. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизации. М., 2006.
19. Тильзитские договоры // <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/1807tilzit.php>
20. Fynmore A.H.W. The Treaty of Tilsit, 1807 // Notes and Queries. Volume 172. Issue 10. 6 March. 1937.
21. Cross, A. From the assassination of Paul I to Tilsit: The British in Russia and their travel writings (1801-1807) // Journal of European Studies. Volume 42. Issue 1. March 2012. P. 5-21.

DMITRY LOBANOV-ROSTOVSKY – THE TREATY OF TILSIT AUTHOR

Introduction. In Russian historical science, a steady consensus has been established regarding the biography of Prince Dmitry I. Lobanov-Rostovsky. The article is dedicated to him - the hero of the Crimean battles and the Russian-Turkish war of 1787-1792, an outstanding peacemaker who made an enormous contribution to the conclusion of the Peace of Tilsit, who did much to strengthen the western borders of Russia and the formation of the country's military reserve in 1812, the commander of the Russian reserve army in 1813. For 10 years he truly was the "Eye of the Emperor" serving as Minister of Justice and Prosecutor General. He was lucky to be a witness to the defeat and flight of Napoleon's troops outside Russia.

Materials and methods. The methodological background of the present research is based on general scientific and specific methods of research into historical and juridical phenomena and processes, as well as system-based comparative statistical analysis.

Results of the research. It is revealed and reasonably proved that after the Russian army was

defeated in June 1807 near Friedland Alexander I made the right decision to negotiate for truce with Napoleon charging Lobanov-Rostovsky with an assignment to hold the negotiation, who carried out the emperor's commission brilliantly. The peace was concluded in Tilsit. At that time both Alexander I and Lobanov-Rostovsky realized that a war with France was inevitable. The conclusion of the peace in Tilsit enabled Russia to secure the western frontiers, to prepare the army, to increase its numerical strength and to improve its combat readiness.

Discussion and conclusions. The results of the conducted research show as follows: all the activities and the life of Dmitry I. Lobanov-Rostovsky were dedicated to the selfless service to Russia. Whatever posts he held, his activity was based on faith in his people, on the desire to sincerely serve his country.

Vyacheslav D. Sysoev,
Co-chairman of the Union of Literary
Persons of Russia, Acting State Counselor of
Justice, Class II, Russia.

Ключевые слова:

Д.И. Лобанов-Ростовский, Тильзитский мир, западные границы, Резервная армия, министр юстиции, Наполеон, член Государственного совета, Александр I, Человеколюбец.

Keywords:

D.I. Lobanov-Rostovsky, The Treaty of Tilsit, western borders, reserve army, minister of justice, Napoleon, member of the state council, Alexander I, person who loved mankind.

References:

1. Solov'ev S.M., 1993. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia since earliest times]. T. VI. Moscow.
2. PSZ Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. T. 37. St. Petersburg, 1930.
3. Biblioteka dlya chteniya. Knyaz' D. I. Lobanov-Rostovskii. Ocherk D. Bantysh-Kamenskogo. Zhurnal [Library for Reading. Knyaz D.I. Lobanov-Rostovsky. Essay by D. Bantysh-Kamensky. Journal]. Vol. XXXVII. St. Petersburg, 1839.
4. Na sluzhbe zakonu i spravedlivosti. Ocherki ob otechestvennykh ministrakh yustitsii [In the Service of Law and Justice. Essays on the Country's Ministers of Justice]. Editor V.D. Sysoev. Moscow, 2002.

5. Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka [Foreign Policy of Russia in XIX and early XX century]. Vol. 3. Moscow, 1903.
6. Rossiya i Evropa. Epoha napoleonovskikh voyn [Russia and Europe. Epoch of Napoleonic Wars]. Moscow, 2012.
7. Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet Encyclopedia of History]. Moscow, 1973.
8. Prizvannye Otechestvom. Rossiiskie prokurory. A.G. Zvyagintsev [Called up by the Motherland. Russian prosecutors. A.G. Zvyagintsev]. Moscow, 1997.
9. Vladimirske prokurory. Ot Petrovskikh vremen do nashih dnei [Prosecutors of Vladimir. From the time of Peter the Great to the present day]. Vladimir, 1999.
10. Mihailov O.N., 1973. Suvorov [Suvorov]. Moscow.
11. Ministerstvo yustitsii za sto let (1802-1902) [Ministry of Justice in 100 years (1802-1902)]. St. Petersburg, 1902.
12. Umanskii A.M., 1896. Proslavlennyye deyateli. Russkii Ministr inostrannykh del knyaz' A. B. Lobanov-Rostovskii [Legendary Statesmen. Russian Minister of Foreign Affairs Knyaz A.B. Lobanov-Rostovsky]. St. Petersburg.
13. Petrov P.N., 1886. Istoriya rodov russkogo dvoryanstva v dvuh knigah. Kniga pervaya [History of dynasties of the Russian nobility in two books. Book One]. St. Petersburg.
14. Tarle E.V., 1959. Sochineniya [The Writings]. Vol. VII. Moscow.
15. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [The Encyclopedic Dictionary by Brokgauz and Efron]. Vol. 65. St. Petersburg, 1901.
16. Manfred A.Z., 1999. Napoleon Bonapart [Napoleon Bonaparte]. Moscow.
17. Panchenko A.A., 2007. Ot «neschastlivoi voyny» k osvobozhdeniyu ot napoleonovskogo gospodstva. Vostochnaya Prussiya v 1808-1813 gg. [From "the unlucky war" to the liberation from Napoleon's rule. Eastern Prussia in 1808-1813]. Kaliningrad.
18. Semennikova L.I., 2006. Rossiya v mirovom soobshchestve tsivilizatsii [Russia in the world society of civilization]. Moscow.
19. Til'zitskie dogovory [The Treaties of Tilsit]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/1807tilzit.php>.
20. Fynmore, A.H.W., 1937. The Treaty of Tilsit, 1807. *Notes and Queries*. Volume 172. Issue 10. 6 March.
21. Cross, A., 2012. From the assassination of Paul I to Tilsit: The British in Russia and their travel writings (1801-1807). *Journal of European Studies*. Volume 42. Issue 1. March. P. 5-21.

**ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ
БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И «МЕЖ-
ДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».**

Выпускники факультета получают уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имущественными комплексами, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Факультет имеет обширные международные связи, позволяющие студентам проходить стажировки в крупнейших университетах мира. Сложились традиционные партнерские отношения с одним из ведущих университетов Европы, Università degli Studi di Macerata (Италия), с которым реализуются совместные и двойные программы бакалавриата, магистратуры и программа двойной аспирантуры, которая является единственной в своем роде в России.

Программы бакалавриата:

Государственное и муниципальное управление

- Управление федеральной и региональной собственностью
- Цифровое государственное управление
- Экономическая политика
- Федеральное и региональное управление (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Политология

- Технологии публичной политики
- Теория политики
- Политическая конфликтология
- Национальная и региональная политика (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Международные отношения

- Мировая политика

Программы очной магистратуры:

Государственное и муниципальное управление

- Государственное управление устойчивым развитием
- Управление «умными городами»
- Управление в государственных корпорациях
- Digital Public Governance (совместно с Университетом Sapienza, Италия)
- Smart City Management (совместно с Университетом Ёнсе, Республика Корея)
- International Public and Business Administration (совместно с Университетом г. Мачерата, Италия)

Политология

- Международный политический консалтинг
- GR и бизнес-дипломатия
- GR and International Lobbying (совместно с Флорентийским университетом, Италия)
- International Political Consulting (совместно с Университетом Никосии, Республика Кипр)
- Political Consulting and International Relations (совместно с Университетом Пизы, Италия)

Международные отношения

- Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов
- External Relations of Regions (совместно с Университетом Кальяри, Италия)

Телефон для справок:
(495) 229-54-26

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации
от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-72205 от 24.01.2018 г.

Подписной индекс по каталогу
агентства «Роспечать» - 18310

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-62
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Напечатано в Отделе ОП и МТ МГИМО МИД России
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,25.
Подписано в печать 17.07.2019 г.
Тираж 1100 экз. 1-ый завод 300 экз. Заказ № 1135

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы
в других изданиях только с разрешения редакции,
при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век»
обязательна